

Изданіе П. Г. Дауге.

Іосифъ Дицгенъ

ЗАВОЕВАНІЯ
(АКВИЗИТЪ)
ФИЛОСОФІИ

==== U ====

ПИСЬМА О ЛОГИКЪ

*

Спеціально демократически-
пролетарская логика

Перев. съ нѣмецкаго
П. Дауге и А. Орлова

*

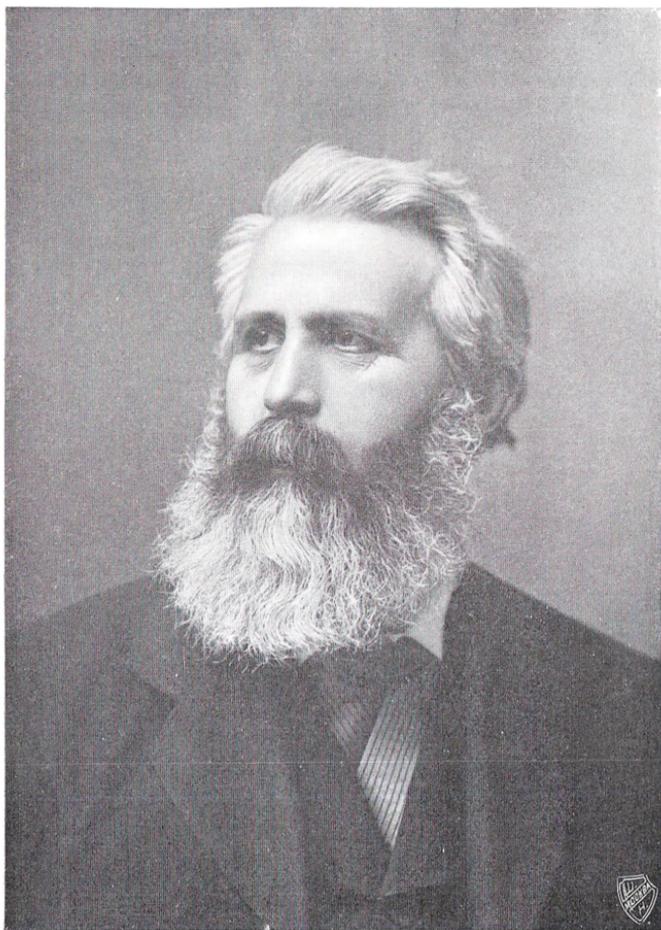
СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ КЪ РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ
Евгенія Дицгена

*

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

==== С.-Петербургъ. 1906 г. ====

Складъ изданія: Коломенская, д. 3, кв. 32.

Joseph Dugrenoy.

Изданіе П. Г. Дауге.

Іосифъ Дицгенъ.

ЗАВОЕВАНІЯ (АКВИЗИТЪ) ФИЛОСОФІИ

И

ПИСЬМА О ЛОГИКЪ.

СПЕЦІАЛЬНО ДЕМОКРАТИЧЕСКИ-ПРОЛЕТАРСКАЯ ЛОГИКА.

Перев. съ нѣмецк. П. Дауге и А. Орлова.

Съ предисловіемъ къ русскому переводу

Евгенія Дицгена.

Съ портретомъ автора.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Складъ изданія: Коломенская, д. 3, кв. 32.
1906.

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка, 117.

Нѣсколько словъ къ русскому переводу „Аквизита философіи“ Іосифа Дицгена.

У могилы Маркса Энгельсъ, между прочимъ, сказалъ: „Какъ Дарвинъ открылъ законъ эволюціи органической природы, такъ Маркъсъ открылъ законъ эволюціи человѣческой исторіи,—а именно тотъ скрытый подъ идеологической оболочкой простой фактъ, что люди должны ѣсть, пить, жить и одѣваться прежде, чѣмъ заниматься политикой, наукой, искусствомъ, религіей и т. д.; что, такимъ образомъ, производство необходимѣйшихъ матеріальныхъ жизненныхъ продуктовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, значить, каждая экономическая ступень развитія народа или эпохи составляетъ основу, изъ которой развились государственныя установленія, правовыя воззрѣнія, искусство и даже религіозныя представленія людей и пониманіе которой лишь даетъ ключъ къ пониманію послѣднихъ, а не наоборотъ, какъ думали раньше“.

Этими словами Энгельсъ обрисовалъ главную основу научнаго социализма, матеріалистическое пониманіе исторіи. Оба, Маркъсъ и Энгельсъ, пришли къ этому закону развитія человѣческаго общества, благодаря ихъ глубокому знакомству съ общимъ ходомъ историческаго прогресса, приведшаго ихъ къ діалектическому методу изслѣдованія, который вещи и факты разсматриваетъ не какъ застывшія, не какъ самостоятельныя и независимыя другъ отъ друга явленія, какъ это дѣлаетъ метафизическій, односторонне матеріалистическій или идеалистическій методы, но изслѣдуетъ ихъ, какъ явленія жизни и міра, въ ихъ измѣняемости, ихъ особенности и въ ихъ связи—не проникая, однако, въ ихъ отдаленнѣйшую космическую связь. При этомъ, Маркъсъ и Энгельсъ исходили, не какъ ихъ учитель Гегель, изъ принциповъ, которые выводятся дедуктивно изъ мистическаго, авторитарнаго (абсолютнаго) и доктринерскаго, такъ

называемаго, чистаго разума и затѣмъ уже примѣняются къ вещамъ и явленіямъ,—а они находили принципы, правила и законы взаимной связи, сознательно исходя изъ конкретныхъ явленій міра и открывая ихъ при помощи духа индуктивно или путемъ опыта. Такимъ образомъ, діалектика Гегеля была перевернута и „поставлена на ноги“ и ея результаты стали теперь научно проверяемыми. Примѣненіе этого же діалектически-индуктивнаго метода къ изслѣдованію капиталистическаго способа производства привело Маркса къ открытію, что присвоеніе неоплаченной работы, прибавочной стоимости, составляетъ его основу. „Обоими этими великими открытіями: матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи и раскрытіемъ тайны капиталистическаго производства посредствомъ прибавочной стоимости,—мы обязаны Марксу. Благодаря этимъ открытіямъ, социализмъ сталъ наукой, подлежащей лишь дальнѣйшей разработкѣ во всѣхъ ея частностяхъ и общей связи“.

Въ то время, какъ Энгельсъ писалъ эти строки, имѣлось уже важное дополненіе къ марксизму въ произведеніи Юсіфа Дицгена: „Сущность головной работы человѣка“, которому, однако, ни Энгельсъ, ни Марксъ никогда не удѣлили болѣе глубокаго разсмотрѣнія. Только въ послѣдніе годы нѣкоторые изъ ихъ учениковъ, именно, Панекоекъ въ Голландіи и Унтерманнъ въ Флоридѣ, открыли, что Дицгенъ въ этомъ произведеніи развиваетъ критико-познавательныя основы историческаго матеріализма—и этимъ заплячетъ и пробѣлъ въ марксизмѣ. Если основатели и послѣдователи историческаго матеріализма цѣлымъ рядомъ убѣдительныхъ историческихъ изслѣдованій и доказали связь между экономическимъ и духовнымъ развитіемъ и зависимость послѣдняго, въ конечномъ счетѣ, отъ экономическихъ отношеній,—то все же недоставало доказательства, что эта зависимость духа коренится въ его природѣ и въ природѣ универсума. Марксъ и Энгельсъ думали, что они уничтожили послѣдніе призраки идеализма, изгнавъ его изъ пониманія исторіи. Это была ошибка. Ибо метафизическіе призраки нашли себѣ уголокъ въ неразъясненной сущности человѣческаго духа и въ тѣсно-связанномъ съ послѣднимъ міровомъ цѣломъ. Отсюда могла его прогнать только научно-проверяемая критика познанія.

Хотя Энгельсъ въ своемъ „Ати Дюрингъ“ и констатируетъ, что зародышъ діалектически-матеріалистическаго міровоззрѣнія находится

въ историческомъ матеріализмѣ, однако, этотъ послѣдній, главнымъ образомъ, является лишь руководствомъ къ изслѣдованію общественнаго развитія и, такимъ образомъ, остался воззрѣніемъ объ обществѣ—и только критикой познанія Дицгена онъ былъ расширенъ до полнаго міровоззрѣнія. Зародышъ діалектически-индуктивнаго, иначе говоря, едино-охватывающаго и въ то же время различающаго всѣ стороны объекта міровоззрѣнія, которое мы, короче, называемъ пролетарскимъ натуръ-монизмомъ, заключался въ историческомъ матеріализмѣ лишь постольку, поскольку вмѣстѣ съ главною частью организма намѣчена и его прочая связь. Обще-міровая связь должна была поэтому еще быть выведена — и это было выполнено критико-познавательной работой Дицгена. Историческому матеріализму и его діалектикѣ не доставало прежде всего ведущей къ окончательной ясности, универсально-органической или космической точки зрѣнія. Мы особенно подчеркиваемъ это, чтобы воодушевить читателя произведеній Дицгена къ серьезному ихъ изученію, дабы онъ—кромѣ теоретико-познавательнаго обоснованія историческаго матеріализма—могъ найти дальнѣйшіе важные ключи къ пониманію общественныхъ и универсальныхъ связей, которыхъ нѣтъ въ другихъ марксистскихъ работахъ. И еще потому подчеркиваемъ мы спеціальныя заслуги Іосифа Дицгена въ дѣлѣ углубленія и расширенія марксизма, чтобы тѣмъ скорѣе могъ появиться „вооруженный всѣми достѣхами исторіи философіи Мессія, для котораго Дицгенъ желалъ быть Іоанномъ Крестителемъ и предтечей“.

Въ „Сущности головной работы человѣка“ Дицгенъ, главнымъ образомъ, занятъ анализомъ общей природы мыслительной силы (способности), напротивъ, въ „Письмахъ о логикѣ“ онъ даетъ необходимое дополненіе къ его первой работѣ, яснѣе представляя природу общаго, универсальной связи. Если въ „Сущности“ мы познакомились съ коренящимся въ природѣ человѣческаго духа методомъ мышленія для пониманія относительныхъ истинъ, то „Письма“ показываютъ намъ, въ какой мѣрѣ человѣческая мыслительная сила обладаетъ способностью приобрѣтать познаніе абсолютной истины и какое значеніе имѣетъ такое познаніе нашей мыслительной силы, которое единственно даетъ намъ прочную опору для послѣдовательнаго, систематическаго или логическаго мышленія. Лишь въ „Аквизитѣ философіи“ Дицгенъ освѣщаетъ обѣ стороны проблемы по-

знанія, такъ что это послѣднее его произведеніе слѣдуетъ разсматривать, какъ наиболѣе зрѣлый продуктъ его работъ.

Послѣ того, какъ Дицгенъ, такимъ образомъ, въ „Сущности“ доказаль, что человѣческая мыслительная способность функционируетъ, какъ естественная сила, иначе говоря, что она, какъ тѣлесно-чувственная мозговая дѣятельность выводитъ всѣ познанія или относительныя истины исключительно, въ связи съ конкретными чувственными частями данной абсолютной истины естественнаго бытія, — онъ въ „Письмахъ“ и въ „Аквизитѣ“ приходитъ къ открытію, что понятіе или пониманіе универсальнаго бытія, какъ фактической органической связи всѣхъ вещей и явленій, является постулатомъ всякаго вывода, всякой систематики, логики и діалектики. По нашему мнѣнію, мы можемъ въ XIX столѣтіи различать четыре главныя фазы діалектики: гегелевскую или чисто мыслительную, дарвинистскую или біологическую, марксистскую или историко-экономическую и дицгеновскую или универсальную натуро-монистическую. Эта послѣдняя, между прочимъ, дастъ намъ познавательнокритическій ключъ:

1) для рѣшенія всѣхъ загадокъ помощью послѣдовательнаго примѣненія діалектически-индуктивнаго метода изслѣдованія, который, сознательно исходя изъ чувственной или конкретной дѣйствительности и опираясь на органическое единство бытія, способенъ примирять всѣ противорѣчія и одновременно рѣзко различать пространственно или временно-ограниченныя, относительныя противоположности;

2) для болѣе основательнаго пониманія историческаго матеріализма и марксистскаго анализа капиталистическаго способа производства, ясно показывающихъ пролетаріату средство и цѣль его экономической эмансипаціи въ социализмѣ;

3) для разрѣшенія вопроса о началѣ и концѣ, отношенія между формой и содержаніемъ, явленіемъ и сущностью, силой и правомъ, индивидуумомъ-обществомъ и природой, субъектомъ и объектомъ, свободой и зависимостью, равенствомъ и различіемъ, временнымъ и вѣчнымъ, относительнымъ и абсолютнымъ, частнымъ и общимъ;

4) для познанія сущности вещей и явленій или критерія относительной истины;

5) для уничтоженія противоположности между матеріализмомъ и идеализмомъ;

6) для уничтоженія спекулятивной филозофіи и превращенія ея въ индуктивно-привѣряемое естествознаніе;

7) для преодоленія религіи и ея замѣны послѣдовательно монистическимъ міровоззрѣніемъ.

Слѣдуетъ между прочимъ, замѣтить, что Дицгенъ въ своихъ различнѣйшихъ произведеніяхъ едва ли прибѣгалъ бы такъ часто къ повторенію однихъ и тѣхъ же примѣровъ, если бы только онъ имѣлъ ввиду переизданіе своихъ прежнихъ работъ. По его мнѣнію, послѣдній его трудъ долженъ былъ всегда замѣнить всѣ предыдущіе. Поэтому онъ относился къ послѣднимъ очень равнодушно. За послѣдніи десять лѣтъ своей жизни онъ даже не держалъ въ рукахъ „Сущности“, такъ какъ онъ въ 1878 году одолжилъ кому-то свой единственный экземпляръ этой книги и не получилъ его обратно.

Дицгенъ нарочно прибѣгалъ къ самому популярному и наипростѣйшему способу выраженія, такъ какъ онъ обращается непосредственно къ пролетарскому читателю, отъ котораго онъ единственно ожидаетъ неограниченной никакими противорѣчивыми интересами свободы отъ предразсудковъ, необходимой для воспріятія и полнаго пониманія его заключеній. Но даже и классово-сознательному пролетарскому мыслителю это пониманіе не дается безъ труда, такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о новомъ и непривычномъ ученіи о мышленіи, изложенномъ въ самой сжатой формѣ, полное пониманіе котораго требуетъ не только повторнаго и самаго добросовѣстнаго изученія произведеній Дицгена, но и равнымъ образомъ, послѣдовательнаго примѣненія его діалектики въ повседневной жизни. Только тогда его ученіе о мышленіи покажетъ свое великое освободительное значеніе для практической теоріи и научной практики. Дицгенъ, впрочемъ, себѣ поставилъ лишь цѣль установить рамки для діалектически монистическаго міровоззрѣнія. Чтобы мало-мальски заполнить эти рамки содержаніемъ, мы должны использовать важнѣйшіе результаты всѣхъ спеціальныхъ наукъ. Кромѣ марксистовъ, особенно естествоиспытатели въ своей болѣе тѣсной области доставили очень крупныя теоретическія доказательства правильности пролетарскаго монизма. Разумѣется, послѣдніе сдѣлали это безсознательно, но побуждаемые какъ и всѣ мы, спеціальной потребностью къ достиженію плодотворныхъ научныхъ результатовъ. Въ противоположность пролетарскому монизму, буржуазный, такъ называемый, естественно-науч-

ный монизмъ, все еще страдаетъ старою дуалистическою раздвоенностью между духомъ и матеріей, такъ какъ онъ не усвоилъ себѣ познавательнo-критическаго аквизита. Но этого нельзя и ожидать отъ него, такъ какъ этотъ аквизитъ означаетъ очень опасное оружіе для революціонизированія головъ противъ буржуазнаго общественнаго порядка. Поэтому долгъ пролетаріата, экономическое положеніе котораго вмѣстѣ съ вытекающими отсюда потребностями единственно соотвѣтствуетъ общему ходу развитія въ сторону социалистическаго трудового монизма, — проникнуться какъ можно глубже диценовскимъ ученіемъ о мышленіи, чтобы это послѣднее могло превратиться въ общее орудіе для скорѣйшей побѣды надъ матеріальнымъ и идеологическимъ господствомъ буржуазіи и ея союзниковъ? Какъ и многое другое, такъ и ученіе о мышленіи Іосифа Дицгена впервые проявится въ полномъ блескѣ и сможетъ праздновать свой прекраснѣйшій триумфъ лишь съ побѣдой пролетаріата, ведущаго человѣчество къ наивысшему благу — побѣдѣ Коммунистическаго общества.

Іосифъ Дицгенъ.

Висбаденъ.

24 сент. 1906 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Какъ отецъ о ребенкѣ, такъ авторъ заботится о своемъ произведеніи. Быть можетъ, мнѣ удастся придать содержанію этой книжки нѣкоторый вѣсъ и дать въ этомъ смыслѣ нѣчто поясняющее разсказомъ о томъ, какимъ образомъ я пришелъ къ нему.

Хоть мать и родила меня въ 1828 г., но впервые въ сознательную жизнь, въ свой міръ, я вступилъ лишь въ такъ называемый „безумный 1848 годъ“. И тогда изучалъ ремесло отца въ отцовской мастерской, когда я изъ „Kölnische Zeitung“ узналъ, какъ берлинскій народъ разбилъ прусскаго короля и завоевалъ „свободу“. Эта свобода прежде всего явилась для меня предметомъ раздумья. Со стороны тогдашнихъ партій, „крикуновъ“ и „разрушителей“, было объ этомъ всюду много разговора и болтовни. Однако, чѣмъ болѣе я объ этомъ слышалъ и не могъ не воодушевляться, тѣмъ расплывчатѣй, тяжелѣе и туманнѣе становилось само понятіе свободы, которое вращалось въ моей головѣ, „какъ мельничное колесо“. Психологи давно замѣтили, какъ далеко различны воодушевленіе какой-либо вещью и ея пониманіе. Съ какой напыщенностью расцѣвуютъ католическіе крестьяне, совѣмъ, однако, не понимающіе латыни, свои вечернія молитвы.

Что такое политическая свобода? Гдѣ ея начало и гдѣ конецъ? Гдѣ и какъ приходимъ мы въ этомъ вопросѣ къ положительному, несомнѣнному познанію? Въ среднихъ партіяхъ, у „конституціоналистовъ“, какъ и у буржуазныхъ „демократовъ“, спорамъ и распрямъ не было конца. Здѣсь ничего хорошаго нельзя было ожидать. Здѣсь, какъ въ протестантизмѣ, любой субъектъ являлся непогрѣшимымъ истолкователемъ слова Божія.

Однако, что и свобода должна имѣть свою субстанціальную основу, — это почувствовалось мною изъ газетъ двухъ противо-

положныхъ крайнихъ партій, изъ Новой Прусской „Für Gott, König und Vaterland“ и Новой Рейнской, „органа демократіи“.

Въ слѣдующіе годы реакціи я въ деревенской жизни нашель досугъ, чтобы изслѣдовать это предчувствіе. Съ одной стороны Герлахъ, Шталъ и Лео, съ другой стороны Марксъ и Энгельсъ помогли мнѣ въ этомъ.

Какъ далеко ни расходились выводы коммунистовъ и людей изъ лагеря „Kreuzzeitung“, я, однако, чувствовалъ и читалъ между строками, что обѣ крайнія партіи для своихъ требованій обладали фундаментальной первичной посылкой, изъ которой онѣ исходили. Обѣ онѣ имѣли начало и конецъ; онѣ знали, чего хотѣли; и это заставляло предполагать существованіе у нихъ общей философіи. Прусскіе юнкера основывали свой ополченскій крестъ, которымъ они, какъ девизомъ, украшали свои шляпы, на исторически приобрѣтенномъ матеріальномъ королевскомъ военномъ могуществѣ и на положительномъ, черно-отпечатанномъ и черно-одѣтой жандармеріей поддерживаемомъ библейски-божественномъ откровеніи. И такимъ же неоспоримымъ, несомнѣннымъ, матеріальнымъ былъ и коммунистическій исходный пунктъ: растущее превосходство народной массы съ противоположнымъ пролетарскимъ интересомъ, основанное на исторически приобрѣтенной производительной силѣ работы. Духъ обоихъ военныхъ лагерей происходилъ изъ аквизита (конечныхъ выводовъ) философіи, ближе всего, изъ гегелевской школы. Оба они были вооружены философскимъ достояніемъ столѣтія, которое они восприняли не просто механически, но снабжали, какъ живое существо, свѣжей нищей.

Въ то время, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, появилась брошюрка названнаго рыцаря изъ „Kreuzzeitung“, Штала: „Противъ Бунзена“. Этотъ Бунзель былъ въ то же время прусскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, задушевнымъ другомъ царствовавшего тогда прусскаго короля Фридриха-Вильгельма IV—и, помимо своей извѣстности въ другой области, либеральствовалъ и интересовался политической и религіозной терпимостью.

Противъ такого вліянія была направлена упомянутая брошюра рыцаря изъ „Kreuzzeitung“, Штала, и она превосходно демонстрировала, какъ терпимость можетъ быть проповѣдуема лишь расплывчатымъ вольнодумцемъ, для котораго религія, какъ и отечество, стали индифферентными и безразличными вопросами. Религіозная

вѣра, поскольку она является истиной и обладает истинной силой, должна двигать горами. Такая вѣра ни въ коемъ случаѣ не должна быть толерантной и равнодушной и свою пропаганду должна нести огнемъ и мечемъ.

И какъ Шталь говорилъ въ пользу заинтересованной религіи юнкеровъ, такъ говорилъ въ пользу невѣрующихъ революціонеровъ философъ Фейербахъ. И такъ, оба они являлись двойниками или, вѣрнѣе, тройниками рядомъ съ авторами „Коммунистическаго манифеста“ въ томъ смыслѣ, что для всѣхъ нихъ одинаково свобода представляла собою не туманную фантазмагорію, а сущность, облеченную плотью и кровью.

Когда я пережилъ это, передо мною стало разъясняться, что взятое изъ философіи понятіе, въ данномъ случаѣ—послѣдствіе свободы, представляется слѣдующимъ образомъ: свобода сама по себѣ есть абстрактная идея. Чтобы воплотить ее въ дѣйствительность, она должна принять конкретную, спеціальную форму.

Политическая свобода въ ея воздушной всеобщности есть небывлица. За сѣ фантастическимъ идеаломъ „конституціоналисты“ или „либералы“ скрываютъ свободу денежнаго мѣшка. Они правы въ своемъ стремленіи къ нѣмецкому единству съ прусскимъ главою или къ республикѣ съ великимъ герцогомъ впереди. Въ правѣ и юнкера желать юнкерскаго единства и еще болѣе правы коммунисты: они стремятся къ пролетарской свободѣ, связанной съ стремленіемъ къ доставленію народнымъ массамъ ѣды и питья и приводящей матеріальныя производительныя силы въ полное движеніе.

Изъ этого переживанія и этого вывода уясняется, какъ истинная свобода и лучшее право составляютъ изъ единичныхъ свободъ и правъ, другъ другу противорѣчащихъ, и въ то же время вполне мыслимыхъ. Отсюда затѣмъ легко вытекаетъ излагаемое въ ниже слѣдующемъ сочиненіи ученіе о мышленіи, что для головы нѣтъ необходимости совершать экскурсіи въ трансцендентное, чтобы ориентироваться въ противорѣчивомъ реальномъ мірѣ.

Такимъ образомъ, я перешелъ отъ политики къ философіи, отъ философіи—къ теоріи познанія, какъ я представилъ ее передъ публикой въ появившемся уже въ 1869 г. и теперь давно разошедшемся сочиненіи: „Сущность головной работы человѣка“. Дальнѣйшія изученія всеобщей познавательной способности способствовали моему дальнѣйшему спеціальному познанію, такъ что теперь,

вмѣсто повтореннаго изданія моего прежняго сочиненія, я перелиль старое вино въ новые мѣха.

Наука, которую я излагаю ниже, очень ограничена въ своей области, но тѣмъ глубже она обоснована и достаточно важна въ своихъ выводахъ. Тѣмъ самымъ, думается мнѣ, оправдывается частое высказываніе одного и того же положенія въ измѣненной формѣ. Мое ограниченіе небольшою областью не нуждается ни въ какихъ оговоркахъ. Что не затронуто однимъ, то служить задачей для другихъ.

Остается еще спорный вопросъ, что и много ли изъ этого „аквизита философіи“ выпадаетъ на долю автора и на долю его предшественниковъ. Но это безнадежное дѣло! и оно было бы нелѣпой работой! Безразлично, кто вытанилъ теленка изъ колодца, лишь бы онъ былъ спасенъ. Впрочемъ, все это произведеніе трактуетъ о связи и взаимодействіи вещей, имѣющимъ могущественное и уясняющее отношеніе къ вопросу о „моемъ“ и „твоемъ“.

Г. Дицень.

Чикаго, 30-го марта 1887 г.

Въ нижеслѣдующихъ 24-хъ „письмахъ о логикѣ“ содержащаяся въ первой части этого произведенія теорія познанія или ученіе о мышленіи снова повторяется въ измѣненной, общепонятной формѣ.

Я публикую оба эти произведенія моего умершаго въ 1888 г. отца вмѣстѣ въ одномъ томѣ, ибо мнѣ кажется, что для многихъ читателей пониманіе одного сочиненія уяснится помощью чтенія другого.

Евгеній Дицень.

Чикаго, 25-го марта 1894 г.

I.

Познаніе, какъ спеціальный объектъ.

Что мы въ настоящее время называемъ наукой, то у нашихъ предковъ носило имя, звучавшее въ высшей степени почтенно и даже возвышенно, но получившее къ тому же печальный, нѣсколько наивный привкусъ: имя мудрости. Нароставшее въ ходѣ развитія превращеніе мудрости въ науку есть философское завоеваніе, заслуживающее нашего ближайшаго вниманія.

Понятіе „предка“ есть очень неопредѣленное понятіе. Сюда принадлежатъ люди, жившіе болѣе трехъ тысячъ лѣтъ тому назадъ и также такіе, которые покоятся въ могилахъ едва лишь столѣтіе. Да, сто лѣтъ тому назадъ мудрый человѣкъ еще признавался, межъ тѣмъ какъ въ настоящее время къ этому титулу примѣшивается немного насмѣшки и оскорбленія.

Мудрость предковъ настолько стара, что совсѣмъ потеряла всякую дату; она, какъ и начало рѣчи, теряется въ своемъ началѣ въ тѣхъ временахъ, когда человѣчество выходило изъ своего животнаго состоянія. Если же—что соотвѣтственно употребленію языка вѣдь неоспоримо правильно—мы назовемъ мудраго предка философомъ, тогда сейчасъ же ясно, что мудрость происходитъ отъ древнихъ грековъ. Этотъ удивительный культурный народъ далъ первыхъ философовъ.

Подразумѣвается ли подъ этимъ словомъ тотъ, который любитъ мудрость, или тотъ, который любитъ науку—это различіе и теперь малозначительно да и тогда было совершенно безсодержательно.

Вспомнимъ, какъ у древнихъ грековъ совершенно не различалось, былъ ли философъ математикомъ или астрономомъ, бралъ ли онъ предметомъ своихъ изслѣдованій науку врачеванія, искусство краснорѣчія или искусство жизни. Спеціальности здѣсь лежали безъ

различенія, нераздѣльно, въ неразвитомъ видѣ, скорѣе внѣдренными другъ въ друга, какъ эмбрионъ въ материнской утробѣ. Въ ту пору, когда человѣчество еще мало знало, можно было быть мудрецомъ; но въ настоящее время необходимо специализироваться, необходимо отдаться специальной наукѣ, ибо область изслѣдованія стала слишкомъ богатой. Философъ теперь пересталъ быть мудрецомъ и обратился въ специалиста.

Звѣзды суть предметъ астрономіи, животныя относятся къ зоологіи, растенія — къ ботаникѣ. Кто и что же тогда является предметомъ философіи? Человѣкъ-специалистъ въ отвѣтъ на этотъ вопросъ удовлетворяется однимъ словомъ; если же мы желаемъ дать способъ общаго представленія для широкой публики, то это дѣло становится довольно замысловатымъ.

Что знаю я о сапожномъ ремеслѣ, если я знаю, что оно производитъ обувь? Я тогда узналъ о немъ нѣчто общее; но ничего частнаго, ничего специального. Немногими словами никому не объяснишь о сапожномъ ремеслѣ, даже образованному, и такъ же мало такой способъ въ состояніи освѣтить предметъ философіи. Однимъ словомъ можно его назвать, но никакъ не объяснить, ни сдѣлать понятнымъ и постижимымъ, ни привести къ познанію.

Отсюда и слово „познаніе“. Познаніе есть предметъ философіи.

Мы сейчасъ же должны обратить вниманіе читателя на двойственное значеніе, которое кроется въ этомъ отвѣтѣ. Познаніе, пониманіе есть предметъ всякой науки; въ нихъ нѣтъ ничего специального. Каждое изслѣдованіе стремится прояснить голову. Философія, однако, желаетъ быть наукой и болѣе не возвращается къ старому и не быть только одной общей мудростью. Отвѣтъ, что познаніе есть предметъ философіи, есть отвѣтъ, который бы дали намъ Фалесъ, Пифагоръ или Платонъ. Развѣ же эта высокоумѣнная особа ничего до сихъ поръ не приобрѣла? Гдѣ, что является ея завоеваніемъ? Въ этомъ весь вопросъ.

Философія и по сю пору еще имѣетъ своимъ предметомъ познаніе; по ужъ болѣе не то неопредѣленное, которое желаетъ познать все, а—какъ бы это сказать популярно?—она избрала своей цѣлью познаніе, какъ таковое, т. е. методъ познанія, она желаетъ познать, какимъ образомъ достигается, то, что другіе предметы освѣщаются свѣтомъ пониманія. Еще точнѣе говоря: пред-

метомъ изслѣдованія философіи стало болѣе не познаніе, желающее знать все, какъ во времена Сократа, а разсудокъ, какъ спеціальнй объектъ, мыслительная или познавательная способность.

Если бы дѣло заключалось только въ этомъ, если бы міровые мудрецы, ничего болѣе не дѣлали какъ только нашли, наконецъ, объектъ, то это, конечно, было бы болѣе, чѣмъ скудное завоеваніе. Нѣтъ, результатъ значительно богаче. Современная теорія познанія есть дѣйствительная наука, достаточно заслуживающая того, чтобы быть популяризированной. Предки, напимѣръ, искали познаніе à la Сократъ или Платонъ, съ презрѣніемъ къ внѣшнему познанію (опыту), въ пѣдрахъ человѣческой головы. Они надѣялись помощью мудрствованія изыскать истину. „Честъ Сократу, честъ Платону; но еще большая честъ истинѣ!“

Уже Аристотель больше интересовался внѣшнимъ міромъ. Съ древней культурой, естественно, исчезла и древняя философія, пока она немного столѣтій тому назадъ, въ началѣ новѣйшаго времени, не ожила снова.

Недавно Шекспиръ заставилъ о себѣ много говорить, потому что хотѣли разоблачить, что не онъ, а его современникъ Бэконъ Веруламскій, англійскій лордъ-канцлеръ, былъ авторомъ знаменитыхъ драмъ и трагедій. Шекспиръ можетъ пользоваться своею славой, имя Бэкона достаточно велико и такъ: настолько важное (общее) значеніе имѣетъ онъ, какъ поворотный философскій пунктъ новѣйшаго времени.

Можно сказать: отъ Аристотеля до Бэкона философія спала, по меньшей мѣрѣ, не доставила никакого значительнаго завоеванія и нельзя отрицать, что она въ общемъ, отъ древняго греческаго начала вплоть до нашихъ дней, двигалась въ такомъ мистическомъ туманѣ, что въ глазахъ многихъ образованныхъ, правдивыхъ людей потеряла свой кредитъ. Но въ этомъ не такъ виноваты философы, какъ самая неизвѣстность объекта. Лишь послѣ того, какъ общая культура настолько двинула впередъ человѣческое познаніе, что интеллектуальный свѣтъ сталъ свѣтитъ изо всѣхъ дисциплинъ науки, философія начинаетъ сознать свой спеціальнй объектъ и оказывается въ состояніи вышелушить свое завоеваніе изъ мусора прошлаго.

Если мы сопоставимъ древне-греческую мудрость и современную науку, то по отношенію къ приобрѣтеніямъ послѣдней результатъ

философіи сводится къ нулю. Тѣмъ не менѣе, какъ бы ни была также велика цѣнность общаго научнаго продукта, эта цѣнность вѣдь составлена изъ единичныхъ цѣнностей и каждая частица достойна вниманія; такъ же вѣдь, какъ и методъ, путь и форма, какими духъ приходитъ къ своимъ вѣрнымъ и практическимъ созданіямъ. На своемъ пути отъ невѣжества къ своему современному богатству онъ собралъ не только кладъ знаній, но также улучшилъ и свою методу, такъ что съ тѣхъ поръ отстраиваніе науки идетъ съ большимъ ускореніемъ и результатомъ. Кто будетъ отрицать, что матеріальное производство въ методахъ, помощью которыхъ оно въ настоящее время доставляетъ продукты, пріобрѣло кладъ, который перевѣшиваетъ всѣ собранныя вмѣстѣ блага національнаго богатства. Въ подобномъ же отношеніи стоитъ завоеваніе (acquisit) философіи къ богатствамъ науки.

II.

Познавательная способность находится въ родственной связи съ универсумомъ.

Путь истины, или истинный путь, — это не мудрствованіе, но связываніе нашихъ мыслей съ дѣйствительной, чувственной, матеріальной жизнью, — такова квинтъ-эссенція созрѣвашаго въ процессѣ развитія философскаго ученія. Но этимъ самымъ дѣло еще далеко не закончено. Если я, какъ сказано, знаю о сапожникѣ, что онъ готовитъ обувь, то я далеко еще не знаю все, что онъ дѣлаетъ, ибо также не менѣе важно и знаніе точнаго способа его манипуляціи. Такимъ же образомъ порожденное общей культурой положеніе о связи (единствѣ) духа и матеріи нуждается въ ближайшемъ и болѣе специфическомъ обоснованіи, чтобы понять его въ качествѣ философскаго или теоретико-познавательнаго вывода (завоеванія). Если выставить этотъ результатъ такимъ обнаженнымъ, то онъ, разумѣется, будетъ походить на яйцо Колумба: люди не знаютъ, почему о немъ идетъ такъ много шума; но какъ только мы начинаемъ заниматься частностями, которыя сдѣлали обувь тѣмъ, чѣмъ она является теперь, такъ сейчасъ же въ насъ не только возбуждается уваженіе къ философскимъ именитостямъ, но въ ихъ рабо-

тахъ также открывается намъ богатый источникъ плодотворныхъ специальныхъ познаній.

Всѣ науки находятся въ тѣсной связи между собою. Успѣхи въ одной дисциплинѣ суть подготовленія къ успѣхамъ въ другой области. Астрономія немислима безъ математики и оптики. Каждая научная область въ началѣ выступала ненаучно и лишь въ дальнѣйшемъ развитіи, въ процессѣ накопленія единичныхъ знаній, она приходила къ болѣе или менѣе точному, систематическому упорядоченію этихъ послѣднихъ. Ни одна научная специальность еще не родилась готовой и совершенной; все сводится болѣе къ стремленіямъ, нежели къ готовымъ результатамъ. Въ философіи дѣло ни въ коемъ случаѣ обстоитъ не лучше, и намъ скорѣе, думается, удастся сдѣлать кое-что противъ распространеннаго предразсудка, если мы въ состояніи будемъ констатировать, что въ ней дѣло обстоитъ не хуже, чѣмъ въ другихъ специальностяхъ, если только намъ удастся представить, что она сдѣлала и какого рода сдѣлала завоеваніе.

Философскимъ завоеваніемъ является то, что современный человѣческій міръ имѣетъ ясное и недвусмысленное понятіе о томъ, какъ неизбежно „раздѣленіе труда“, чтобы итти впередъ. Современные философы не изслѣдуютъ болѣе наугадъ истину, красоту и добро, какъ это дѣлали старые философы. Еще и теперь истина, красота и добро являются цѣлью всякой науки; но культурнымъ завоеваніемъ является тотъ фактъ, что они изыскиваются на специальномъ пути,—и ясное и точное сознаніе объ этомъ положеніи дѣла есть философское сознаніе.

Знать о томъ, что, если желаешь чего-либо достигнуть, необходимо ограничить себя—есть одно изъ требованій теоріи познанія. Это общее требованіе для употребленія здраваго человѣческаго разсудка, котораго этотъ первоначальный фантазеръ зналъ не всегда. Ты долженъ не съ закрытыми или изумленными, но всегда и постоянно съ ясными глазами, открытымъ чувствомъ заботиться о размышленіи. Это ученіе относится къ ученію о мышленіи. Мы не хотимъ оспаривать, что люди постоянно приобрѣтали свое мышленіе сенсуалистически, но поступали не на основаніи научныхъ правилъ; они не знали точнаго основоположенія, иначе старая жалоба о ненадежности чувственнаго познанія и порицаніе по отношенію къ обманчивымъ чувствамъ не были бы такъ

стары; иначе мы не имѣли бы такой чрезмѣрной склонности къ внутреннему духу и не такъ прославляли бы абстрактное мышленіе, какъ если бѣ только оно было продуктомъ высшаго міра и высшаго происхожденія. Мы нисколько не хотимъ лишать способность абстракціи ея подобающей славы, но лишь утверждаемъ, что глина, изъ которой былъ созданъ Адамъ, была не менѣ божественной, нежели духовный духъ, который влилъ въ нее первую жизнь. Я также не хочу сказать, что только одна философія указала человечеству, что „познаніе“ должно направлять свои усилія не въ воздушную всеобщность, но итти по пути раздѣленія труда и съ сенсуалистическимъ чувствомъ обратиться къ спеціальностямъ. Эта техника познанія была вызвана общимъ культурнымъ движеніемъ на первую очередь — какъ философское завосаніе. Общее культурное движеніе поставило философовъ на ноги.

Несомнѣнно, что философія до сихъ поръ была болѣе стремленіемъ и любовью къ наукѣ, нежели міровой мудростью. Съ этой мудростью и до сихъ поръ еще не далеко ушли. Живымъ доказательствомъ этого является неясность (туманность), которая царствуетъ среди образованныхъ и необразованныхъ во всѣхъ вопросахъ, касающихся жизненной мудрости. Сократъ на рынкѣ въ Аѣнахъ и Платонъ въ своихъ діалогахъ о вопросахъ: „Что такое добродѣтель, справедливость? Что нравственно и разумно?“ быть можетъ, лучше высказывались, нежели объ этомъ въ настоящее время могли бы высказаться профессора философіи. Послѣ того, какъ Кантъ такъ удачно установилъ, что въ единодушїи (согласованности мнѣній) спеціалистовъ можно опредѣлить ясно, что является наукой и что пустословіемъ, — стало очевиднымъ, что жизненная мудрость установлена очень плохо и что она ждетъ еще своего научаго преобразованія.

Мы объяснили познаніе, какъ таковое, какъ спеціальнй объектъ философіи и хотѣли бы представить, чѣмъ являются достигнутые доселѣ результаты ея изслѣдованія.

Прежде всего, для освѣщенія философскаго предмета, важно то, что мы отдаемъ себѣ ясный отчетъ въ различныхъ именахъ этого предмета. Познаніе или познавательная способность называется также интеллигенціей (въ смыслѣ интеллекта, перев.) разсудкомъ, духомъ, разумомъ, способностью образованія понятій, различенія, представленія, сужденія и заключенія. Неоднократно пытались ана-

лизовать и расчленивъ познаніе и помощью названныхъ именъ, спеціализовать его отдѣльныя части, такъ что именно логика умѣетъ давать спеціальное изложеніе того, что является понятіемъ, что—сужденіемъ и что—заключеніемъ. Она даже и эти частности расчленила далѣе, каждую на большее число подраздѣленій, такъ что какой-нибудь ученый логикъ съ большимъ успѣхомъ могъ бы бросить мнѣ упрекъ въ томъ, что наименованіе интеллигенціи различными именами есть невѣжество; только въ народныхъ устахъ эти имена замѣняютъ собою другъ друга и употребляются, какъ синонимы, между тѣмъ какъ научно они давно и въ гораздо лучшемъ порядкѣ служили для обозначенія отдѣльныхъ спеціальныхъ частей интеллигенціи.

Противъ этого утвержденія необходимо тогда возразить, что уже Аристотель и слѣдующіе формальные логики выполнили въ этой области очень остроумныя наблюденія и удачныя установленія (разграниченія), которыя однако проявились слишкомъ несвоевременно и недолговѣчно, ибо наблюденія, на которыхъ основывались древніе изслѣдователи духа, были слишкомъ скудны. Скудость сдѣланныхъ въ интеллигенціи и при помощи интеллигенціи наблюденій слишкомъ долго держала человѣчскій родъ въ туманно-мистической ограниченности, чтобы дать возможность наиболѣе прогрессивнымъ умамъ сдѣлать болѣе глубокое проникновеніе въ эту темную матерію. Исторія философіи является хотя и бесполезной, по все же только борьбой, горькой борьбой съ вопросомъ, чѣмъ является и что дѣлаетъ, изъ какихъ частей состоитъ и какова природа познанія или интеллигенціи, разума, разсудка и т. д. Пока этотъ вопросъ не рѣшенъ, изслѣдователь вправѣ не обращать вниманія на каждое подраздѣленіе и каждое расчлененіе интеллектуальнаго объекта и разсматривать части и ихъ имена, какъ одноименныя.

Важнѣйшимъ завоеваніемъ при рѣшеніи этой проблеммы является становящееся въ наши дни все яснѣе и значительно точнѣе познаніе, что природа человѣческаго интеллекта — одного рода, одного характера, одного происхожденія съ общею природой. Чтобы теорія познанія была въ состояніи разъяснить этотъ пунктъ, она въ большей или меньшей мѣрѣ вынуждена устраниться отъ характера спеціальной науки и заняться общей природой, стать, такъ сказать, космогоніей.

Преимущественно философскимъ завоеваніемъ является тотъ

фактъ, что мы опредѣленно и до мельчайшихъ частныхъ подробно знаемъ, что человѣческій духъ есть опредѣленная, ограниченная часть неограниченнаго космоса, природы или универсума.

Какъ кусокъ дубоваго дерева обладаетъ двоякимъ качествомъ, на ряду со своей спеціальной дубовой природой принимать участіе не только въ болѣе общей природѣ дерева, но также и въ безконечной всеобщности общей природы, — точно также и интеллектъ есть ограниченная спеціальность (частность), которая, равнымъ образомъ, обладаетъ свойствомъ, какъ часть универсума, быть самому универсальнымъ и сознавать свою собственную и всякую другую универсальность. Безконечная, универсальная, космическая природа кроется въ интеллектѣ, въ человѣческомъ, какъ и въ животномъ, какъ кроется она въ дубовомъ деревѣ, во всѣхъ другихъ деревьяхъ, во всѣхъ матеріяхъ и силахъ. Міровая, монистическая природа, которая является, равнымъ образомъ, преходящей и вѣчной, ограниченной и безграничной, спеціальной и общей, находится во всемъ и все находится въ этой природѣ — познаніе или способность познанія не дѣлаетъ изъ этого никакого исключенія.

Именно двоякая природа универсума, который, равнымъ образомъ, является конечнымъ и безконечнымъ, котораго безграничная сущность, вѣчная истина проявляется въ измѣчивыхъ явленіяхъ, — затрудняла пониманіе человѣческой познавательной способности. Эта запутанная двоякость въ религіи представлена въ фантастической картинѣ двухъ различныхъ міровъ; эта религія неразумно далеко отдѣлила вѣчное отъ временнаго, неограниченное отъ ограниченного. Въ наши дни, напротивъ, неразрушимость осязаемой матеріи и исчезаемость естественныхъ силъ стали аксіомой.

Итакъ, завоеваніе философіи заключается въ томъ, чтобы познать, какъ или какимъ образомъ двоякая природа — универсумъ осуществляется въ человѣческомъ познаніи.

III.

Въ какой мѣрѣ интеллектъ ограниченъ или неограниченъ.

Руководимое опытомъ познаніе не мудрствуетъ больше объ универсальной природѣ, но приобрѣтаетъ для себя знанія о послѣдней помощью спеціального изслѣдованія. Такимъ-то образомъ

вѣдь и сама философія—сперва на половину бессознательно, а въ концѣ ясно и точно—еще приблизительно три столѣтія тому назадъ выдвинула спеціальную проблему: опредѣлить „предѣлы познанія“.

Эта философская задача прежде всего была полемическаго характера. Она была противопоставлена религіозной догмѣ, представлявшей человѣческой духъ, какъ маленькое, зависимое, предѣльное и ограниченное проявленіе безграничнаго божественнаго духа. Поэтому это земное проявленіе было слишкомъ ограничено, чтобы въ состояніи понимать и изслѣдовать небесный источникъ этого проявленія. Изслѣдованіе о „границахъ познанія“ теперь освободилось отъ этой догмы, однако, не настолько полно, чтобы темная тайна до сихъ поръ постоянно не обволакивала познаніе и интеллигенцію и спеціально вопросъ: въ состояніи ли человѣческой разсудокъ освѣтить лишь единичное и остальное онъ долженъ оставить въ непроницаемой темнотѣ вѣры и предчувствія, или онъ можетъ смѣло и безпрепятственно проникать въ безконечность физическаго и химическаго универсума.

Мы хотимъ здѣсь представить, какъ завоеваніе философіи, какимъ образомъ она, наконецъ, приобрѣла ясное и точное знаніе, что „безграничный духъ“, въ религіозномъ смыслѣ слова, есть романтическая, ненаучная, фантастическая идея. Въ естественномъ смыслѣ слова, человѣческая познавательная способность является универсальной и, однако, не-смотря на свою универсальность, вполне естественно — ограниченной. Она имѣетъ свои границы—почему же нѣтъ? Но необходимо оставить мечту о томъ, что за этими границами скрыта темная мистерія.

Познаніе является способностью (силой) наряду съ другими, и все, что находится возлѣ другого, опредѣлено и ограничено этимъ другимъ. Мы можемъ все познать, но мы также можемъ все осязать, видѣть, слышать, чувствовать и обонять; мы также обладаемъ способностью передвиженія и еще многими подобными способностями. Одно искусство ограничиваетъ другое и, однако, каждое въ своей области безгранично. Различныя человѣческія способности связаны другъ съ другомъ и вмѣстѣ создаютъ человѣческое богатство. Пусть лишь не такъ далеко отдѣляютъ познавательную способность отъ другихъ естественныхъ способностей! Въ извѣстной мѣрѣ она должна быть отдѣлена, ибо она именно должна служить нашему изслѣдованію спеціальнымъ объектомъ, но необхо-

димо постоянно помнить, что такое раздѣленіе имѣетъ лишь теоретическое значеніе.

Какъ наша зрительная способность можетъ все видѣть, такъ и наша мыслительная способность можетъ все мыслить, понимать.

Разсмотримъ это утвержденіе немного ближе.

Какимъ образомъ мы можемъ видѣть все? Не изъ одного пункта. Здѣсь зрительная способность очень ограничена. Что, однако, невидимо вдали, то уясняется, когда мы подходимъ ближе. Чего не замѣчаетъ одинъ глазъ, то замѣчаетъ другой и что невидимо для невооруженнаго глаза, то показываютъ намъ телескопы и микроскопы. Тѣмъ не менѣе зрѣніе остается ограниченнымъ, хотя бы оно было наилучшимъ или вооружено съ наибольшимъ искусствомъ. Также и въ томъ случаѣ, если мы разсматриваемъ всѣ глаза прошлаго и будущаго человѣчества, какъ органы общаго человѣческаго зрѣнія—зрительная способность все же остается ограниченной. Все же никто не станетъ жаловаться по поводу ограниченности человѣка, потому, что его глаза не могутъ слышать звука и его ухо не можетъ видѣть свѣта.

Разсудокъ человѣка ограниченъ, какъ ограничено его зрѣніе. Глазъ можетъ видѣть сквозь оконное стекло, но не сквозь доску; однако, мы не будемъ считать за ограниченность глаза, если онъ не въ состояніи видѣть сквозь доски. Эти рѣзкія сравненія вполне умѣстны, ибо есть ученые мужи, которые съ наисерььезнѣйшей въ мірѣ миной кладутъ палецъ на носъ и толкуютъ объ ограниченности нашего интеллекта въ томъ смыслѣ, что то познаніе, которое у насъ научно примѣняется, является лишь номинальнымъ, но не собственно знаніемъ. Человѣческій интеллектъ, такимъ образомъ, низводится къ „суррогату“ какого-то „высшаго“ интеллекта, который не можетъ быть открытъ ни въ маленькой головѣ гнома-певидимки, ни въ великой головѣ громовержца, но въ котораго должно вѣрить, неся его въ себѣ, какъ предчувствіе.

Кто будеть требовать отъ насъ вѣрить въ великій, всемогущій глазъ, способный видѣть сквозь доски и употреблять ихъ, какъ оконныя стекла. Приблизительно такъ же бессмысленна идея о духовномъ органѣ, котораго познавательная сила была бы безгранична. Безпредѣльная вещь, непредѣльная сущность есть нелѣпость; развѣ только условиться какъ единственную сущность и вещь, какъ монизмъ, разсматривать только весь міръ, міръ безъ

начала и конца, безграничный. Внутри этого міра все хотя и измѣняется, но ничто не можетъ выйти за предѣлы своего рода, не теряя своего имени и характера. Существуютъ различные огни, однако, нѣтъ ни одного, который бы не горѣлъ, ни одного, который бы не обладалъ общей природой огня, никакой воды, которая бы не обладала общей природой воды и ни одного духа, который былъ бы выше общаго свойства духовъ. Въ наши дни ясныхъ понятій тенденція къ преувеличеніямъ обратилась въ фантастику.

Пенаучно и фантастично желать представлять себѣ какую-то высшую мыслительную или познавательную способность. Съ такимъ же правомъ можно представлять себѣ высшую лошадь, которая бѣгаетъ на восьми, шестнадцати или тысяча шести стахъ ногахъ, и которая несетъ наѣздника въ высшей воздушной сферѣ съ быстротой высшею, нежели быстрота вѣтра или свѣта.

Къ завосванію философіи, къ правильному методу мышленія, къ искусству мышленія или діалектикѣ относится тотъ фактъ, что она учитъ насъ знать, что мы должны всё, безъ исключенія, понятія употреблять лишь въ ограниченномъ, доступномъ (для пониманія), естественномъ смыслѣ, если мы не хотимъ очутиться въ такой области, гдѣ существуютъ горы безъ долинъ, гдѣ фабрикуются лихтенберговскіе ножи и гдѣ всякая теорія познанія лишена разумности.

Разумѣется, всё вещи, также, какъ и всё наши способности, могутъ совершенствоваться. Все развивается, почему же въ такомъ случаѣ не могутъ развиваться и духи? Но при этомъ, однако, мы можемъ знать à priori: какъ наши глаза никогда не въ состояніи будутъ стать настолько острыми, чтобы они могли видѣть съвозъ доски, такъ и нашъ интеллектъ долженъ быть ограниченъ и оставаться таковымъ, но лишь не въ узкомъ смыслѣ дурака. Каждый индивидуумъ обладаетъ ограниченной головой, однако, человѣчество—знаніе чего является завосваніемъ философско—историческаго развитія—обладаетъ разсудкомъ такой универсальной силы, какая только можетъ быть мыслима, необходима и открыта гдѣ бы то ни было.

Мы утверждаемъ, что до сихъ поръ существовавшая философія сдѣлала завосваніе тѣмъ фактомъ, что завѣщала намъ одно приобрѣтеніе и это завѣщаніе заключается въ ясномъ распознаніи метода, какимъ намъ подлежитъ употреблять свой интеллектъ, чтобы воспроизводить вѣрныя отображенія природы и ея явленій.

Чтобы познакомить читателя съ этимъ методомъ, съ философскимъ наслѣдіемъ, мы принуждены ближе вникнуть въ свойство интеллекта, помощью котораго добыты всѣ достоянія науки. Намъ особенно интересуетъ вопросъ, является ли онъ ограниченнымъ или неограниченнымъ универсальнымъ инструментомъ, съ которымъ мы выступаемъ для выуживанія истины. Мы очень любимъ преуменьшать способности человѣческаго разсудка, чтобы держать послѣдній въ подчиненіи у небесно-метафизическихъ авгуровъ. Но легко понять, что вопросъ о свойствѣ нашей познавательной способности очень тѣсно связанъ или почти идентиченъ съ вопросомъ, какимъ образомъ мы должны употреблять ее (эту способность): только ли для изслѣдованія ограниченного, предѣльнаго, конечнаго, или также и для изслѣдованія вѣчнаго, безконечнаго, неизмѣримаго.

Мы полемизируемъ здѣсь противъ тенденціи, стремящейся принизить человѣческій духъ. Приблизительно сто лѣтъ тому назадъ философъ Кантъ счелъ нужнымъ выступить въ сраженіе противъ тѣхъ, кто вмѣстѣ съ человѣческимъ духомъ уходилъ изъ всѣхъ предѣловъ и оковъ, противъ такъ называемыхъ метафизиковъ. Они обратили мыслительный инструментъ въ чудовище, въ нѣчто чрезвычайнае. Чтобы представить теперь завосваніе философіи, мы должны уяснить читателю, что этотъ инструментъ въ своемъ родѣ является наилучшимъ и наилучшимъ, но, что онъ въ то же время также и связанъ своимъ родомъ или видомъ. Человѣческое познаніе познаетъ вполнѣ совершенно, однако, не слѣдуетъ создавать себѣ преувеличенное представленіе объ этомъ совершенствѣ, какъ и о совершенномъ глазѣ или ухѣ, которые хотя могутъ быть Богъ вѣсть какими совершенными, но, однако, не въ состояніи ни видѣть, какъ трава растетъ, ни слышать, какъ блохи кашляютъ.

Богъ есть духъ, говоритъ библія, и Богъ есть неисчерпаемое. Если послѣднее есть духъ, духъ, какъ человѣкъ имѣетъ духъ, интеллектъ, разсудокъ, то необходимо было считать, что и человѣческій разсудокъ долженъ былъ быть неисчерпаемымъ или почти самимъ божественнымъ духомъ, водворившимся въ человѣческихъ головахъ. Съ этими путанными понятіями возились до тѣхъ поръ, пока современный предметъ философіи, интеллектъ, оставался тайной. Теперь онъ познанъ, какъ ограниченное, предѣльное, естественное явленіе, сила или потенція, являющаяся не неизмѣримой, но,

подобно всёмъ другимъ силамъ и матеріямъ, частью неизмѣримаго, вѣчнаго и безграничнаго.

Если оставить въ сторонѣ религіозныя выдумки, то безконечное, неизмѣримое, вѣчное представляетъ собою не личное, а вещественное, т.-е. болѣе не вѣчнаго, а вѣчное. Оно именуется многими именами: универсумъ, космосъ или міръ. Чтобы ясно и точно понять, что духъ, который мы имѣемъ въ головѣ, является ограниченной частью міра, мы должны немного ближе познакомиться съ неограниченнымъ вѣчнымъ міромъ. Нашъ физическій міръ не можетъ имѣть возлѣ себя, надъ собою или внѣ себя никакого другого міра, ибо онъ является универсумомъ. Въ универсумѣ находятся мпогіе міры, которые всё вмѣстѣ, однако, принадлежать къ одному космосу, не имѣющему ни временно, ни пространственно пачала и конца. Космосъ царитъ надъ всёми пространствами и временами „на небѣ, на землѣ и во всёхъ мѣстахъ“.

Но откуда я знаю такъ положительно и безапелляціонно, какъ я объ этомъ говорю? Отвѣтъ: Познаніе универсума, неограниченнаго, намъ въ такой же мѣрѣ прирождено, какъ и дановъ опытѣ. Прирождено человѣку познаніе, какъ приблизительно прирождена ему рѣчь, именно въ зародышевой формѣ, а опытъ дастъ намъ неограниченное въ отрицательномъ видѣ; мы нигдѣ и ни о какой вещи не познаемъ ни пачала, ни конца. Напротивъ, опытъ положительно разъяснилъ намъ, что всё мнимы пачала и концы суть лишь связи безкончнаго, неизмѣримаго, невоспроизводимаго и неисчерпаемаго универсума. Въ противоположность космическому богатству, интеллектъ является бѣднойгой, что, однако, съ другой стороны, не мѣшаетъ ему быть наисовершеннѣйшимъ инструментомъ для передачи ограниченныхъ явленій неограниченнаго существа природы, умѣть точно передавать въ наяснѣйшемъ и пачточнѣйшемъ видѣ.

IV.

Объ общности природы.

Завоеваніе философіи заключается въ уясненіи природы чело- вѣческаго духа. Оно показываетъ намъ, что эта духовная природа

не составляет никакого исключенія, но находится въ связи съ общей природой. Чтобы показать это, философія не можетъ заниматься человѣческимъ духомъ, какъ обособленнымъ объектомъ, но должна трактовать о его общей природѣ. И такъ какъ общая природа нашего интеллекта является той же самой природой, въ которой вообще участвуетъ каждый другой предметъ, — то общая природа или универсумъ или космосъ — поскольку всѣ три (названія) идентичны — является неизбѣжнымъ предметомъ при спеціальному изслѣдованіи, касающемся природы человѣческаго духа.

Мы объяснили уже, что умудренное опытомъ познаніе въ настоящее время не мудрствуетъ болѣе объ универсальной природѣ, но создаетъ себѣ знанія о послѣдней помощью спеціального изслѣдованія. При этомъ, однако, нельзя отрицать, что изслѣдованіе частныхъ бросаетъ также свѣтъ и на общее существо, часть котораго представляетъ собою каждое частное (существо).

Такъ какъ человѣческій интеллектъ представляетъ собою часть всего существа или природы и, именно, ту часть, которая обладаетъ потребностью и стремленіемъ составлять себѣ образъ всѣхъ другихъ частей и не только это, но и картину связи, картину цѣлаго всѣхъ частей, которое является нераздѣльнымъ и безконечнымъ, — то отсюда уясняется тотъ извѣстный фактъ, почему философы такъ много возились съ этимъ реальнѣйшимъ и совершеннѣйшимъ существомъ, т. е. природой. Если эта сущность обозначалась то именемъ Господа-Бога, то какъ субстанція, какъ идея, какъ абсолютное, какъ природа и матерія, — то это не должно мѣшать намъ теперь болѣе яснымъ и трезвымъ образомъ приблизиться къ неограниченной природѣ, чтобы помощью послѣдней пріобрѣсть живой образъ того, какъ человѣческій интеллектъ является не мистической сущностью, но разумною частью той самой природы, которая существуетъ во всѣхъ другихъ естественныхъ вещахъ такъ же разумно и доступно пониманію.

Неопытная способность различенія, которая не попяла своей функціи, тѣмъ и характерна, что она обращала различіе между неограниченнымъ и ограниченными единичными проявленіями послѣдняго въ различіе чрезмѣрное. Послѣ того какъ былъ пріобрѣтенъ философскій опытъ о томъ, что общая природа, какъ и частичная природа человѣческаго интеллекта, допускаетъ лишь умѣренныя, ограниченныя различія, — стало ясно, что неизмѣримая,

наисовершеннѣйшая, вѣчная сущность такова, что составляется изъ ограниченныхъ, измѣримыхъ, несовершенныхъ, преходящихъ вещей и что эта общая сущность объединяетъ въ себѣ не только всѣ совершенныя вещи, но и всѣ несовершенныя. Эта противорѣчивая общая сущность, эта природа, отъ которой, по справедливости, исходятъ всѣ противорѣчащія другъ другу предикаты, нѣкоторымъ образомъ опровергаетъ старое ученіе о томъ, что нелѣпо свидѣтельствовать о какомъ-нибудь предикатѣ субъекта и въ то же время отрицать этотъ предикатъ.

Природа обнимаетъ все и составляетъ вселенную. Въ ней содержится разумокъ и безразсудство, бытіе и небытіе и всѣ противорѣчія. Въ ея нѣтъ никакихъ положеній какъ нѣтъ и никакихъ противорѣчій. Такъ какъ человѣческій духъ вѣчно вращается между положеніями и противорѣчіями, чтобы получить ясную картину природы—то въ неизмѣримомъ объектѣ онъ имѣетъ также и неизмѣримую работу.

Что противорѣчить въ природѣ, то должно быть разрѣшено въ головѣ. Если она обладаетъ самопознаніемъ настолько, чтобы знать, что она не представляетъ собою никакого исключенія изъ общей природы, но является естественной вещью той же самой матеріи (не смотря на то, что она величаетъ себя „духомъ“), то она знаетъ да и должна знать, что ея ясность отъ природной путаницы, ея рѣшеніе загадки отъ самой загадки можетъ отличаться лишь очень умѣренно (относительно)...

Только помощью относительнаго различенія разрѣшаются противорѣчія, только помощью теоретико-познавательнаго знанія о томъ, что преувеличенныя основныя различія сами именно являются преувеличеніями.

Человѣческая способность различенія въ своей первой, некультурной стадіи склонна была къ преувеличеніямъ — и различеніе духовнаго отъ совѣмъ иного, природнаго, тѣлеснаго, силового является пережиткомъ некультурной привычки.

Если завоеваніе философіи здѣсь выражается въ томъ, что она выработала ясное ученіе объ употребленіи интеллекта, то это культивированное употребленіе заключается лишь въ предписаніи устанавливать лишь степенныя и ни въ коемъ случаѣ не чрезмѣрныя, не *toto caelo*, не такъ называемыя „существенныя“ или абсолютныя различія между вещами. Для этого мы должны помнить, что сущест-

ствуется лишь одна сущность, а всѣ другія такъ называемыя сущности мы познаемъ, какъ несущественныя формы общей сущности, обозначаемой именемъ природы или универсума.

Такимъ образомъ, первоначально, люди, склонные въ различеніи къ преувеличеніямъ, усматривали въ человѣческой познавательной способности сущность совсѣмъ иной природы, нежели сущности естественныя, существовавшія рядомъ съ интеллектомъ и внѣ его. Но необходимо замѣтить, что каждая часть природы является „другой“, индивидуальной частью природы и далѣе, что каждая другая и инымъ образомъ организованная, индивидуальная, часть, несмотря на это, вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ собою не какую-либо иную, а напротивъ, однородную часть общей природы. Вся суть въ взаимности: обща сущность природы проявляется лишь помощью безконечно многихъ индивидуальныхъ отдѣльностей, а тѣ, въ свою очередь, проявляются въ общей, вмѣстѣ съ общей и помощью общей космической объединенной сущности.

Природа, которая человѣческимъ разсудкомъ дѣлится на востокъ и западъ, югъ и сѣверъ и на сотни тысячъ другихъ частей, въ то же время, однако, является нераздѣльнымъ цѣлымъ, о которомъ можно со всей опредѣленностью сказать, что, съ одной стороны, она имѣетъ безконечное число началъ и концовъ, а съ другой, является безначальнымъ и безконечнымъ и матеріальной вѣчностью. Хорошо извѣстно, что ничего не ново подъ солнцемъ; ничто не возникаетъ, ничто не исчезаетъ и тѣмъ не менѣе всюду—вѣчная измѣнчивость!

Человѣческая голова обладаетъ правой стороною и лѣвой стороною, верхомъ и низомъ, задомъ и передомъ, а также чѣмъ то внѣшнимъ и внутреннимъ. А внутреннее этой головы, въ свою очередь, имѣетъ двѣ стороны или два свойства, тѣлесное и духовное. Они настолько мало раздѣлены, что разговоръ о человѣческой головѣ всегда двусмысленъ; въ этомъ разговорѣ то употребляется обозначеніе головы, какъ чего-то тѣлеснаго, то—какъ чего-то духовнаго. Если мы здѣсь говоримъ исключительно о духѣ, то все же молчаливо предположена связь послѣдняго съ тѣломъ.

Матеріальная голова и духовная голова суть двѣ головы, составляющія вмѣстѣ одну голову. Въ томъ же родѣ, какъ двѣ, три, четыре и безконечное множество вещей, вмѣстѣ съ тѣмъ, все же составляютъ одну вещь. Человѣческая способность образованія по-

нятій по самой своей природѣ предназначена къ тому, чтобы безконечное разнообразіе міра связать въ одно монистическое, въ одно понятіе. Единство міра также истинно и реально, какъ и его множественность, что множественное является единымъ и единое — множественнымъ — въ этомъ нѣтъ ничего безсмысленнаго, это лишь противорѣчіе, которое при знакомствѣ съ завоеваніемъ философіи объясняется, какъ нельзя лучше.

Незнакомый съ этимъ философскимъ продуктомъ культуры читатель живетъ съ привычкой разсматривать тѣло, какъ нѣчто другое, нежели духъ. Такое дѣленіе очень справедливо, но чтобы это право подраздѣленія не становилось чрезмѣрнымъ, необходимо помнить о положеніи вещей, при которомъ тотъ же самый читатель имѣетъ другую привычку: различнѣйшія вещи, какъ, на примѣръ, топоры, ножицы и кожи разсматривать въ одномъ общемъ понятіи рѣзальнаго инструмента, какъ дѣтей одного рода (происхожденія). Научный результатъ философіи требуетъ, чтобы мы эту самую методу употребляли въ отношеніи къ нашему спеціальному предмету, къ человѣческому духу. Мы не должны ожидать отъ него никакой чрезмѣрности, но должны считать его силы вмѣстѣ со всѣми другими физическими силами, осязаемыми или неосязаемыми, дѣтьми одного единственнаго рода, общая безсмертная мать которыхъ есть универсумъ.

Универсумъ безконеченъ не только въ пространствѣ и во времени, но также и въ многообразіи своихъ порожденій. Также и человѣческія головы, которыя универсумъ порождаетъ на свѣтѣ Божій, являются, какъ во внѣ, такъ и внутри, безконечно разнообразными, что, однако, не составляетъ препятствія для того, чтобы всѣ онѣ составляли общую группу, единую въ своемъ родѣ.

Группировать явленія природы, дѣтей универсума, по классамъ, родамъ, семействамъ и т. д., для цѣли уясненія умѣтъ цѣлесообразно группировать — вотъ работа познанія, работа и свойствъ познающей человѣческой головы. Познавать, значить не болѣе, какъ помощью подобной группировки — какую ботаника примѣняетъ по отношенію къ растительному міру, зоологія — міру животному, — образовать общую и въ то же время, по возможности, детальную картину явленій и произведеній универсума. Само собой понятно, что мы, ограниченныя дѣти неограниченнаго, въ состояніи выполнить нашу задачу лишь въ ограниченномъ видѣ.

Однако, необходимо отличать естественную физическую ограниченность человѣческаго познанія отъ той скудости, которая приписывается этому послѣднему чрезмѣрными метафизическими претензіями. Неисчерпаемый универсумъ, въ противоположность человѣскому познанію, отнюдь не такъ недоступенъ. Онъ открываетъ передъ нашей понятіе—образовательной или различительной способностью всю свою глубину. Нашъ интеллектъ есть часть неисчерпаемаго и въ силу этого имѣетъ свое мѣсто и въ неисчерпаемой природѣ послѣдняго. Часть природы, носящая названіе интеллекта, ограничена лишь постольку, поскольку часть меньше своего цѣлаго.

V.

Познавательная способность, какъ часть человѣческой души.

Человѣческой интеллектъ или познавательная способность есть спеціальный объектъ общей философіи; эта способность есть часть, для насъ важнѣйшая часть человѣческой души.

Густавъ Теодоръ Фехнеръ, безъ вѣсти исчезнувшая на литературномъ небосклонѣ звѣзда, съ своей стороны, поставилъ вопросъ о душѣ и пытался разрѣшить его. При этомъ онъ одѣлъ результатъ долѣ существовавшей философіи въ удивительную форму, которая съ перваго взгляда выглядываетъ довольно фантастически. Философскій результатъ (выводъ) кажется ему собственнымъ личнымъ продуктомъ и затѣмъ для старыхъ именъ, какими являются „бессмертная душа“, „богъ“, „христіанство“, онъ сохраняетъ такъ чрезмѣрно много благочестія, что здѣсь онъ совершенно ничего не хочетъ уступить, хотя и обращается съ ихъ содержаніемъ довольно свободно.

Фехнеръ надѣляетъ обладаніемъ душой людей, животныхъ, растений, камни, міровыя тѣла, короче говоря, весь міръ.

Этимъ, собственно говоря, лишь должно было быть сказано слѣдующее: человѣческая душа обладаетъ той же самой природой, какъ и всѣ другіе естественные предметы. Это, очевидно, значить вотъ что: всѣ естественныя вещи имѣютъ ту же самую природу, что и человѣческая душа. Не только животныя, но и камни и міровыя тѣла имѣютъ нѣчто аналогичное нашей душѣ.

Въ основѣ своей Фехнеръ не фантастъ и, однако, какъ фантастически звучитъ: „Я вышелъ въ весеннее утро во дворъ; хлѣба зеленѣли, птицы пѣли, роса блестѣла, поднимался дымокъ, то здѣсь, то тамъ видѣлся человѣкъ; преображенный свѣтъ лежалъ на всемъ; это былъ лишь маленькій уголокъ земли; это былъ лишь маленькій моментъ ея бытія и, однако, чѣмъ все болѣе проникающимъ взглядомъ я охватывалъ все это, тѣмъ все болѣе казалось оно мнѣ не только такимъ красивымъ, но и такимъ истиннымъ и яснымъ, что это ангель, такъ роскошно, свѣжо и цвѣтуще шествующій по небу, весь свой обликъ обращающій къ небу, что я спрашивалъ себя, какъ могли такъ преобразиться человѣческія воззрѣнія, чтобы находить на землѣ лишь сухой комокъ глины и искать ангеловъ надъ или подлѣ въ пустотахъ неба и нигдѣ не находить ихъ. Однако, такос воззрѣніе называется фантастикой“.

„Земля есть глобусъ и что она собою представляетъ, то можно найти въ естественно-научныхъ кабинетахъ“.

Фехнеръ.

Ничего нельзя возразить противъ того, что люди прекрасную землю и свѣтила сравниваютъ съ ангелами. Вѣдь называетъ же любящій свою любимую—и вполне справедливо—божественнымъ ангеломъ.

Земля, луна и звѣзды, по терминологіи Фехнера—суть ангельскія, одушевленные существа, посредники между человѣкомъ и Богомъ. Онъ прекрасно знаетъ, что это лишь аналогія и терминологія, онъ мыслитъ такъ атеистически, какъ всякій любой человѣкъ, но любовь и благочестіе въ отношеніи къ издревле-чтимымъ именамъ побуждаетъ его надѣлать матеріальный міръ душой, а эту великую безконечную міровую душу надѣлать божественнымъ титуломъ.

Если оставить въ сторонѣ фехнеровый религіозный конекъ, то получается его оригинальная манера: употреблять слова и имена въ очень символическомъ смыслѣ. Это старый поэтический образъ, который голубые глаза возлюбленной называетъ небесными звѣздами и звѣзды голубаго неба—любимыми глазами: который грудь обращаетъ въ бѣлоснѣжные холмики, вѣтеръ—въ зефиръ, источникъ—въ наяды и старыя ивы—въ лѣсного царя. Этотъ образъ весь міръ населилъ добрыми и злыми духами, нимфами, феями, эльфами и домовыми.

Эта манера не дурна, особенно если мы, наподобіе поэта, знаемъ, что дѣлаемъ и символизируемъ съ сознаниемъ. Это дѣлаеть Фехнеръ, разумѣется, только до извѣстной степени; но при этомъ въ его головѣ остается нѣчто тяжеловѣсное и мы хотимъ освѣтить это послѣднее, чтобы представить въ этой области завоеваніе философіи. Фехнеръ не сознавалъ, что его общая одушевленность даетъ лишь самое большее половину до нынѣ существовавшихъ выводовъ (завоеваній) философской работы. Другая же половина, впервые сдѣлавшая понятнымъ цѣлое, заключается въ познаніи, что не только всѣ обыкновенныя вещи одушевлены, но что, равнымъ образомъ, всѣ души, включая и человѣческія, суть обыкновенныя вещи.

Философія не только обожествила и одушевила міръ, но и обмірщила боговъ и души. Цѣлое есть истина и каждая часть (цѣлаго)—лишь частица.

Рядомъ съ психологіей, занимающейся индивидуальной человѣческой душой, въ послѣднія десятилѣтія появилась „народная психологія“, разсматривающая индивидуальныя души, какъ частицы обще-человѣческой души и именно, какъ индивидуальныя частицы, которыя вмѣстѣ составляютъ одну, общую, душу, представляющую собою нѣчто больше, чѣмъ простая числовая (арифметическая) сумма. Душа народной психологіи относится къ индивидуальнымъ душамъ, какъ современная національная (политическая) экономія—къ экономіи частной. Обогащеніе вообще есть совсѣмъ иная тема и говоритъ совсѣмъ о другихъ вещахъ, нежели обогащеніе собственнаго кармана. Если народная душа уже обладаетъ существенно отличнымъ качествомъ, чѣмъ душа индивидуума, то въ какомъ видѣ должна представиться обще-животная душа? причѣмъ принимаются во вниманіе души львовъ и тигровъ, мухъ, слоновъ и мышей. Расширеніе этого положенія, распространеніе психологіи на растительное царство, царство минеральное, на отдѣльныя міровыя тѣла, на нашу солнечную систему и, наконецъ, на универсумъ—кто можетъ увидѣть въ этомъ нѣчто другое, чѣмъ простыя ступени?

И, однако, такое обобщеніе удовлетворяетъ не вполне. Своей односторонностью оно ведетъ къ фантастикѣ. Здѣсь изъ всего можно сдѣлать все. Общее также желаетъ быть специфизированнымъ; мы хотимъ умѣть различать слоновъ отъ блохъ, мышей отъ вшей, но при этомъ — не надо забывать о связи частнаго и цѣлаго. Въ

этомъ недостаткѣ забывчивости много виноваты музейные зоологи и кабинетные ботаники, межъ тѣмъ какъ философскіе изслѣдователи души à la Фехнеръ застряли въ противоположномъ общемъ болотѣ.

Ученіе о томъ, что общее должно находить въ его отдѣльныхъ образахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣльные образы соединять въ ихъ универсальной общей связи, какъ части общей природы—вотъ, соотвѣтственно его абстрактному абрису, результатъ до нынѣ существовавшаго философскаго изслѣдованія. Такой абстрактный абрисъ, разумѣется, говоритъ объ этомъ очень мало. Чтобы овладѣть имъ въ конкретномъ видѣ, необходимо вникнуть въ детали этого результата, въ частности этого ученія.

Имя „критики разума“, которое Кантъ далъ своему специальному изслѣдованію, есть вмѣстѣ съ тѣмъ очень удачное общее (родовое) имя для объединеннаго философскаго изслѣдованія. Разумъ, возвышеннѣйшая часть человѣческой души, дѣлаетъ критику разума, философское изслѣдованіе, возвышеннѣйшею частью психологіи.

Но почему, однако, мы называемъ эту часть возвышеннѣйшей? Развѣ матеріальный міръ и его познаніе—менѣе возвышены, чѣмъ разумъ, чѣмъ интеллектъ, который ставитъ себѣ задачей изслѣдованіе этого міра? Не въ этомъ смыслѣ здѣсь понимается слово: возвышенность. Я называю интеллектъ лишь постольку возвышеннѣйшею частью психики и психику—возвышеннѣйшею частью міра, поскольку они являются предпосылкой всякаго изслѣдованія, и изслѣдованіе, общая природа послѣдняго является теперь моимъ спеціальнымъ предметомъ и цѣлью. Считать ли моею цѣлью объясненіе (освѣщеніе) общей природы изслѣдованія или—изслѣдованіе интеллекта или теоріи познанія—это значитъ называть одну и ту же вещь, но лишь различными именами.

Обратимъ нашу задачу еще разъ на фехнеровскую всеміровую душу. Помощью его экстравагантнаго одушевленія всѣхъ вещей, его растительныхъ, каменныхъ и звѣздныхъ душъ намъ легче вывести доказательство, что общая природа тѣхъ частицъ души, которыя называются разумомъ или интеллектомъ или духомъ или познавательной способностью, отличается отъ общей природы камней, дерева не такъ чрезмѣрно, какъ объ этомъ думали старые идеалисты и матеріалисты.

Мы уже объяснили: Фехнеръ—поэтъ, а поэтъ видитъ сходство тамъ, гдѣ этого не видитъ трезвая (прозаическая) голова, но при этомъ мы должны прибавить, что трезвая голова, которая всюду видитъ лишь различія, есть плохая (дрянная) голова. Предшествовавшіе философы научили меня тому, что хорошая голова можетъ видѣть различія одновременно со сходствомъ и сходство всѣхъ вещей—съ ихъ различіемъ. Трезвый вымыселъ и связанная съ поэтической способностью, съ далеко и все-охватывающей общностью трезвость и различіе суть отличительные признаки хорошей головы. Но, пожалуй, и плохонькая, какъ и гениальнѣйшая голова, обладаютъ общей природой головы, характеризующей познавательную способность тѣмъ, что она познаетъ сходное въ несходномъ, общее—въ частномъ. Никогда одно не существуетъ безъ другого, по оба постоянно—въ одной связи.

Если различіе между людьми и камнями не настолько велико, такъ что такая гениальная голова, какъ Фехнеръ, по всей справедливости, могъ представить ихъ какъ обще-одушевленные,—то вѣдь также—что было упущено Фехнеромъ—различіе между тѣломъ и душой не должно быть настолько велико, чтобы не было мѣста никакому сходству, никакой общности между ними. Развѣ воздухъ и запахъ не воздушное тѣло?

Разумъ одинаково называется способностью различенія,—и ясно и точно знать, что эта способность различенія не допускаетъ никакого чрезмѣрнаго различія—представляетъ собою завоеваніе прежней философіи. Другими словами: всѣ вещи настолько сходны, что хороший поэтъ можетъ изъ всего сдѣлать все. Можетъ ли это сдѣлать и естествознаніе? А! Эти господа также находятся на лучшемъ пути. Твердое они обращаютъ въ жидкое, жидкое въ газообразное, силу тяжести обращаютъ въ теплоту и теплоту обратно—въ механику (движеніе); но при этомъ они не забываютъ различія вещей, что случилось съ нашимъ Фехнеромъ.

Недостаточно знать, что тѣло одушевлено и душа тѣлесна, недостаточно знать, что все имѣетъ душу; и человѣческія, и животныя и растительныя души хотятъ также, соответственно своимъ отдѣльностямъ и особенностямъ, быть раздѣлены, расчленены, отмѣчены и различены; нужно лишь остерегаться дѣлать это различіе преувеличеннымъ и чрезмѣрнымъ, чтобы оно не стало бессмысленнымъ.

Мы не ставимъ себѣ задачей слѣдовать далѣе теоріи всеміровой души. Фехнеръ самъ объяснилъ: „съ самаго начала слѣдуетъ признаться, что весь вопросъ о душѣ есть и останется вопросомъ вѣры“. „Аналогія—не точное доказательство“. Такъ же мало мы въ состояніи вывести доказательство за, какъ и противъ существованія какой-то души.

Однако, со времени Картезія твердо установлено, по крайней мѣрѣ, въ философскомъ мірѣ, что сознаніе человѣческой души о свосемъ бытіи есть достовѣрнѣйшее изъ того, что она знаетъ. Позитивная наука о мірѣ есть опытное воспріятіе мыслящей души о себѣ самой. Этотъ субъектъ есть очевиднѣйшій объектъ, который можетъ существовать,—и точное представленіе о жизни и потребностяхъ этой одушевленной частицы, которое называется сознаніемъ или познавательной способностью—есть завоеваніе философіи.

Является ли познавательная способность частицей человѣческой души и эта душа—извѣстной и очевидной частицей общаго бытія—все, однако, что является частью этого бытія, деревянныя частицы, какъ и окружающіе камни, находится въ родственномъ отношеніи къ обозначенной выше душѣ. Индивидуальныя человѣческія души, народныя души, животныя души, деревянныя частицы, каменныя глыбы, міровыя тѣла суть братья, это дѣти одной и той же общей и безконечной природы. Такихъ дѣтей, однако, такъ много, что они для того, чтобы можно было ихъ другъ отъ друга отличить, должны быть группированы въ порядки, классы, роды, семейства и т. д. Сюда относятся вслѣдствіе ихъ сходства, вмѣстѣ и души и тѣла, и каждый конгломератъ нуждается опять въ дальнѣйшемъ расчлененіи. Такимъ образомъ, мы, наконецъ, приходимъ къ тому: что человѣческія души образуютъ особый классъ, въ которомъ всѣ души вмѣстѣ обладаютъ общимъ характеромъ. Промышленнымъ фабрикантамъ извѣстно, что выполненіе десяти работниковъ дастъ больше и иное качество, нежели удесятеренный продуктъ единичной рабочей силы. Такъ обстоитъ дѣло и съ обще-человѣческой душой или нѣкоей общей, національной, народной душой, какъ съ чѣмъ-то отличной отъ суммы разсматриваемыхъ (извѣстныхъ) индивидуальныхъ душъ. Да, и единичная душа индивидуума въ каждомъ мѣстѣ и въ каждый моментъ различна, такъ что и единичная душа такъ же разнообразно составлена, какъ какал-нибудь національная или народная душа.

„Имѣеть ли растеніе душу? имѣеть ли земля душу? Вопросъ стоитъ въ томъ же аналогичномъ смыслѣ: имѣеть ли душу человѣкъ“, такъ говорится у Фехнера.—Какъ моя сегодняшняя душа имѣеть нѣчто аналогичное съ моей вчерашней, въ такомъ же смыслѣ она имѣеть нѣчто аналогичное съ душой моего брата, наконецъ, также и съ душой животныхъ, растений и камней, откуда ясно, что все въ чемъ-нибудь болѣе или менѣе аналогично. Овечье стадо аналогично стаду маленькихъ, бѣленькихъ облачковъ въ небѣ — и поэтъ правъ, называя маленькія облачка овечками. Въ томъ же родѣ правъ и Фехнеръ въ своей теоріи всеміровой души.

Но развѣ же не должно различать между вымысломъ и истиной? Моя душа и душа моего брата истинно аналогичны, это души въ собственномъ смыслѣ слова, но каменные души? Это образы.

Здѣсь я могъ бы обратить вниманіе моего благосклоннаго читателя, которому я объясняю завоеваніе философіи, что мы не должны особенно много уходить въ различіи между собственнымъ и переноснымъ (образнымъ) смысломъ слова.

Слова суть имена, которыя не должны, не хотятъ и не могутъ, ничего другого какъ только образно олицетворять (дѣлать помощью образовъ нагляднымъ). Моя, твоя и каждая другая душа суть лишь образно одна и та же сущность.

Если я говорю: Иванъ Ивановичъ имѣеть такую же душу, какъ я и ты,—то я хочу и могу вѣдь только сказать, что онъ имѣеть нѣчто аналогичное мнѣ и тебѣ и всеѣмъ людямъ. Кто душа есть подобіе моей души. Но гдѣ же предѣлъ такимъ уподобленіямъ? Что не является подобіемъ *in abstracto* и что является болѣе, чѣмъ подобіемъ *in concreto*?

Истина и вымыселъ различны не *toto caelo*, не чрезмѣрно. Поэтъ говоритъ правдиво (истинно) и истинное познаніе содержитъ въ себѣ много изъ того, что присуще поэту.

Философія истинно познала душу и именно ту часть, которой мы здѣсь особенно занимаемся, т. е. разумъ или познавательную способность. Этотъ инструментъ имѣеть своей задачей доставлять нашей головѣ образъ явленій въ мірѣ, описывать все, что является и происходитъ, и, такимъ образомъ, представить вселенную, самъ феноменъ вмѣстѣ со всеѣми его феноменами, какъ не исчерпаемый во времени и пространствѣ расчлененный процессъ.

Если-бъ можно было все это выполнить помощью теоріи все-

міровой души, то Фехнеръ былъ бы величайшимъ философомъ, который когда-либо являлся намъ. Ему не достаєть познанія, что интеллектъ, имѣющій и могущій связывать всѣ вещи въ одинъ общій узелъ, долженъ также заботиться и о другой сторонѣ, о спецификаціи. Объ этомъ, разумѣется, не можетъ заботиться философъ, надъ этимъ должна работать вся наука, а философія, какъ научное ученіе, должна цѣнить эту работу.

VI.

Сознаніе обладаетъ не только возможностью или способностью вообще знать, но ему также прирождено сознаніе объ универсальности общей природы.

Въ историческомъ развитіи философіи много споровъ было о томъ, какимъ образомъ проявляются наши знанія: есть ли и что именно представляется прирожденнымъ и что добывается путемъ опыта. Безъ прирожденной способности не было бы возможности составлять знанія при какомъ бы то ни было опытѣ и, наоборотъ, безъ какого бы то ни было опыта, наилучшая способность должна была бы оставаться пустой. Добытая наука во всѣхъ областяхъ есть, такимъ образомъ, результатъ взаимодѣйствія субъекта и объекта.

Безъ того, что существуетъ для зрѣнія, какъ нѣчто объективное, не могла бы существовать и субъективная зрительная способность. Обладать зрительной способностью въ то же время означаетъ фактическое примѣненіе зрительной функціи. Нельзя обладать способностью видѣть, безъ того, чтобы что-нибудь видѣть. Хотя оба (момента) раздѣляются, но это раздѣленіе происходитъ въ теоріи, а не на практикѣ и это теоретическое раздѣленіе сопровождается и должно сопровождаться сознаніемъ, что отдѣленная способность является лишь выведеннымъ изъ примѣненія понятіемъ. Способность и примѣненіе (ея) паходятся другъ въ другѣ и связаны вмѣстѣ.

Человѣкъ впервые приобрѣтаетъ сознаніе, способность знать, лишь послѣ того, какъ онъ что-нибудь знаетъ и эта сила растетъ вмѣстѣ съ ея примѣненіемъ.

Читатель вспоминаетъ, что мы представили, какъ завоеваніе философіи, знаніе о томъ, какъ не слишкомъ далеко должны мы проводить раздѣленіе явленій природы; это же самое относится и къ отдѣленію прирожденнаго сознанія— способности отъ приоб- рѣтённаго знанія.

Разъ навсегда приобрѣтенное универсальное правило говорить о томъ, что для интеллектуальнаго человѣка не существуетъ въ мірѣ двухъ радикальныхъ вещей, хотя онъ и пользуется интеллектуальной свободой для цѣлей познанія безконечно раздѣлять міръ и его вещи, т. е. ихъ расчленять.

Если мы теперь утверждаемъ, что понятіе универсума есть прирожденное понятіе, то благосклонный читатель не долженъ заключать отсюда, что мы поэтому поддерживаемъ старый предразсудокъ, по которому человѣческой разумъ подобенъ коробкѣ, начиненной понятіями объ истинномъ, прекрасномъ, добромъ и тому подобныхъ вещахъ. Нѣтъ, нашъ интеллектъ можетъ самостоятельно вывести свои понятія, представленія, сужденія и т. д. только лишь помощью дѣятельности, при которой иной міръ долженъ быть данъ, какъ матеріаль; но чтобы быть въ состояніи произвести все это, необходимо должна быть предпослана прирожденная способность къ этой дѣятельности. Сознаніе, знаніе о бытіи должно быть дано раньше, чтобы могло быть примѣняемо другое, болѣе спеціальное знаніе. Сознаніе означаетъ знаніе о бытіи, означаетъ, по крайпей мѣрѣ, дремлющее, темное знаніе о томъ, что бытіе есть универсальное понятіе. Бытіе есть все; бытіе есть существенное содержаніе всего; виѣ его нѣтъ ничего, и не можетъ быть ничего, ибо оно есть космосъ, т. е. безконечное.

Сознаніе per se есть сознаніе безграницаго. Прирожденнымъ человѣку сознаніемъ является знаніе о безграницомъ бытіи. Если я знаю, что я существую, то я знаю себя, какъ частицу бытія. Что это бытіе, этотъ міръ, котораго я, какъ и всякая другая частичка, являюсь только частью, долженъ быть міромъ безграницнымъ,—объ этомъ я, разумѣется, узнаю лишь въ томъ случаѣ, если я понятіе бытія анализирую помощью руководящаго мыслительнаго инструмента. Если благосклонный читатель предприметъ эту работу съ такимъ инструментомъ, то онъ тотчасъ же долженъ будетъ открыть, что его сознанію прирождено понятіе безконечности, что никакая понятіе-образовательная способность

не мыслима и не возможна безъ этого понятія. Понятіе образовательная - познавательная, - мыслительная способность прежде всего означаетъ способность образовывать универсальное понятіе. Интеллектъ не въ состояніи образовать ни одного понятія, имѣть ни одного представленія, въ основѣ которыхъ, болѣе или менѣе темно или ясно, не лежало бы представленіе или понятіе объ универсумѣ. *Cogito ergo sum* (и мыслю, слѣдовательно, существую). Что я представляю, существуетъ, имѣетъ бытіе, по крайней мѣрѣ—въ представленіи. Представленное и дѣйствительное бытіе, разумѣется, различны, но это—различіе, которое, однако, не выходитъ изъ рамокъ универсальнаго бытія. Фантастическія существа и дѣйствительныя существа не настолько различны, не выше всякой мѣры различны, чтобы ихъ нельзя было объединить вмѣстѣ въ одномъ общемъ родѣ бытія. Образъ и форма бытія различны, гномы-невидимки существуютъ въ фантазіи или въ образѣ (мечтѣ), а польскіе евреи существуютъ осязательно, но существуютъ какъ одни, такъ и другіе. Общее существованіе охватываетъ духъ и тѣло, образъ и истину, гномовъ и польскихъ іудеевъ.

Что нашей мыслительной способности прирождена универсальная сила мышленія,—не менѣе, вѣдь, доступно для пониманія, нежели то, что кругъ появился на свѣтъ божій круглымъ, двѣ горы—съ лежащей межъ ними долиной, вода—жидкой. Всѣ вещи обладаютъ извѣстными свойствами *per se*: онѣ съ ними родились. Нуждается ли это еще въ поясненіи? Цвѣты, которые появляются у растеній со временемъ, и силы и умъ, которыя растутъ у человѣка вмѣстѣ съ лѣтами—не болѣе ясны (для пониманія), нежели прирожденные свойства, и прирожденные свойства не болѣе удивительны, нежели позднѣе приобрѣтенныя свойства. Наилучшее объясненіе не въ состояніи отнять у чудесъ природы ихъ естественную (природную) чудесность. Очень ошибаются люди насчетъ объясняющаго существа, имѣющаго свое мѣстопробываніе въ человѣческой головѣ, если считаютъ его разрушителемъ естественной (природной) вѣры въ чудесность. Философія, которая взяла себѣ этого объяснителя и свойства его объясненій спеціальнымъ предметомъ, распространяетъ объ этомъ старомъ чудодѣѣ новое и гораздо лучшее воззрѣніе. Она разрушаетъ вѣру въ метафизическія чудеса, причемъ обращаетъ вниманіе на то, какъ физическая природа настолько универсальна, что исключаетъ изъ суще-

ствующаго чудеснаго міра абсолютно всѣ другія существованія, какъ существованія естественныя.

Я и многіе мои читатели находимъ въ нашихъ головахъ фактическое сознаніе, что общая природа, частью которой является нашъ интеллектъ, есть безконечная, безграничная природа. Это понятіе объ универсальности я называю „прирожденнымъ“, хотя оно и приобрѣтено. Я именно пытаюсь показать читателю, какъ различіе, которое обыкновенно дѣлаютъ между природженными и приобрѣтенными свойствами, способностями и владѣніями, — не настолько экстравагантно, чтобы природженное не нуждалось въ приобрѣтеніи и приобрѣтенное не предполагало природженной природы. Одно противорѣчитъ другому лишь въ такихъ головахъ, которыя не имѣютъ никакихъ познаній о завоеваніяхъ философіи. Такіе люди не умѣютъ умѣренно употреблять различіе и различаютъ чрезмерно. Примиреніе всѣхъ различій и противорѣчій, которое заключается въ универсальной природѣ и дѣлаетъ всѣ противорѣчія непротиворѣчивыми — этого примиренія они не познали.

Философія трудилась надъ тѣмъ, чтобы познать интеллектъ. При представленіи ея завоеванія намъ необходимо уяснить, что познаніе, философское, какъ и всякое другое, происходитъ не изъ изолированной познавательной способности, но изъ общей природы. Родную мать нашихъ знаній и познаній необходимо искать не только въ человѣческой головѣ, но болѣе всего въ общемъ мірѣ, который не только называется универсумомъ, но и на самомъ дѣлѣ универсаленъ. Чтобы доказать послѣднее утвержденіе, я ссылаюсь на тотъ фактъ, что это понятіе, это сознаніе о безконечномъ предварительно находится въ развитомъ интеллектѣ, какъ, такъ сказать, природженное. Тотъ изъ читателей, который хотѣлъ бы меня порицать, что я мѣшаю другъ съ другомъ природженную способность и приобрѣтенное познаніе, пусть приметъ во вниманіе, какъ моя задача вытекаетъ изъ доказательства, что всякое раздѣленіе, которое интеллектъ выполняетъ, на дѣлѣ и въ дѣйствительности совершается въ нераздѣльных частяхъ одного, нераздѣльнаго, универсума. Этимъ доказывается, что удивительный, таинственный интеллектъ представляетъ собою не иную и не большую или почти не большую и не болѣе великую тайну, нежели каждая другая часть естественнаго общаго чуда, которое идентично (тождественно) съ безконечно чудесной общей природой.

Мы любимъ обращать сознаніе въ сверхъестественную сущность, неизмѣримо раздѣлять мышленіе и бытіе, идеи и дѣйствительность. Философія, спеціально занимавшаяся сознаніемъ, открыла, что подобное противопоставленіе экстравагантно, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности (фактамъ) и не въ состояніи дать вѣрное отображеніе дѣйствительнаго и истиннаго.

Чтобы понять, что именно философія приобрѣла въ воззрѣніи объ употребленіи различающаго интеллекта, необходимо обратить вниманіе на то, какъ между чистыми мыслительными вещами и такъ называемыми дѣйствительными вещами существуетъ лишь очень умѣренное, лишь степенное различіе.

Ни прирожденное свойство нашей мыслительной способности, ни универсальность общей природы не позволяютъ намъ дѣлать экстравагантно различіе между дѣйствительностью какого-нибудь фантастическаго существа и какою-нибудь другою осязаемой дѣйствительностью. Съ другой же стороны, такъ же мало позволяетъ научная потребность, стремящаяся къ яснымъ образамъ, вовсе не различать между обоими этими родами дѣйствительности. Хотя общеупотребительно въ рѣчи противопоставлять голымъ идеямъ и чистымъ фантастическимъ созданіямъ природу и дѣйствительность, какъ нѣчто другое, антагонистичное, — однако, донинѣ существующая манера разговора не въ состояніи препятствовать намъ познавать, что универсумъ или общая природа не ограничена настолько, что она въ состояніи примирить ограниченный антагонизмъ. Вѣдь кошки и собаки большіе антагонисты и, однако, познаются зоологіей, какъ законныя собратья домашнихъ животныхъ.

Человѣческое сознаніе прежде всего является индивидуальнымъ. Каждый человѣческій индивидуумъ обладаетъ своимъ собственнымъ (сознаніемъ). Однако, эта особенность свойственна не только моему, твоему и каждому другому сознанію, и состоитъ она не только въ томъ, чтобы быть сознаніемъ даннаго индивидуума, но и въ томъ, чтобы быть общимъ сознаніемъ универсума — по крайней мѣрѣ, соотвѣтственно своему призванію и своей способности. Не всякій индивидуумъ уяснилъ себѣ универсальность общей природы — иначе откуда бы взялся этотъ странный дуализмъ? Откуда та необходимость, что многотомная философія вынуждена была сперва научить насъ, что предѣлъ, вещь или міръ внѣ универсальнаго есть бессмысленная идея, идея, не имѣющая ничего

общаго со здравымъ смысломъ и разсудкомъ? Мы смѣло можемъ поэтому положительно заявить, что наше сознание, нашъ интеллектъ является лишь „такъ сказать“ нашимъ, собственно же и истинно говоря, однако, сознаниемъ, интеллектомъ, принадлежащимъ къ универсальному міру или общей природѣ.

Если нельзя отрицать, что солнце, луна и звѣзды являются принадлежностью безконечнаго, неизмѣримаго міра, то вѣдь этого свойства нельзя отрицать и по отношенію къ нашему сознанию. И такъ какъ эта интеллектуальная способность принадлежитъ неизмѣримому и является его порожденіемъ, то мы не должны удивляться, что эта принадлежащая универсальности понятіе-образовательная способность является на свѣтъ божій со способностью къ универсальному понятію. И кто этому не удивляется болѣе, тотъ долженъ считать это объясненнымъ, долженъ считать, что этотъ фактъ сознания объясненъ.

Объяснить чудесное—вотъ въ чемъ вся задача познанія и интеллекта. Если намъ удалось сорвать одежду чудеснаго съ факта, что понятіе абсолютнаго или неограниченнаго, универсума, находится (заложено) въ ограниченномъ человѣческомъ духѣ,—то тогда мы объяснили этотъ фактъ и этимъ доказали, какъ вытекаетъ отсюда объясненіе фактовъ для того, чтобы получать въ головѣ вѣрное отображеніе послѣднихъ.

Мы представляемъ сущность сознания, его движеніе, жизнь, стремленіе въ словахъ: это—знаніе о безконечномъ бытіи, оно стремится пріобрѣсть вѣрное изображеніе послѣдняго, объяснить его чудеса. Мы, однако, ни въ коемъ случаѣ не думаемъ, что этими словами мы исчерпали жизнь и стремленіе сознания. Мы хотимъ и можемъ со всею силою рѣчи возбудить лишь неопредѣленную идею о неисчерпаемости нашего предмета. Кто желаетъ большаго, долженъ помогать лишь дальнѣйшимъ наблюденіемъ и размышленіемъ. Но лишь одно остается разъ навсегда яснымъ: нашъ предметъ не болѣе мистиченъ, чѣмъ всякая другая часть общаго мистеріума.

VII.

О родствѣ или о такъ называемой идентичности между духомъ и природой.

„Есть естественный законъ аналогіи, по которому всѣ вещи, объединяемыя универсумомъ, относятся къ одному и тому же семейству, что онѣ связаны родствомъ, которое мирится съ величай-

шимъ разнообразіемъ индивидуальнаго различія и не уничтожается даже разстояніемъ самыхъ крайнихъ полюсовъ“. Если мы постигнемъ эти слова до ихъ послѣднихъ выводовъ, то этимъ самымъ нами будетъ познано донинѣ пріобрѣтенное завоеваніе философіи. Эти слова учатъ насъ, какимъ образомъ мы должны употреблять интеллектъ, чтобы получить вѣрный образъ упиверсума.

Интеллектъ еще иначе называется различительной способностью. Если мы въ наукѣ о силахъ этой способности станемъ на пріобрѣтенную донинѣ естественную точку зрѣнія, то мы получимъ ясное и точное познаніе, что въ упиверсумѣ нѣтъ никакихъ чрезмѣрныхъ различій, крайностей, которыя не были бы межъ собою родственны. Безконечное родственно конечному. Ибо всѣ появившіяся и исчезнувшія вещи суть прямыя отпрыски неисчезаемаго, вѣчнаго упиверсума. Общая природа и ея частности нераздѣлимо спутаны; между всѣмъ, что носитъ имя, нѣтъ ничего, что было бы отъ чего то другого абсолютно различно.

Эти положенія едва ли найдутъ себѣ противорѣчіе, пока мы не перейдемъ ихъ, т. е., пока не сдѣлаемъ послѣдніе выводы изъ нихъ. Если всѣ вещи родственны, всѣ, безъ исключенія, являются отпрысками упиверсума, то вѣдь также духъ и матерія должны быть двумя ихъ явленіями одного вещества; и различіе между человѣческимъ познаваніемъ и другими человѣческими и естественными функціями также не должно быть возведено въ различіе чрезмѣрное, экстравагантное, различіе *toto-caelo*.

Чтобы правильно (методически) изучать это различеніе, пусть читатель думаетъ о томъ, какъ лишь тотъ можетъ быть опутанъ вѣрой въ призраки, кто отрицаетъ (не видитъ) родства (единства) всей дѣйствительности. Опъ вѣритъ въ дѣйствительные призраки, дѣйствительность которыхъ должна быть мнимо другого рода, совершенно другого рода, различно *toto-caelo*. Такое различіе чрезмѣрно и кто вѣритъ въ это, тотъ не понимаетъ различенія, тотъ не изощренъ (несвѣдущъ) въ своей способности различенія.

Какъ рѣчь противопоставляетъ искусство и природу и затѣмъ, впадая въ лапсусъ, забываетъ, что, несмотря на это, искусство относится къ природѣ, подобно тому, какъ ночь является частью дня—настолько же рѣчь духовидца не знаетъ, что разсудокъ и дерево, духъ и матерія, несмотря на всѣ различія, суть двѣ части одного куска, два явленія одной упиверсальной дѣйствительности.

Все дѣйствительно и истинно, ибо въ послѣдней инстанціи вселенная, міровое цѣлое или универсумъ суть единственная истина и единственная дѣйствительность. Я называю *lapsus* оумъ *linguae* то, что приходится противопоставлять искусственной природѣ, природному искусству, еще и естественную природу или фантастической дѣйствительности приходится тавтологически противопоставить дѣйствительную дѣйствительность. Языкъ долженъ былъ бы имѣть другое имя для двѣнадцатичасового дня, нежели для двадцатичетырехчасового, чтобы можно было лучше познать, какъ день и ночь представляютъ собою не радикально-различное, но лишь два зубца одной вилки.

Какъ мыслительная способность ребенка прирождена ему и растетъ вмѣстѣ съ его развитіемъ, точно такъ же растетъ мыслительная способность человѣчества и проявляется до сихъ поръ въ рѣчи, которая лишь инстинктивно приводитъ къ представленію (обнаруженію) свойство духа и его дѣяніе и стремленіе. Такъ, построеніе рѣчи объясняетъ лишь кое-какъ свойство человѣческаго духа, который до сихъ поръ еще слишкомъ недостаточно освѣдомленъ о самомъ себѣ. Какъ мы тотъ недостатокъ рѣчи, который я называю *lapsus* оумъ *linguae*, впервые могли замѣтить и восполнить помощью прогресса, совершеннаго нами въ объясненіи мыслительнаго процесса, точно также эти недостатки рѣчи обратно даютъ превосходное средство представить и демонстрировать приобрутенное объясненіе.

Духъ долженъ готовить человѣку отображеніе міра, рѣчь же является кистью духа. Она рисуетъ представленное здѣсь въ началѣ главы универсальное родство всѣхъ вещей и именно въ слѣдующемъ видѣ: она даетъ вещи не только ея имя, но прибавляетъ къ ея имени отчество и фамилію, которое обозначаетъ семейство, и къ семейственному имени прибавляетъ еще обозначеніе для расы, затѣмъ — для рода, для отдѣла и, наконецъ, прибавляетъ общее имя, которое говорить, что всѣ вещи суть части одного и нераздѣльнаго монистическаго, называемаго міромъ, вселенной, бытіемъ, универсумомъ, космосомъ.

Это схематическое построеніе рѣчи даетъ намъ отображеніе степеннаго родства вещей такъ же, какъ и о способѣ, какимъ человѣческій духъ добываетъ свои познанія и отображенія.

Подъ философійей, сказали мы, разумѣется стремленіе къ уясненію человѣческаго мыслительнаго процесса. Эта работа была невы-

разимо отягощена неизбежнымъ непониманіемъ вышеописаннаго универсальнаго родства. Прежде всего — такъ хотятъ люди-мистики — мышленіе и его продуктъ, идея, не должны были принадлежать одной физикѣ, одной физической природѣ, но должны были представлять собою созданіе другой природы, которая носить мистическое имя метафизики. Что такая природа и такая наука ни естественна, ни логична, ни возможна, ни дѣйствительна — это доказываетъ, какъ нормальное построеніе рѣчи, которое, какъ выше описано, все приводитъ въ семейную связь, такъ и построеніе ненормальное, которое мы назвали *lapsus*'ами.

Характеризующій завосаніе философіи разговорный лапсусъ состоитъ въ томъ, что существуютъ вещи и явленія, принадлежащія одному кругу, въ которомъ не обозначено достаточно различіе между индивидуумомъ, семействомъ, родомъ, отдѣломъ etc., напримеръ, неизвѣстно: обозначаетъ ли имя „кошки“ домашнюю кошку или тигра, ибо это имя относится къ одному большому классу животныхъ, гдѣ домашняя кошка является кошкой *par excellence*.

Однако, этотъ примѣръ, быть можетъ, плохо выбранъ для того, чтобы характеризовать *lapsus linguas*, который долженъ пролить истинный свѣтъ на завосаніе философіи. Если мы возьмемъ другой и лучший примѣръ, тогда какъ разъ этотъ переходъ отъ половиннаго къ цѣлому долженъ еще болѣе освѣтить темный смыслъ рѣчи.

Дальнѣйшій и лучший примѣръ недостаточнаго построенія рѣчи есть различіе между рыбой и мясомъ. Здѣсь совсѣмъ недостаётъ имени для общаго (родового) мяса, въ которомъ водяное животное составляетъ одинъ видъ, а земное животное — другой видъ.

Теперь пусть благосклонный читатель перенесетъ это ученіе о рѣчи на различіе между физикой и метафизикой или между идеей и дѣйствительностью. Недостаётъ обозначенія, чтобы правильно отмѣтить имѣющееся здѣсь родство. Идеи суть вѣдь дѣйствительныя идеи. Разумѣется, существуетъ очень ощутительное различіе: имѣю ли я сто талеровъ въ идеѣ или въ дѣйствительности, т. е. въ карманѣ. Однако, мы не должны преувеличивать этого различія, не должны дѣлать его чрезмернымъ. Нарисованныя и мыслимыя, представляемыя (въ воображеніи) деньги суть все же дѣйствительныя, дѣйствительно мыслимыя деньги. Это значитъ, рѣчи недостають слова, которыя бы ясно выражали различную дѣйствительность въ рамкахъ единства.

Пониманіе этихъ лингвистическихъ фактовъ служить основаніемъ для расширенія этого пониманія и объясненія относительно того таинственнаго свѣтильника, который человекъ носитъ въ головѣ и помощью котораго онъ освѣщаетъ вещи міра. Забота теоріи познанія, критика разума, имѣетъ элементарное значеніе для освѣщенія всѣхъ вещей. Этимъ не должно быть сказано, что философія, специальная наука, которою мы здѣсь занимаемся, есть универсальная наука въ старомъ смыслѣ, который она присвоила себѣ въ теченіе столѣтій. Но она, однако, универсальная наука въ томъ смыслѣ, въ какомъ азбука и другіе элементарные предметы составляютъ универсальную науку. Каждый вынужденъ оперировать разумомъ и долженъ поэтому трудиться надъ его познаніемъ, хотя послѣднее не дѣлаетъ излишними и другія занятія—все же оно освѣщаетъ многія понятія, оно освѣщаетъ сущность понятія, которое каждый употребляетъ и около котораго онъ вертится гораздо больше, нежели собака—около кости.

Одинъ изъ вышеописанныхъ lapsis linguae въ нѣкоторой степени повиненъ въ томъ, что такъ трудно примириться одностороннимъ идеалистамъ съ такими же односторонними матеріалистами. Для обозначенія родственнаго отношенія между духовными явленіями природы, какъ наши представленія, понятія, сужденія, заключенія и еще многія другія вещи, съ одной стороны, и осязаемыми, движимыми и измѣримыми вещами—съ другой, для такого обозначенія намъ недостаетъ соответствующихъ словъ. Причиной этихъ недостающихъ словъ, разумѣется, является недостающее пониманіе и поэтому же споръ является больше, чѣмъ только простымъ словеснымъ споромъ, и, однако-жь, этотъ споръ можетъ быть примиренъ только помощью улучшенія терминологіи.

Также и Бюхнеръ въ своемъ извѣстномъ произведеніи о силѣ и матеріи, какъ и всѣ болѣе старые матеріалисты проглядѣли этотъ пунктъ, ибо они такъ же односторонне сидѣли на своей „матеріи“, какъ идеалисты—на своей „идеѣ“. Споръ и раздоръ приносятъ путаницу, только миръ приноситъ свѣтъ. Противоположность между матеріальнымъ и идеальнымъ находитъ въ аквизитѣ философіи свое примиреніе, которое учитъ, что мы должны быть умѣренными во всѣхъ различеніяхъ, ибо къ экстравагантнымъ различіямъ не направляетъ насъ ни нашъ мыслительный инструментъ, ни внѣшняя природа. Чтобы внести свѣтъ въ спорный во-

прось, необходимо лишь проникнуться тѣмъ, что идеи, которыя развертываетъ природа въ человѣческой головѣ, если они не представляютъ матеріала для нашихъ рукъ, то все же представляютъ матеріалъ для нашего познанія. Именно философія матеріально занималась познаніемъ и понятіемъ и еще занимается ими, какъ приблизительно химія занимается познаніемъ вещества и физика — познаніемъ силъ.

Вещества, силы, идеи, представленія, понятія, сужденія, заключенія, знанія и познанія стремятся, соотвѣтственно освѣщенію, привнесенному философіей, быть познанными, какъ различія или разнообразія одного монистическаго дѣла (рода). Различіе этихъ вещей настолько же мало противорѣчитъ единству, какъ единство противорѣчитъ различію. Дарвинъ развилъ и расширилъ понятіе „рода“ и принесъ этимъ болѣе плодотворное пониманіе въ зоологіи. Философія расширила родовое понятіе еще далѣе Дарвина, уча понимать роды въ видѣ маленькихъ классовъ и величайшій классъ, абсолютный классъ или космосъ, какъ все — единство, какъ все обнимающій родъ.

Чтобы исполнѣ сознательнымъ образомъ связать червя и слона, низшее и высшее животное, вегетативное и животное, неорганическое и органическое, какъ члены одного рода или класса, необходимо преимущественно обращать вниманіе (наблюдать) на постепенность, порядокъ ступеней природы, на переходы, посредствующія вещи и посредствующія понятія. Эмбриологія, показывающая, какъ животная жизнь высшаго животнаго проходитъ ступени рода животнаго, особенно способствовала пониманію общности рода всѣхъ животныхъ.

„Въ естественномъ порядкѣ ступеней вещей существуетъ полная непрерывность, ибо нѣтъ никакихъ развѣтвленій, которыя бы не были представлены; ибо между различными ступенями нѣтъ никакого различія, которое не было бы выполнено естественнымъ закономъ помощью посредствующихъ существъ... Въ природѣ нѣтъ непосредственнаго различія, нѣтъ метафизическаго скачка, пустоты, зіянія въ міровомъ порядкѣ, нѣтъ вакуума“, — говоритъ одинъ извѣстный писатель новаго времени — я не называю имени, ибо приведенныя слова должны говорить сами за себя, и я думаю, что изложеніе стремится основаться не на имени, но на очевидности самаго дѣла.

Что Дарвинъ училъ понимать по отношенію къ животному міру, а именно, что внутри этого міра нѣтъ абсолютно различныхъ родовъ, то же самое учить философіи относительно космоса. Познанію послѣдняго препятствуетъ привычка дѣлать чрезмѣрное различіе между духомъ и матеріей.

VIII.

Познаніе-матеріально.

Говоримъ ли мы: философія дѣлаетъ своимъ предметомъ познаніе, которое она изслѣдуетъ, или скажемъ ли мы: философія изслѣдуетъ методъ, какимъ образомъ мы должны употреблять субъективное познаніе, чтобы добывать истинныя, правильныя, точныя, объективныя познанія—это въ концѣ концовъ, лишь различныя выраженія для одного и того же процесса. Обозначаемъ ли мы предметъ нашей спеціальной науки, какъ вещь или какъ дѣятельность, дѣло не въ этомъ различіи; но дѣло въ пониманіи, что такое различіе между вещью и дѣятельностью въ данномъ случаѣ не имѣетъ особаго значенія.

Соотвѣтственно новѣйшему естествознанію, все бытіе превращается въ движеніе. Впрочемъ ужъ давно извѣстно и отмѣчено, что даже скалы не стоятъ неподвижно, но постоянно находятся въ дѣятельности, въ состояніи возникновенія и уничтоженія.

Познаніе, интеллектъ, есть дѣятельный предметъ, предметная дѣятельность, какъ солнечное сіяніе, какъ водяной потокъ, какъ растущее дерево, какъ вывѣтривающійся камень или какъ какой-нибудь другой феноменъ природы. Также познаніе, мышленіе, происходящее произвольно или непроизвольно въ человѣческой головѣ, есть воспріятіе, воспріятіе такой же несомнѣнной достовѣрности, какъ и самое матеріальнѣйшее воспріятіе. Тотъ фактъ, что мы воспринимаемъ познающую, мыслящую, интеллектуальную дѣятельность помощью внутренняго чувства, а не внѣшняго, не можетъ ни малѣйшимъ образомъ поколебать наше утвержденіе о чувственной воспринимаемости вещи. Существуетъ ли камень внѣшнимъ образомъ, а мышленіе—внутреннимъ,—что мѣняетъ это маленькое различіе въ нескрываемомъ фактѣ, что оба воспріятія

суть одного рода и именно чувственного рода? Почему мыслительная дѣятельность не можетъ принадлежать къ той же категоріи, къ какой принадлежитъ дѣятельность сердечная? И если также біеніе сердца есть біеніе внутреннее, а движеніе языка соловья— движеніе внѣшнее,— то что препятствуетъ намъ оба эти столь различные удара объединять въ высшемъ единствѣ естественныхъ или матеріальныхъ явленій? Если, такимъ образомъ, сердечная функція должна быть названа матеріальнымъ именемъ, то почему же это не можетъ имѣть мѣста въ отношеніи къ мозговой функціи? Этому, разумѣется, препятствуетъ обычная разговорная рѣчь. Между тѣмъ, легко замѣтить, что каждая наука въ своемъ постоянномъ развитіи постоянно вступаетъ въ конфликтъ съ обычной разговорной рѣчью. Открытіе каждой новости въ жизни растений и животныхъ принуждаетъ открывателя дѣлать изобрѣтеніе или измѣненіе въ терминологіи. Понятіе матеріальнаго до сихъ поръ не имѣетъ рѣзко очерченнаго, но болѣе или менѣе расплывчатое значеніе. Такъ какъ здѣсь, для живого пониманія функціи мозга, необходимо этотъ послѣдній вывести изъ ея чрезмѣрной или метафизической рубрики и подвести ее подъ одну рубрику съ матеріальными вещами,— то остается лишь вопросъ, какое имя наиболѣе соотвѣтствуетъ этому объединенію. Оба, матеріальное и духовное, суть два рода одного класса. Какъ должны называться роды, какъ—классы? Ради требуемой ясности необходимы три различныхъ имени; по одному имени для каждаго рода и общее родовое имя. Такъ какъ, однако, здѣсь намъ предстоитъ заняться не столько именемъ, сколько освѣщеніемъ, которое не можетъ быть выполнено безъ имени, то мы отказываемся отъ того, чтобы догматически опираться на утвержденія, что познаніе „матеріально“. Достаточно указанія на то, что сердечная и мозговая дѣятельность принадлежатъ къ одному роду, все равно: будутъ ли эти дѣятельности носить имя матеріальности или дѣйствительности, физическаго или чего либо иного. Межъ тѣмъ, пока для этого не установилось опредѣленное словоупотребленіе, эти имена всѣ одинаково точны и одинаково обманчивы.

Аквизитъ философіи, высшій пунктъ котораго заключается въ томъ, что она подвела подъ одну и ту же рубрику теорію познанія со всѣми другими теоріями, въ своемъ изложеніи затрудняется первобытной путанностью понятій, связанной съ такой же первобытной путанностью языка. Въ специальныхъ областяхъ ручной работы,

какъ и въ таковыхъ же научной головной работы, терминологія упорядочена, межъ тѣмъ, какъ въ общихъ отношеніяхъ жизни, какъ и въ общей наукѣ господствуетъ путаница, которая въ понятіяхъ находится не въ большей степени, нежели въ разговорномъ употребленіи именъ, которыми выражаются эти неповоротливыя понятія.

Гдѣ познаніе ясно, тамъ ясна и рѣчь. Кто не обладаетъ познаніями въ сапожномъ ремеслѣ, тотъ также не обладаетъ познаніями въ его терминологіи. Этимъ не сказано, что знаніе ремесла и знаніе его терминологіи идентичны, но оно лишь рисуетъ истинную связь ихъ.

Поскольку читатель имѣетъ представленіе, какъ колоссальна была работа философіи въ теченіе двухъ тысячелѣтій, чтобы добыть о познаніи то немногое, что мы о немъ знаемъ теперь — постольку этотъ читатель не удивится тому, что мы при изложеніи боремся съ путанностями языка.

Мозговая функція также матеріальна, какъ и сердечная функція. Сердце и его функція различны, но однако, настолько связаны между собою, что одно не существуетъ безъ другой. Частичнымъ образомъ мы можемъ ощущать функцію. Мы чувствуемъ, какъ бьется сердце, какъ работаетъ мозгъ. Сердечная работа даже осязаема, что нельзя сказать о мозговой работѣ; однако, глубоко ошибочно считать, что вмѣстѣ съ знаніемъ объ осязаемости сердечной функціи исчерпано знаніе о функціи сердца. Если хоть разъ отказаться отъ привычки чрезмѣрно раздѣлять вещи и пожелать видѣть, какъ должно быть принимаемо во вниманіе не только различіе вещей, но, равнымъ образомъ, и ихъ нераздѣлимая связь, тогда легко уясняется, что знаніе о сердечной функціи есть безконечное знаніе, связанное со всѣми другими знаніями. Сердце не можетъ работать безъ крови, кровь—безъ пищи, которая связана съ воздухомъ, растениями и животными, съ солнцемъ и луной.

Также нераздѣлимо отъ универсализма существуетъ и мозговая работа вмѣстѣ съ ея продуктомъ, познаніемъ. Здоровье крови, производимое сердечной дѣятельностью, настолько же мало и настолько же много является матеріальнымъ явленіемъ, какъ и вообще богатая знаніемъ наука, которая является продуктомъ мозговой жизни.

Несмотря на то, что мы выставаемъ, какъ аквизитъ философіи, ученіе о матеріальной природѣ познанія, мы этимъ не хо-

тимъ утверждать, что тотъ ограниченный матеріализмъ, который надѣлалъ много шума, особенно начиная съ восемнадцатаго столѣтія, выставляется здѣсь, какъ философскій побѣдитель. Напротивъ, этотъ механическій матеріализмъ совсѣмъ не понимаетъ проблемы, о которой здѣсь идетъ рѣчь. Онъ учитъ, что мыслительная работа есть свойство мозга, что мозгъ есть объектъ изслѣдованія и что со свойствомъ, мыслительной работой, покончено, разъ она познана, какъ свойство. Матеріализмъ этотъ такъ увлеченъ механикой, что онъ ее какъ бы обожествляетъ и разсматриваетъ не какъ часть міра, но какъ единственную субстанцію, изъ которой состоитъ весь универсумъ. Именно потому, что онъ совершенно превратно понимаетъ отношеніе между вещью и свойствомъ, субъектомъ и предикатомъ, ему совершенно не приходитъ въ голову, что и какъ разъ это отношеніе, съ которымъ онъ обращается слишкомъ первобытно, но ненаучно, можетъ представить собою достойный объектъ изслѣдованія. Матеріалистъ старой школы слишкомъ грубо ощущаетъ, чтобы считать свойство познанія за вещь, которая была бы достойна особой, ей посвященной, научной дисциплины. Мы слѣдуемъ въ этомъ пунктѣ указанію стараго Спинозы, который отъ философовъ требовалъ, чтобы онъ все и каждое разсматривалъ и принималъ „*sub specie aeternitatis*“, гдѣ затѣмъ обнаруживается, что осязаемыя вещи вродѣ мозга, свойства природы, какъ и, съ другой стороны, мнимыя свойства суть естественныя вещи, субстанціальныя части универсума.

Не только осязаемости суть „вещи“, но къ этимъ послѣднимъ относятся также и солнечныя лучи, и запахъ цвѣтовъ, и не менѣе того къ нимъ относятся и познанія. Но всѣ эти вещи суть относительныя вещи, поскольку онѣ являются свойствами единаго и абсолютнаго, представляющаго единственную вещь, вещь въ себѣ, каждому извѣстная подъ именемъ универсума или космоса.

IX.

О четырехъ основныхъ логическихъ законахъ.

Въ то время, какъ это произведеніе стремится изложить аквизитъ философіи, читатель долженъ былъ бы также спросить автора, гдѣ доказательства того, что ему, вмѣсто квинтэссенціи тысячелѣт-

ней работы, не преподносят обработку какого-нибудь отдельнаго философа или даже обработку самой персоны автора.

На это имѣется отвѣтъ: цитатами или доказательствами, взятыми изъ сочиненій извѣстнѣйшихъ философскихъ писателей, а бы только ненужнымъ образомъ затруднилъ свою работу и все-таки ничего бы не доказалъ, ибо слова одного очень часто противорѣчатъ словамъ другого.

И также то, что говорится Кантомъ, Фихте, Шеллингомъ или Гегелемъ въ одномъ мѣстѣ своихъ произведеній, то въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же произведеній, если и не отрицается, то во всякомъ случаѣ существенно видоизмѣняется. Совершенно не важно, какимъ образомъ и при помощи кого я пришелъ къ изложеннымъ здѣсь конечнымъ выводамъ философіи; есть ли это на самомъ дѣлѣ аквизитъ философіи или нѣтъ, объ этомъ въ состояніи судить лишь специалистъ—и, разумѣется, мнѣніе каждаго субъективно.

При этомъ, однако, я, какъ авторъ, долженъ настаивать на томъ, что мое рѣшеніе настолько же равноцѣнно, какъ и всякое другое, и читатель поэтому долженъ довольствоваться моимъ утвержденіемъ. Но что цѣнно въ предложенномъ мною,—это та особенность моего предмета, что каждый читатель носить этотъ предметъ въ самомъ себѣ вмѣстѣ съ собственнымъ своимъ опытомъ и тутъ же такимъ образомъ, безъ дальнѣйшаго свидѣтельствованія другихъ авторовъ, поскольку только онъ приобрѣлъ необходимый навыкъ мышленія, можетъ безъ посторонней помощи судить о вѣрности моихъ представленій. То, что разсказывается путешественникомъ внутренней Африки, мы должны, поскольку мы не доверяемъ его словамъ, провѣрять разсказами другихъ путешественниковъ. То, что, однако, я предлагаю относительно логики, находить—я надѣюсь—свое подтвержденіе въ логикѣ каждаго мыслящаго читателя.

Теорія познанія, ставшая спеціальнымъ объектомъ философіи, есть не что иное и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ расширенной логикой. Многія практическія правила и законы изъ этой области извѣстны и признаны еще со временъ Аристотеля. Но вопросъ о томъ, существуетъ ли одинъ или два міра, естественный и неестественный, или, какъ чаще выражаются, сверхъестественный,—это тотъ вопросъ, который до сихъ поръ отягощаетъ философію и который, пока онъ не рѣшенъ, нарушаетъ нормальный ходъ логическаго мышленія.

Докторъ Фридрихъ Диттесъ, директоръ педагогическаго института въ Вѣнѣ, опубликовалъ выдержавшее нѣсколько изданій сочиненіе: „Школа педагогики“, въ которомъ онъ удѣляетъ логикѣ великое вниманіе. Диттесъ, благодаря своимъ сочиненіямъ, является извѣстнымъ и заслуженнымъ педагогомъ. Въ своемъ учебникѣ онъ трактуетъ лишь о наипризнанномъ и несомнѣннѣйшемъ. Какъ человѣкъ практическаго склада ума, который преимущественно обращается къ народнымъ учителямъ, онъ, если бъ даже и могъ, не хотѣлъ бы стать на высоту философскихъ выводовъ. Онъ вынужденъ ограничиться общезвѣстнымъ, что давно, совсѣмъ давно перестало быть спорнымъ, но что намъ, однако, здѣсь можетъ вполне служить оселкомъ для придачія выводамъ философіи высшей и новѣйшей остроты.

Уже въ введеніи къ „первой главѣ“ мы читаемъ: „Наши представленія настолько же разнообразны, какъ и представляемые объекты. Многія вещи могутъ имѣть больше или меньше общихъ признаковъ или имѣть одинъ общій признакъ; но они также могутъ быть совершенно отличны другъ отъ друга“.

Послѣднее, т. е. то, что есть вещи, которыя совершенно другъ отъ друга отличны—является пунктомъ, который рѣшительно отрицается наукой, поднявшеюся до выводовъ философіи. Нѣтъ естественныхъ вещей, которыя были бы различны „совершенно“, ибо вѣдь онѣ всѣ должны имѣть одинъ общій признакъ естественности, „естественный“ предикатъ.

Звучитъ порядочно вульгарно, если говорятъ, что въ природѣ нѣтъ неестественныхъ вещей. Съ тѣхъ поръ, какъ была сожжена послѣдняя колдунья, всякій настолько просвѣщенъ, чтобы быть убѣжденнымъ въ этомъ. Но еще не сдѣланы выводы изъ естественнаго монизма; этимъ именно очень занято естествознаніе—въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова; но тѣмъ спорнѣе это положеніе является въ „наукахъ духа“ и здѣсь можно найти выходъ лишь въ обоснованной теоріи познанія, которая учитъ, что природа является не только абсолютной природой, но также природой абсолютнаго. Изъ этого ученія неизбѣжно вытекаетъ заключеніе, что всѣ вещи представляютъ собою не обособленные, независимыя другъ отъ друга вещи, но единый родственный классъ родственныхъ дѣтей, „предикаты“ монистическаго міроваго единства.

„Первоначальнымъ источникомъ человѣческаго духа—говорить

Диттєсь—является воспріятіє... Говорить ли намъ воспріятіє, какъ таковое, объ истинной сущности вещей, или же оно знакомить насъ лишь съ явленіями этихъ вещей—это не дѣло логическаго изслѣдованія“. Практическій педагогъ, ограничивающійся воспитаніемъ дѣтскихъ головокъ или стремящійся самое большее вліять на учителей, воспитывающихъ эти дѣтскія головки—вполнѣ правъ, ограничиваясь старой добытой аристотелевской формальной логикой. Однако, въ школѣ воспитанія человѣческаго рода эта логика недостаточна. Поэтому философы трудились надъ вопросомъ: является ли воспріятіє, первоисточникъ человѣческаго духа, истиннымъ или обманчивымъ источникомъ. Результатъ философскаго изслѣдованія, который мы сейчасъ излагаемъ, сводится къ освѣщенію, открывающему заблужденія логиковъ въ отношеніи „источника“. Кардинальная ошибка старыхъ логиковъ и состоитъ въ томъ, что они принимаютъ воспріятіє за послѣдній источникъ, откуда человѣческій духъ творить свои познанія; послѣднимъ источникомъ является природа, а наше воспріятіє служитъ лишь посредникомъ; и наконецъ, продуктъ, познанная истина, не есть сама истина, но лишь формальная картина послѣдней. Универсальная природа—вотъ первоисточникъ; она сама—вѣчная и непреходящая истина,—и наше познаніе, какъ и каждая другая частица универсальнаго бытія, есть лишь атрибутъ, частность абсолютной природы. Человѣческій духъ, съ природою котораго имѣетъ дѣло логика, настолько же мало представляетъ собою самостоятельную вещь, какъ и какаѣ-либо другая, но лишь явленіе, естественное явленіе или естественный предикатъ.

Замѣнить истинныя познанія или познанныя истины общей истиной, *non plus ultra* великой истины значить, другими словами, отдѣльнаго воробья представить себѣ въ видѣ птицы въ общемъ или какой-нибудь культурный періодъ считать за культуру вообще, чѣмъ положенъ былъ бы конецъ всякому дальнѣйшему развитію.

Новѣйшая философія, начиная съ Бэкона Веруламскаго и кончая Гегелемъ, живетъ въ постоянной борьбѣ и въ постоянномъ противоборствѣ съ аристотелевской логикой. Результатъ этой борьбы, выводъ философіи, не отрицаетъ старыхъ законовъ добытой логики, но прибавляетъ къ старому познанію новый и значительно высшій кругъ логическаго познанія. Для болѣе удобнаго пониманія, необходимо рекомендовать придать этому новому кругу особое названіе,

спеціальное имя „теоріи познанія“, извѣстной также подъ именемъ „діалектики“.

Чтобы сопоставить теперь существенное содержаніе этого философскаго завоеванія съ фундаментальными законами извѣстной намъ логики и его уяснить, я возвращаюсь снова къ элементарному учителю логики, къ элементарному логикѣ—Диттесу.

Объ „основоположеніяхъ сужденія“ учитъ онъ слѣдующимъ образомъ:

„Такъ какъ сужденіе, какъ и все мышленіе вообще, направлено на познаніе истины, то люди изслѣдовали правила, помощью которыхъ достигалось выполненіе этой цѣли. Какъ обще значимыя правила, какъ основоположенія или законы мышленія, должны быть представлены слѣдующія четыре положенія:

- 1) Законъ тождества (идентичности).
- 2) Законъ противорѣчія.
- 3) Законъ исключеннаго третьяго.
- 4) Законъ достаточнаго основанія“.

Во имя этихъ четырехъ „основоположеній“ было порождено такъ много схоластики, что я съ трудомъ могу заставить себя еще ближе объяснить эти основоположенія. Такъ какъ, однако, моя цѣль, изложеніе философскаго аквизита, состоитъ въ томъ, чтобы пролить новый свѣтъ на заключающуюся въ этихъ четырехъ законахъ или основоположеніяхъ логику,—то я принужденъ вышелушить изъ этой логики зерно.

Итакъ, первое основоположеніе говоритъ, что А есть А или, выражаясь математически: каждая величина сама себѣ равна. Понѣмецки: вещь такова, какова она есть; нѣтъ вещи, которая бы въ то же время не была таковой; „отличительные признаки, которые исключаются какимъ-либо понятіемъ, не должны бѣть ему предписываемы“. Четырехугольное исключено изъ понятія круга, поэтому нельзя кругу приписывать предикатъ четырехугольнаго. Въ силу этого же, прямая линія—не крива, ложь—не истина.

Этотъ „мыслительный законъ“ въ обыденномъ значеніи имѣетъ много основаній за себя. Здѣсь оперируютъ только съ опредѣленными величинами; вещь такова, какова она есть; правая сторона не есть лѣвая сторона и сто—не тысяча. Кто здѣсь прозывается Петромъ или Павломъ, тотъ всю жизнь остается Петромъ или Павломъ.

Я говорю: такъ обстоитъ дѣло въ обыденномъ смыслѣ. Если мы между тѣмъ будемъ разсматривать дѣло изъ болѣе расширеннаго угла зрѣнія космической общей жизни, то этотъ знаменитый мыслительный законъ покажется лишь логическимъ средствомъ, которое не адекватно природѣ вещей, но существуетъ лишь для того, чтобы мы, люди, помощью него могли понимать другъ друга. Поэтому-то лѣвый берегъ Рейна не есть правый берегъ, ибо прежде еще межъ нами условлено, что при обозначеніи рѣчного берега мы становимся спиною къ истоку, лицомъ по теченію и, исходя изъ этого опредѣленнаго положенія, мы различаемъ правый берегъ отъ лѣваго. Такой способъ различенія, мышленія и сужденія хорошъ и практиченъ, пока эта ограниченная точка зрѣнія сопровождается сознаніемъ своей ограниченности. Но таковой она не остается долго. Эта метафизическая (детерминированная) логика проглядѣла тотъ фактъ, что познаніе, которое она добываетъ помощью своихъ правилъ, не есть истина, не есть реальный міръ, но лишь идеальное, иными словами, болѣе или менѣе удачное отраженіе послѣдняго. Петръ и Павелъ, которые, по закону идентичности, всю жизнь остаются тѣми же молодцами, реально суть иные люди въ каждый моментъ, каждый новый день, и, какъ эти оба, такъ и всѣ вообще вещи міра являются не постоянными, но сплошь измѣнчивыми величинами. Математическія точки, прямыя линіи и круглые круги суть идеалы. Въ дѣйствительности каждая точка пространственна, каждая прямая линія, разсмотрѣнная въ увеличительное стекло, связана безконечными извилинами и круглые круги, какъ объ этомъ говорятъ намъ математики, въ дѣйствительности состоятъ изъ безчисленнаго числа прямыхъ линій.

Логика, такимъ образомъ, своимъ закономъ идентичности или, какъ говоритъ Диттесъ, своимъ „закономъ тождества“ объясняетъ, что Петръ и Павелъ являются одними и тѣми же людьми отъ начала и до конца, или что извѣстный горный хребетъ остается тѣмъ же горнымъ хребтомъ, пока онъ существуетъ. Однако, завоеваніе философіи, теорія познанія или діалектика говоритъ намъ, что тождество людей, лѣсовъ и гранитныхъ скалъ нераздѣльно связано съ противоположностью, съ безконечнымъ измѣненіемъ. Старая логика трактуетъ о вещахъ, объектахъ познанія, какъ о замерзшихъ ледяныхъ сосулькахъ, межъ тѣмъ какъ философски расширенная логика такую обработку находитъ умѣстнымъ лишь для

домашняго употребленія. Читатель, надѣюсь, не пойметъ это выраженіе превратно и не будетъ принимать его въ буквальный смыслѣ. Логическое домашнее употребленіе застывшихъ понятій распространяется и должно распространяться на всю науку. Нельзя совершенно избѣжать разсмотрѣнія вещей, какъ „тожественныхъ“ и, однако, равнымъ образомъ, чрезвычайно полезно знать и принимать во вниманіе, что вещи являются не только тожественными и застывшими, но также и измѣнчивыми и текучими. Это—противорѣчіе, но не бессмысленное. Это противорѣчіе путало умы и доставило философамъ страшно много работы. Въ преодолѣніи этой проблемы, въ освѣщеніи этихъ естественныхъ фактовъ и состоитъ завоеваніе философіи.

Я, такимъ образомъ, объяснилъ, что логика долго не знала, что познаніе, добываемое помощью ея основоположеній, обогащаетъ насъ не истиной, но болѣе или менѣе соответствующимъ изображеніемъ этой истины. Я далѣе утверждалъ, что завоеваніе, которое оставила намъ философія, существенно рѣзче очертила обликъ человѣческаго духа. Логика стремится быть „ученіемъ о формахъ и законахъ мышленія“. Тѣмъ же самымъ стремится быть и философское послѣдіе, діалектика, первый параграфъ котораго гласитъ: не мышленіе производитъ бытіе, но бытіе—мышленіе, часть котораго (бытія) представляетъ собою это мышленіе, занимающееся изображеніемъ истины. Отсюда затѣмъ вытекаетъ тотъ легко затемняющій смыслъ ученія фактъ, что философія, которая оставила намъ логическую діалектику, діалектическую логику, должна быть направлена не только на мышленіе, но равнымъ образомъ и на оригиналъ, съ котораго мышленіе доставляетъ изображенія.

Если, такимъ образомъ, извѣстная намъ логика въ своемъ первомъ законѣ учитъ, что вещи равны самимъ себѣ, то діалектика въ своемъ первомъ параграфѣ учитъ, что вещи не только равны самимъ себѣ и тожественны съ начала и до конца, но также учитъ, какъ тѣ же самыя вещи обладаютъ противорѣчивой природой: быть тожественными и въ то же время сплошь разнообразными. Въ той мѣрѣ, поскольку является мыслительнымъ закономъ то, что мы помощью идеи создаемъ себѣ по возможности точное изображеніе вещей,—въ той же мѣрѣ мы должны быть освѣдомлены о томъ мыслительномъ законѣ, по которому всѣ вещи, процессы и явленія, безъ исключенія, не суть вещи, но лишь подобны цвѣту шелка,

который, хотя и остается самому себѣ равнымъ и тождественнымъ, однако, является для насъ неодинаковымъ и переливается въ различнѣйшіе отбѣнки. Вещи, къ которымъ также относится мыслящая вещь или человѣческій интеллектъ, настолько мало являются лишь тождественными отъ начала до конца, что онѣ на дѣлѣ и въ истинѣ совсѣмъ не имѣютъ ни начала, ни конца, но лишь кажутся, какъ естественныя явленія, какъ явленія безконечной природы, имѣющими начало и конецъ, межъ тѣмъ какъ въ истинѣ онѣ суть лишь превращенія, временно всплывающія изъ моря безконечнаго и опять туда исчезающія.

Безначальная и безконечная природная истина или истинная природа организована настолько противорѣчиво, что она обнаруживается лишь въ явленіяхъ, которыя тѣмъ не менѣе сплошь истинны. Старой логикѣ это противорѣчіе кажется бессмысленнымъ. Она опирается на свой первый, второй и третій законъ, на свое тождество, непротиворѣчивость и на исключенное третье, которое не допускаетъ кривой и въ то же время прямой линіи, холоднаго и теплаго и исключаетъ все лежащее въ ихъ промежуткахъ. Она права! Въ домашнемъ употребленіи такъ и слѣдуетъ обращаться рѣшительно съ идеями и словами. Однако, въ то же время цѣлесобразно знать о завоеваніи философіи, которое показываетъ, какъ въ дѣйствительности и въ истинѣ все обстоитъ не такъ точно, не такъ идеально. Логическіе законы мыслить объ идеяхъ и ихъ формахъ и ихъ употребленіяхъ совершенно правильно; но они не исчерпываютъ все правильное въ отношеніи мышленія и его идей; имъ недостаетъ сознанія о неисчерпаемости всѣхъ естественныхъ созданій, къ которымъ относятся и объектъ логики, человѣческая познавательная способность. Этотъ объектъ не упалъ съ неба, но является лишь конечной частью безконечнаго, которая фактически обладаетъ противорѣчивой природой: въ своемъ особенномъ логическомъ существѣ, вмѣстѣ съ нимъ и рядомъ съ нимъ обладаетъ и общей природной сущностью, которая возвышается надъ всякой логикой.

Изъ этой критики трехъ первыхъ „основоположеній логики“ ясно, какъ человѣческая познавательная способность не является только всюду тождественной, но разнообразно организована въ каждомъ индивидуумѣ и имѣетъ свое историческое развитіе. Мы логически правы въ томъ, чтобы эту способность, подобно всякой другой способности, фиксировать для самихъ себя и надѣлать ее

датой рожденія. Гдѣ начинается человѣкъ, тамъ начинается и познаніе, мыслительный процессъ. Однако, мы философски или діалектически не менѣе правы и даже обязаны знать, что познавательная способность, какъ и его человѣческій носитель, не имѣетъ начала, несмотря на то, что мы имъ таковое приписываемъ. Если мы прослѣдимъ историческое развитіе этихъ обоихъ, человѣка и познанія, до ихъ зарожденія, то мы придемъ къ ихъ животному переходному состоянію и увидимъ, какъ тамъ особенная природа вливается въ общую природу. То же самое проявляется при наблюденіи развитія индивидуальнаго духа. Гдѣ у ребенка начинается сознаніе? Ранѣе, при или послѣ рожденія? Сознаніе вытекаетъ изъ своей противоположности, изъ безсознательнаго, и обратно переходитъ въ послѣднее. Вслѣдствіе этого мы считаемъ безсознательное за субстанцію, а сознаніе за предикатъ или атрибутъ, и прочныя понятія, которыя мы приобретаемъ объ отдѣльностяхъ или явленіяхъ природной субстанціи, мы признаемъ за необходимое вспомогательное средство объясненія природы, однако, это послѣднее также требуетъ, чтобы мы считались и съ діалектикой, которая учитъ о томъ, какъ всѣ эти прочныя понятія протекаютъ въ одномъ текучемъ элементѣ. Безконечная субстанція природы есть сплошь подвижной элементъ, въ немъ все прочное выплываетъ и исчезаетъ и поэтому нѣчто преходяще-прочное не есть въ концѣ концовъ что-либо прочное.

Коснемся коротко и четвертаго основоположенія логики, по которому все и каждое должно имѣть свое достаточное основаніе. Также и этотъ законъ достоинъ всякаго почтенія и уваженія, но все же онъ не вполне достаточенъ, ибо вопросъ: какимъ образомъ мы мыслимъ міръ и какъ организована высоко развитая мыслительная способность, предполагаетъ отвѣтъ, что міръ, въ которомъ все имѣетъ свое достаточное основаніе, тѣмъ не менѣе является вмѣстѣ съ сознаніемъ или мыслительною способностью, безначальнымъ и безконечнымъ, а, значить, также и безосновнымъ (безпричиннымъ), другими словами, въ себѣ и помощью самой себя обоснованной сущностью. Законъ достаточнаго основанія имѣетъ значеніе лишь для человѣка, выражающагося образами. Въ нашихъ логическихъ образахъ міра все должно имѣть свое достаточное основаніе, однако, оригиналь, универсальный космосъ не имѣетъ никакого основанія, онъ самъ для себя основаніе и слѣдствіе, причина и

дѣйствіе. Пониманіе, что всѣ основанія покоятся на безосновномъ, есть высокое діалектическое, знаніе, которое впервые освѣщаетъ правильнымъ свѣтомъ основоположеніе о необходимости достаточнаго основанія.

Формальнымъ образомъ, все должно имѣть свою причину и свое основаніе, реальнымъ же образомъ, всякая вещь не имѣетъ одного основанія, но безконечно многія основанія. Не только отецъ и мать являются основаніемъ и причиной моего бытія, но также и дѣды и прадѣды вмѣстѣ съ воздухомъ, которымъ они дышали, вмѣстѣ съ пищей, которою они питались, вмѣстѣ съ землей, на которой они жили, вмѣстѣ съ солнцемъ, которое освѣщало землю и т. д. Никакая вещь, никакой процессъ, никакое измѣненіе не является достаточнымъ основаніемъ другого, но все и каждое основывается помощью универсума, который абсолютенъ.

Какъ только философія начала свое поприще съ намѣреніемъ понять міръ, такъ сейчасъ же открыла она, какъ это намѣреніе осуществляется лишь помощью ограниченаго спеціальнаго изслѣдованія. И какъ только затѣмъ она сдѣлала спеціальность познанія или мыслительную дѣятельность объектомъ изслѣдованія, она далеко, отдѣлила ея спеціальнѣйшій предметъ отъ общаго бытія. Въ то время какъ логика противопоставила мышленіе внѣшнему бытію, она забыла о связи противоположности, забыла о томъ, что мышленіе является формой, способомъ, индивидуальностью, принадлежащей къ роду бытія, какъ рыба принадлежитъ къ роду плоти, пчела — къ роду дны, искусство — къ природѣ, слово — къ дѣлу и смерть — къ жизни. Она стремится изслѣдовать мыслительную сущность не сама по себѣ, но чтобы открыть правила, какимъ образомъ необходимо изслѣдовать и мыслить корректно (правильно) и истинно. Она не могла прійти къ этимъ желаннымъ правиламъ, пока она чрезмѣрно идеализировала истину и неизмѣримо возвышала послѣднюю надъ явленіями. Всѣ явленія природы суть истинныя частицы, части истины. Также и ошибка и ложь не противопоставлены истинѣ въ томъ чрезмѣрномъ смыслѣ, которымъ опутана старая логика, учащая, что два другъ другу противорѣчащіе предиката не должны прилагаться къ одному субъекту, что никакой субъектъ не можетъ быть то истиннымъ, то ложнымъ и что всякое третье должно быть исключено. Эти законы вытекаютъ изъ полнаго непониманія истины. Истина есть абсолютная, универсальная сумма всего бытія,

всѣхъ явленій въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ. Истиной является истинный универсумъ, откуда не исключаются и заблужденія и ложь. Поскольку дѣйствительно существуютъ фантастическія измышленія, великаны и карлики, ложь и заблужденіе—хотя бы только въ головѣ—они истинны, они принадлежатъ къ суммѣ всѣхъ явленій; но они—не вся истина, не безконечная сумма,—и также найдостовѣрнѣйшія познанія суть не больше, какъ только точныя изображенія извѣстной частицы. Мыслительные образы вмѣстѣ съ ихъ оригиналами имѣютъ одно общее, т. е. что они суть истинныя частицы. Всѣ заблужденія и всѣ неправды—истинны въ заблужденіи и истинно наганы,—и, такимъ образомъ они ужъ не настолько далеки отъ истины, чтобы одно возвыситься до небесъ, другое же низвергнуть въ адъ. Будемъ человѣчны!

Такъ какъ, такимъ образомъ, старая логика съ ея четырьмя основоположеніями слишкомъ ограничена, то изъ ея дальнѣйшаго развитія должна была быть выведена діалектика, которая и представляетъ собою завоеваніе философіи. Это расширенное ученіе о мысленіи понимаетъ универсумъ, какъ истинно универсальное или безконечное, въ которомъ, какъ въ материнскомъ нѣдрѣ примиренія, дремлютъ всѣ противорѣчія. Должна ли новая логика носить старое имя, или имѣть особое названіе въ видѣ теоріи познанія или діалектики—это словесный споръ, который просто рѣшается оппортунизмомъ (примиреніемъ).

X.

Функція познанія въ религіозной области.

Мы исходили изъ той характеристики философіи, что она ищетъ „познанія“. Первая, главнѣйшая часть, которую она приобрѣла, состояла въ знаніи, что ея объектъ подлежитъ искать не въ пустой всеобщности. Кто желаетъ добыть познаніе, долженъ ограничиваться частнымъ, однако, въ своемъ ограниченіи не забывать той мѣры и той цѣли, что онъ оставляетъ внѣ вниманія всеобщность, безконечную всеобщность.

Одинъ изъ современныхъ психологовъ, занимавшійся „Мыслями о просвѣщеніи“, темой, очевидно родственной нашей, т. е. темѣ о

познаніи, говорить: „Дѣйствительнымъ и истиннымъ просвѣщеніемъ является лишь то; которое исходитъ изъ религіозныхъ мотивовъ“. На нашемъ языкѣ это звучало бы: въ основаніи каждаго истиннаго познанія, каждаго истиннаго понятія или понятяго должно лежать ясное сознаніе универсума, безконечнаго, какъ первооснова.

Познаніе и истинное просвѣщеніе идентичны. „Каждое просвѣщеніе — говорятъ вышеупомянутыя „Мысли просвѣщенія“ — превращается въ зависимости отъ природы того, кто долженъ быть просвѣщенъ и отъ природы вещи, насчетъ которой онъ долженъ быть просвѣщенъ, — въ борьбу, но эта борьба направлена не противъ религіи, а во имя религіи. Въ своемъ предварительномъ замѣчаніи авторъ говоритъ намъ — это профессоръ Лацарусъ — что онъ не хотѣлъ въ своемъ произведеніи основывать свои сужденія на отдѣльныхъ, вырванныхъ положеніяхъ. „Каждое отдѣльное положеніе можетъ быть разсматриваемо съ точки зрѣнія его цѣнности, но цѣлое моего воззрѣнія о религіи и просвѣщеніи не можетъ исходить изъ этого критерія.

Такъ какъ это притязаніе сплошь справедливое и мы имѣемъ кое въ чемъ поручителя за его психологическую обработку просвѣщенія, то мы будемъ слѣдовать его желанію и постараемся понять его слова о религіозной природѣ просвѣщенія не въ частномъ, но въ цѣломъ.

Мы дѣлаемъ еще оиднѣ шагжокъ дальше профессора Лацаруса, а именно распространяя на познаніе то, что относится къ просвѣщенію: истинныя знанія и познанія должны извѣстнымъ образомъ исходить изъ религіозныхъ мотивовъ. Но мы однако, различаемъ въ томъ, какіе именно мотивы, „религіозны“. Лацарусъ подъ этимъ понимаетъ — насколько я могу судить — „идеи“ и идеалы, между тѣмъ какъ мы, побуждаемые завоеваніемъ философіи, подъ религіей и религіознымъ разумѣемъ универсальную связь всѣхъ вещей.

Несомнѣнно, что граница между теплымъ и холоднымъ есть произвольное опредѣленіе человѣка. При этомъ люди выбрали пунктъ, съ котораго вода обращается въ ледъ. Очевидно, что можно было бы избрать какой-либо другой пунктъ. Очевидно, что какъ неопредѣлена самой природой граница между холодомъ и теплотой, также сплошь не опредѣлена граница межъ тѣмъ, что является религіознымъ и что не является таковымъ. Никакая академія не рѣ-

шила этого вопроса, также какъ и никакая разговорная рѣчь да и самъ папа не является научнымъ авторитетомъ въ этомъ дѣлѣ.

Именно, благодаря такъ называемой исторической школѣ, стало обычнымъ познавать вещь не только въ ея современномъ состоянїи, но и въ ея происхожденїи и исчезновенїи. Что, благодаря такому пониманїю, считать религіей и религіознымъ? Фетишизмъ, обожествленіе животныхъ, культъ идеальныхъ творческихъ духовъ или культъ реального человѣческаго духа? Гдѣ начинать и гдѣ кончать? Если у древнихъ нѣмцевъ великій дубъ былъ священъ и религіозенъ, почему тогда у ново-нѣмцевъ не можетъ быть религіознымъ искусство и наука? Въ этомъ смыслѣ Лацарусъ правъ. „Просвѣщеніе“, во главѣ котораго во Франціи стоятъ Вольтеръ и энциклопедисты, въ Германїи—Лессингъ и Кантъ, „просвѣщеніе“, которое выступило, какъ борьба за разумъ противъ религіи, было, собственно говоря, борьбой не противъ религіи, а за религію. Такъ можно изъ всего сдѣлать все, и это только нужно знать, чтобы тѣмъ самымъ знать, какъ образуется сущность понятїя, а именно, что не только все есть все, по также каждое остается на своемъ особомъ мѣстѣ.

Мы желаемъ уяснить себѣ, какъ возможно и совмѣстимо съ ясными понятїями то, что такая антирелигіозная борьба, какою былъ періодъ „просвѣщенїя“ могла быть, тѣмъ не менѣе, въ то же время борьбой во имя и ради интересовъ религіи. Мы желаемъ уяснить себѣ, какимъ образомъ можно отвергнуть религію и все же сохранить ее.

Это очень легко понять, если вспомнить уже достаточно часто цитировавшійся діалектической законъ, по которому наше познаніе никогда не должно дѣлать чрезмѣрнымъ свое различіе между двумя вещами. Мы должны различать религіозную область отъ профанной области не *toto caelo*. А именно, религіозная область лежитъ въ небѣ, а профанное, конечно—въ профанномъ универсумѣ. Но послѣ того, какъ мы узнаемъ, что и религіозная фантазія, ея небо и творческой духъ, не смотря на всю мнимую чрезмѣрность, суть профанныя представленїя, послѣ того, такимъ образомъ, какъ религія попадаетъ въ профанную область—эта естественная область одинаково становится религіозной. Религіозная безконечность и безконечность профанная имѣютъ межъ собою кое что общаго, по

крайней мѣрѣ, настолько, что неопредѣленное религіозное имя можно съ полнымъ успѣхомъ придать также и естественной или профанной безконечности.

„Всякая культура, каждое состояніе человѣчества или народа имѣеть въ исторіи свои корни, но также и свои оковы“, говоритъ очень удачно нашъ профессоръ психологіи. Не должна ли и религія, которая по словамъ одного короля, „должна быть принадлежностью народа“, — также имѣть свои оковы въ исторіи? Или она принадлежитъ къ безконечному и должна вѣчно жить? Тѣмъ самымъ, что исторія развязываетъ свои оковы, становится необходимымъ выставить завоеваніе філософіи и доказательство, что ничего не безконечно, какъ самое безконечное, обладающее двойственной природой: быть нераздѣльнымъ отъ конечныхъ естественныхъ явленій. Естественное цѣлое вѣчно, но не вѣчно отдѣльное явленіе этого цѣлаго, хотя неисчезающее цѣлое и составляется изъ конечныхъ (исчезающихъ) отдѣльностей.

Отношеніе стабильнаго (устойчиваго) природнаго цѣлаго къ его измѣняющимся явленіямъ, отношеніе общаго къ частностямъ, его составляющимъ — вѣрное представленіе объ этомъ включаетъ въ себѣ и вѣрное представленіе о человѣческомъ духѣ, о познаніи и просвѣщеніи, которое онъ намъ доставляетъ. Этотъ духъ не въ состояніи просвѣтить себя насчетъ своей собственной особенности безъ наблюденія надъ тѣмъ, какимъ образомъ онъ поступаетъ, создавая объясненіе другихъ особенностей. Здѣсь мы находимъ, что онъ также объяснилъ и религіозныя явленія, познавъ ихъ, какъ моментъ, какъ особый родъ общаго проявленія постоянного, вѣчнаго, естественнаго міроваго бытія. Въ этомъ смыслѣ естественная природа, которая вѣчна и въ то же время временна, является матерью религіозной природы. Но при этомъ и дитя обладаетъ природой своей матери. Религія исторически развивается изъ природы, но опредѣлить дату, когда возникаетъ эта особенность — это можетъ быть предоставлено свободѣ человѣка въ такой же мѣрѣ, въ какой мы опредѣляемъ точку, откуда тепло переходитъ въ холодное. Естественное общее движеніе, изъ котораго происходятъ его особенности, протекаетъ въ безконечность. Превращенія настолько постепенны, что каждая твердо опредѣленная точка есть произвольный актъ, произвольный и, однако, необходимый, необходимый для человѣка, который стремится составить себѣ о немъ представленіе. Такимъ

образомъ, вѣрное представленіе о религіи постигаетъ дѣло въ самомъ центрѣ, тамъ, гдѣ религіозная особенность достигла отличительнаго пункта, такъ сказать, въ ея застывшемъ состояніи. На такой высотѣ можно рѣзко опредѣлить тепло и холодъ; подобно тому же и религія. Если мы, къ примѣру, говоримъ; религія есть представленіе сверхъестественнаго духа, господствующаго надъ природой, и читатель находитъ это описаніе такъ или иначе удачнымъ, то уже наше изложеніе того, что философія приобрѣла въ діалектической или теоретико-познавательной области показываетъ, что религіозное представленіе не можетъ быть прочнымъ въ этомъ мірѣ человѣческаго духа, который умѣетъ о своихъ воспріятіяхъ составлять себѣ лишь логическій образъ.

Кто стремится религію сдѣлать какимъ-либо рѣзко опредѣленнымъ, ограниченнымъ дѣломъ, вѣчно необходимымъ для народа, — тотъ поступаетъ противъ всякой логики и плыветъ противъ теченія. Съ другой стороны, идентифицировать религію съ понятіемъ естественной безконечности или безконечной природой à la Лацарусъ — такъ же нелогично, ибо это способствуетъ лишь духовной расплывчатости.

Добытые философскимъ изслѣдованіемъ мыслительные законы суть тѣ, которые даютъ намъ особенно удовлетворяющее объясненіе безконечнаго матеріальнаго процесса, природа котораго достаточно возвышенна, чтобы ее можно было разматривать религіозными глазами, но также и специальна и достаточно проста, чтобы омыть заплышіе глаза въ естественной ясности.

Мы уже въ предыдущей главѣ видѣли, какъ мы для того, чтобы отличить правый или лѣвый берегъ рѣки, должны смотрѣть съ одной условленной точки зрѣнія. Такъ же обстоитъ дѣло и въ отношеніи того, какъ можно бороться противъ религіи и все же сохранять ее для народа. Нужно лишь ея понятіе (т. е. религіи) расширить въ безконечность. Понятіе безконечности, то, что Спиноза называетъ субстанціей, Лейбницъ — монадой, Кантъ — вещью въ себѣ, Гегель — абсолютомъ, разумѣется, необходимо, чтобы что-нибудь познать не только изъ четвернаго, но и безконечнаго корня достаточнаго основанія. Постольку, такимъ образомъ, мы согласны, что „просвѣщеніе“, — мы же говоримъ: познаніе — является не только борьбой противъ религіи, но и за религію. Въ добытой философией теоріи познанія имѣется достаточная доза анти-религіознаго. Однако, мы

вмѣстѣ съ Лацарусомъ говоримъ: „Сила просвѣщенія и цѣль послѣдняго лежатъ не въ отрицаніи, не въ томъ, во что мы не вѣримъ, но сила въ томъ, чтобы быть просвѣщеннымъ относительно того, во что мы вѣримъ или что мы почитаемъ или подтверждаемъ“.

И все же, каждое просвѣщающее познаніе, каждое связанное съ познаніемъ просвѣщеніе является отрицаніемъ. Когда мы, на примѣръ, просвѣщаемъ себя насчетъ познанія, мы должны для того, чтобы показать, что познаніе есть естественное явленіе, настолько отрицать религіозный элементъ, насколько этотъ послѣдній предполагаетъ божественный высшій духъ, второстепеннымъ изображеніемъ котораго долженъ являться человѣчскій духъ. Или же, чтобы просвѣтити себя насчетъ универсума: какимъ образомъ онъ является истиннымъ универсумомъ, универсальнымъ—мы принуждены отрицать каждый „высшій“ міръ, какъ и міръ религіозный. Но если мы, однако, такъ хотимъ понять религію, чтобы она не только отрицалась, но и оставалась сохраненной,—то мы должны перенести ея возникновеніе изъ нелогическаго другаго міра въ міръ естественный, логичный, этимъ самымъ религія становится естественной (природной) и природа—религіозной.

Если мы ограничимъ богослуженіе обожествленіемъ солнца или кошки,—то недолговѣчность такого положенія очевидна каждому. Если же ограничить богослуженіе почитаніемъ великаго всемогущаго духа, то недолговѣчность этого почитанія познаетъ каждый, кто трудится надъ точнымъ знаніемъ маленькаго человѣческаго духа. Если же расширить религіозное почитаніе на все, что когда-либо человѣчскія дѣти почитали и еще будутъ почитать, то этимъ самымъ понятіе религіи расширяется на весь міръ, и въ такомъ случаѣ, разумѣется, религія имѣетъ очень расширенное значеніе.

Что мы въ состояніи по своему желанію расширять и суживать наши понятія, что всѣ вещи обладаютъ настолько однородной природой, что онѣ всѣ вмѣстѣ составляютъ лишь одну вещь, лишь одну природу, что всѣ фантазіи, всѣ добрые и злые духи и привидѣнія, какъ бы мы ихъ ни мыслили сверхъестественно, тѣмъ не менѣе естественны,—въ этомъ вся сущность религіознаго просвѣщенія.

Въ смыслѣ же просвѣщенія, добытаго помощью философіи, главнымъ дѣломъ, главнымъ актомъ является то, что познаніе, просвѣщеніе, наука, etc. добываются не ради нихъ самихъ, но

должны служить человѣческому развитію, матеріальные интересы котораго требуютъ вѣрнаго духовнаго образа естественныхъ явленій.

Въ этой главѣ мы избрали своимъ предметомъ религіозную идею, чтобы она служила намъ примѣромъ, въ которомъ должна была быть выставлена природа идеи въ общемъ. Обнаруженіе этой природы мы считаемъ завоеваніемъ философіи.

Сношеніе съ профессоромъ Лацарусомъ—дѣло очень пріятное. Это человѣкъ съ тонкой головой, напоенной ученіями философовъ, не плѣненный чрезмѣрно ни одной особой школой и очень близкій къ познанію, которое мы здѣсь излагаемъ; и, однако, этого какъ разъ достаточно, чтобы доказать преимущество нашего познанія его (Лацаруса) недостатками, ибо наше познаніе показываетъ, какъ пониманіе части человѣческой психики, выполняющей мыслительную работу, двинуто нами настолько же дальше впередъ, насколько этотъ извѣстный философъ остался въ своемъ пониманіи позади насъ.

„Исслѣдовать и признать законъ, который говоритъ, что нѣтъ явленія, какъ дѣйствія, которому бы не соотвѣтствовало другое явленіе, какъ причина; для каждаго дѣйствія искать единственную причину послѣдняго и—поскольку эта причина сложна и многообразна—познать ее во всѣхъ ея частяхъ и во всѣхъ ея, слѣдующихъ другъ за другомъ расчлененіяхъ—таково дѣйствіе посвященія“.

Этими словами мыслительная работа, выполняемая человѣческой головой, описана довольно недурно; однако, необходимо сдѣлать маленькое добавленіе, именно, что мыслительная работа не составляетъ исключенія изъ круга другихъ явленій, которыя всѣ вмѣстѣ имѣютъ не только свои спеціальныя причины, но и общую причину. Причина всѣхъ причинъ, изъ которой религія дѣлаетъ фетишь, должна, такъ сказать, быть профанирована культомъ науки, такъ что вышеупомянутое лацаровское опредѣленіе посвященія должно будетъ звучать слѣдующимъ образомъ.

Единственная и дѣйствительнѣйшая причина всѣхъ дѣйствій—это универсумъ или общая связь всѣхъ вещей. Знать это—еще слишкомъ недостаточно для разъясненія. Сюда еще—какъ удачно выражается Лацарусъ—относится необходимость „познавать ее (эту первопричину) во всѣхъ ея частяхъ и во всѣхъ ея слѣдующихъ другъ за другомъ расчлененіяхъ“. А мы прибавимъ еще, что об-

щая универсальная причина должна быть познана не только въ ея „слѣдующихъ другъ за другомъ“ расчлененіяхъ, но въ расчлененіяхъ рядомъ, другъ возлѣ друга, лежащихъ; только тогда впервые становится полнымъ познаніе, объясненіе. Затѣмъ, мы находимъ, что вообще отношеніе между причиною и дѣйствіемъ, универсальной истиной и ея естественными проявленіями является не рѣзкимъ, но вполне относительнымъ отношеніемъ.

„Просвѣщеніе существуетъ въ различныхъ областяхъ, во всѣхъ областяхъ духовной жизни. Издавна, подѣ этимъ просвѣщеніемъ въ данной области разумѣли преимущественно просвѣщеніе религиозное. вполне справедливо и по многимъ основаніямъ, особенно потому, что религиозное просвѣщеніе—важнѣйшее и существеннѣйшее, но также и потому, что оно именно въ силу этого и является самымъ спорнымъ“.

Соотвѣтственно этому, религиозное познаніе является частью общаго, космическаго объясненія. Распространить это послѣднее лишь на „всѣ области духовной жизни“, значитъ создавать путанную фразеологию. Мы думаемъ, что объясняемъ дѣло, если мы говоримъ, что это объясненіе относится ко всѣмъ областямъ, не только духовнымъ, но и космическимъ, въ которыхъ матеріальныя и духовныя области составляютъ одно единое. Расчленять или подраздѣлять эту область—въ этомъ и состоитъ исчерпывающая задача нашего познанія, исчерпывающее опредѣленіе послѣдняго.

XI.

Категорія причины и дѣйствія является вспомогательнымъ средствомъ познанія.

Какъ мало можетъ быть попятна ручная работа безъ обрабатываемаго матеріала и безъ разсмотрѣнія произведеннаго продукта; какъ мало какая-либо работа можетъ быть представлена „чистой“ безъ отношенія къ обработанному—такъ же мало можетъ быть изслѣдована работа человѣческаго духа, субъективное свойство этой работы, чисто и безъ отношенія къ объективному дѣйствію.

Печальнымъ зломъ, которое оставила старая логика и которая такъ препятствуетъ ея дальнѣйшему развитію, является слѣдующее:

она какъ бы вырываетъ вещи изъ ихъ связи и изъ-за необходимости отдѣльнаго ихъ разсмотрѣнія забываетъ о неизбѣжной связности этихъ вещей.

Инструментъ, производящій въ человѣческой головѣ идею и знаніе, не представляетъ собою отдѣльной вещи или отдѣльнаго (обособленнаго) свойства; онъ не связанъ только съ мозгомъ и нервной системой, но также и со всѣми свойствами души. Разумѣется, мышленіе есть нѣчто другое, чѣмъ чувствованіе или ощущеніе, и все же оно представляетъ собою и чувство и ощущеніе, въ такой же мѣрѣ, какъ и сердечная радость и сердечная боль. Мышленіе люди считаютъ непостижимымъ, а сердце—неразгадываемымъ. Обосновать и постичь непостижимое и неразгадываемое—является задачей науки, задачей мышленія и его идеи.

Какъ мышленіе и познаніе суть часть души, точно такъ же и душа есть часть матеріальнаго и духовнаго человѣка. Съ тѣлеснымъ развитіемъ человѣка, какъ рода, такъ и индивидуума, развивается и душа и наряду съ нею и та ея часть, которою занимается теорія познанія: мысль или мышленіе. Но не только тѣлесное развитіе служитъ причиной духовнаго развитія, а и наоборотъ, познаніе дѣйствуетъ причинно на тѣлесный міръ. Здѣсь нѣтъ того, чтобы одно служило причиной, другое—дѣйствіемъ. Съ этой уже устарѣвшей категоріей мы не въ состояніи притти къ пониманію связи. Мы должны отдать дань признанія вышеприведеннымъ „идеямъ о просвѣщеніи“ профессора Лацаруса, въ которомъ одинъ пунктъ былъ настолько освѣщенъ, недоставало только маленькой точки надъ і, чтобы отдѣлаться отъ крупнаго недоразумѣнія въ пониманіи отношенія между причиной и дѣйствіемъ.

Со времени Аристотеля это отношеніе называютъ „категоріей“. Мы уже слышали, что вѣкъ просвѣщенія характеризуется тѣмъ, что онъ превратилъ категорію или, скажемъ, точку зрѣнія относительно причины и дѣйствія, въ господствующую точку зрѣнія. Другія времена съ ихъ познаніемъ, съ ихъ мышленіемъ жили съ другими категоріями. Если и древнимъ грекамъ уже была извѣстна точка зрѣнія о причинѣ и дѣйствіи, то эта послѣдняя была довольно далека отъ того, чтобы быть ихъ господствующей точкой зрѣнія при ихъ стремленіи къ научному познанію. Между тѣмъ какъ мы все разсматриваемъ, какъ дѣйствія, имѣющія за собою причину, они видѣли въ каждой вещи, въ каждомъ процессѣ, въ каждомъ

явленіи средство, имѣвшее за собою цѣль. У грековъ господствовала категорія средства и цѣли. Сократъ удивляется естествознанію Анаксагора, какъ много онъ знаетъ о солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ; но такъ какъ, однако, Анаксагоръ не обнаруживалъ передъ нимъ разумную цѣль естественнаго хода вещей, то онъ не желаетъ много останавливаться на такой наукѣ. Тогда цѣль и средство были мѣрой разума, орудіемъ духа, категоріей познанія; теперь же они суть причины и дѣйствія.

Между періодомъ расцвѣта греческаго господства и эрой современной науки лежитъ такъ называемая почъ средневѣковья, эпоха суевѣрія. Если ты въ то время предпринималъ путешествіе и тебѣ по дорогѣ встрѣчалась старая женщина, то тебѣ предстояло несчастіе. Валенштейнъ поставилъ героскопъ ранѣе, чѣмъ начать управлять своими войсками. „Познавали“ изъ полета птицы, изъ крика животнаго, изъ положенія звѣздъ, изъ встрѣчи со старой женщиной; категоріей тогдашняго познанія являлась примѣта и ея слѣдствіе.

И это были вовсе не ограниченныя головы, которыя вѣрили во все это, какъ говоритъ Лапарусъ. „Я называю имя, передъ которымъ каждый изъ насъ останавливается съ глубокимъ благоговѣніемъ—Кеплера, который вмѣстѣ со всѣмъ тысячелѣтіемъ, ему предшествовавшимъ и со столѣтіемъ, въ которомъ онъ жилъ, вѣрилъ въ астрологию „въ категорію примѣты и слѣдствія“. Астрология въ теченіе многихъ столѣтій являлась наукой, развивавшейся рядомъ съ астрономіей... со стороны однихъ и тѣхъ же лицъ“.

Удивительно въ этомъ выраженіи названіе „науки“ для употребленія категорій примѣты и слѣдствія. „Это употребленіе уже не имѣетъ болѣе мѣста въ современной наукѣ“.

Не можетъ ли и наша современная точка зрѣнія, категорія, помощью которой мыслить наша современная наука, категорія причинъ и дѣйствій,—такъ же стать переходящей?

Древніе, несмотря на свои „цѣли“, добыли безсмертныя научныя результаты. Средневѣковое суевѣріе со своими „примѣтами“, со своей астрологіей и алхиміей, оставили если и немногіе, то все же цѣнныя научныя продукты,—и что новѣйшая наука смѣшана со всякаго рода странностями,—этого не захотятъ отрицать и ея величайшіе почитатели.

Категоріи средствъ и цѣлей, предшествующихъ примѣтѣ и по-

слѣдствій и теперь еще въ полномъ ходу и держатся на ряду съ причинами и дѣйствіями. Познаніе, что и эта послѣдняя категорія имѣетъ лишь историческое, преходящее господство въ наукѣ—такое познаніе является аквизитомъ философіи, отъ котораго прогрессивный профессоръ Лацарусъ отсталъ лишь на какой-нибудь пустаекъ.

Пусть примутъ во вниманіе: не отношенію причины и дѣйствія предсказывается близкій конецъ, но лишь его господствующему, доминирующему положенію.

Кто безопасно, не задумываясь, несетъ по волнамъ жизни, тотъ долженъ быть глубоко изумленъ, когда онъ читаетъ, что мы фундаментальный столпъ всякаго познанія, что мы категорію причины и дѣйствія ставимъ на ту же самую преходящую точку зрѣнія, на какой стояли предсказатели и звѣздочеты. Человѣкъ очень охотно готовъ высмѣивать вѣру другихъ, какъ суевѣріе, а собственное суевѣріе надѣлять титуломъ „науки“.

Какъ только мы уяснили себѣ, что нашъ интеллектъ имѣетъ своей существенной цѣлью нарисовать человѣческой образъ космическихъ явленій,—и его проникновеніе во внутрь природы, его познаваніе, объясненіе, пониманіе, разумѣніе etc не идетъ далѣе, ничего болѣе не можетъ и не желаетъ,—тогда этотъ интеллектъ тотчасъ же теряетъ свой мистическій, чрезмѣрный, метафизическій характеръ. Тогда также становится понятнымъ, что великій духъ тамъ наверху, двигающій тучами и сотворившій міръ изъ ничего, могъ съ успѣхомъ фигурировать, какъ объясняющая категорія, какъ вспомогательное средство разсудка. Исторія съ причиной и дѣйствіемъ—такая же самая исторія: она является вполнѣ великолѣпнымъ вспомогательнымъ средствомъ, но, все же, не удовлетворяющимъ прогрессу всѣхъ временъ.

Пониманіе, что великій духъ, властитель тучъ, является лишь свободнымъ созданіемъ маленькаго человѣческаго духа, — распространилось настолько далеко, что мы можемъ, минуя этотъ вопросъ, перейти къ порядку дня.

Это пониманіе выдвигаетъ вопросъ: не являются ли и „причины“, съ которыми такъ много возится современная наука, такъ сказать, миниатюрными творцами, которые сыплютъ точво изъ рога изобилія свои дѣйствія. Такое неточное представленіе на самомъ дѣлѣ является господствующимъ.

Падаетъ ли камень въ воду, онъ является причиною волнообразнаго движенія, межъ тѣмъ какъ онъ отнюдь не создатель этого движенія, но лишь содѣйствующій, который вызываетъ къ дѣйствию жидкое, эластичное свойство воды и дѣйствуетъ также вмѣстѣ съ этимъ свойствомъ. Если камень падаетъ въ масло, онъ въ самой большей мѣрѣ вызываетъ лишь одну волну, а если этотъ каменный творецъ падаетъ на совѣтъ твердую почву, то кончается и его искусство творенія волнъ. Этимъ доказывается, что причины не являются творцами, но скорѣе дѣйствіями, которыя не производятся другими, но сами производятъ другихъ.

Категорія причины и дѣйствія является хорошей теоріей объясненія, если она лишь сопровождается философскимъ сознаниемъ, что вся природа представляетъ собою безконечное море превращеній, которыя не производятся ни великими, ни малыми творцами, но создаются сами собой.

Извѣстный философскій мыслитель выражается слѣдующимъ образомъ: „Въ первыя недѣли жизни ребенокъ не знаетъ ни о внѣшнемъ мірѣ, ни о собственномъ тѣлѣ, ни о своей душѣ; его ощущеніе еще поэтому не сопровождается сознаниемъ взаимодействія этихъ трехъ факторовъ; оно не предчувствуетъ еще причинъ“. Мы видимъ, что душа, тѣло, внѣшній міръ, обращаются въ три фактора, которыя называются тремя причинами ощущенія. Теперь нужно замѣтить, какъ каждая изъ этихъ трехъ причинъ или факторовъ, равно какъ и самъ вмѣститель (этихъ факторовъ) представляетъ собою безконечное число фактовъ или причинъ, которые всѣ вмѣстѣ производятъ ощущеніе у ребенка. Душа состоитъ изъ многихъ душевныхъ частицъ, тѣло — изъ многихъ тѣлесныхъ частицъ, а внѣшній міръ — если можетъ еще быть больше частицъ, чѣмъ безконечно много — состоитъ еще изъ X разъ большихъ частицъ.

То, что дѣтское или другое ощущеніе вытекаетъ не изъ себя, но связано съ душой и тѣломъ и внѣшнимъ міромъ — не вызываетъ сомнѣній. Отсюда вытекаетъ несомнѣнная, универсальная связь. Въ замысловатомъ кругѣ въ самомъ себѣ движущагося универсума категорія причинности дѣйствуетъ проясняюще, когда она служитъ нашему духу средствомъ приводить въ порядокъ предшества и слѣдствія. Если совершается паденіе камня, въ водѣ возникаютъ волны; если имѣются на лицо душа, тѣло и внѣшній міръ, то за ними слѣдуетъ ощущеніе.

Наше философское завоеваніе вовсе не отрицаетъ полезности каузальной (причинной) категоріи, но борется лишь противъ мистическаго элемента, который съ ней еще связанъ въ мнѣніи людей, также и „научно-образованныхъ людей“. Дѣло не въ чародѣйствѣ, но такъ сказать, въ механическомъ порядкѣ, механической классификаціи естественныхъ явленій, какъ они предшествуютъ и слѣдуютъ другъ за другомъ. До тѣхъ поръ, пока вода останется водой и въ ней сохранится ея эластичное, жидкое свойство; до тѣхъ поръ, пока камень останется камнемъ, обладающимъ вѣсомъ, который съ силой падаетъ въ воду, — до тѣхъ поръ съ аподиктической увѣренностью и неизбежно за каменнымъ ударомъ послѣдуетъ волнообразное движеніе. Пока душа, тѣло и внѣшній міръ сохраняютъ свои узнавныя изъ опыта свойства, до тѣхъ поръ они съ такой же несомнѣнной вѣроятностью будутъ вызывать ощущеніе. Тотъ фактъ, что мы узнаемъ это въ силу всякаго опыта, такъ же мало удивительно, какъ и категорія причинности. Только и единственно удивительны самыя свойства вещей, которыя, однако, въ отношеніи къ этой примѣчательности, всѣ одинаковы, такъ что человѣческое познаніе, причинность или какая-либо другая категорія не болѣе удивительна, нежели всякое другое свойство. Единственнымъ чудомъ является универсумъ, который именно въ силу того, что онъ представляетъ универсальное чудо, въ то же время, въ высшей степени тривиаленъ. Что можетъ быть проще, чѣмъ то, что свойственно всему, т. е. общее.

Вмѣстѣ съ каузальной точкой зрѣнія человѣческая голова приобрѣла ясность на счетъ явленій природы. Каузальная точка зрѣнія служитъ освѣщенію міра.

Способъ, методъ, какимъ добывается такое освѣщеніе, является нашимъ спеціальнымъ объектомъ. Не отрицаемъ, что каузальность служитъ при этомъ средствомъ—но лишь единичнымъ. Мы сдѣлаемъ ей слишкомъ много чести, если мы ее, какъ это часто случается, будемъ разсматривать, какъ универсальное средство. Мы видѣли, что раньше для этого служили другія точки зрѣнія или мыслительныя формы и также и сейчасъ существуютъ еще и другія, которыя имѣютъ надежду получить въ будущемъ большее значеніе, нежели каузальность. Эта послѣдняя превосходно освѣщаетъ то, что слѣдуетъ другъ за другомъ. Но должны быть также объяснены и тѣ явленія природы, которыя существуютъ рядомъ другъ съ

другомъ. Здѣсь вѣдь одинаково выполняетъ роль освѣщенія категория рода и вида. Геккель говоритъ немного надменно о „зоологахъ изъ музеевъ и кабинетныхъ ботаникахъ“, ибо они просто классифицируютъ животныхъ и растенія по родамъ и видамъ. Современные зоологи и ботаники обращаютъ вниманіе не только на разнообразіе животныхъ и растеній, которыя слѣдуютъ рядомъ другъ съ другомъ, но и на временное слѣдованіе другъ за другомъ измѣненій и превращеній—и поэтому приобрѣли болѣе живой образъ зоологическаго и ботаническаго міра, но образъ не только ихъ бытія, но и ихъ становленія, возникновенія и исчезанія. Безцвѣтно, печально, урѣзано и механично было знаніе музейныхъ зоологовъ и кабинетныхъ ботаниковъ—и новая наука, неоспоримо, является лучшимъ воспроизведеніемъ истины и жизни. Однако, это не должно приводить насъ къ переоцѣнкѣ каузальнаго метода изслѣдованія. Категория причины и дѣйствія дополняетъ категорию рода и вида. Она, эта каузальность, помогаетъ освѣщать; она доставляетъ помощь мыслительному процессу, однако, не устраняетъ необходимости въ другихъ мыслительныхъ формахъ.

Для теоріи познанія существенно познать особия мыслительныя формы стараго и новаго времени, какъ особенности (частности), обладающія одной, общей природой. Эта общая природа мыслительнаго, познавательнаго или освѣщающаго процесса является частицей универсальнаго міроваго процесса и не отличается отъ послѣдняго чрезмѣрно.

Понятіе причины объясняетъ міръ явленій частично; но это же выполняетъ и понятіе цѣли и понятіе рода, это выполняютъ всѣ понятія.

Въ универсумѣ всѣ части суть причины и всѣ части произведены, вызваны (другими), созданы, и все же пѣтъ творца, производителя, первопричины. Общее производитъ частное, и послѣднее, процессомъ взаимодействія, производитъ общее.

Категорія общаго и частнаго, универсума и его частей—это та категория, которая „поглощаетъ въ себѣ“ всѣ остальные мыслительныя формы.

Чтобы объяснить мыслительный процессъ, необходимо этотъ послѣдній освѣтить, какъ часть общаго процесса. Онъ не является причиной, создавшей міръ, ни въ теологическомъ смыслѣ, ни въ идеалистическомъ; онъ также не является простымъ дѣйствіемъ

мозговой субстанціи, какъ это отношеніе представляютъ матеріалисты прошлаго столѣтія. Онъ, этотъ мыслительный процессъ, и его познаніе являются частностью въ общемъ космосѣ. Отношеніе общаго къ частному,—есть отношеніе, которое является ясной, цѣлостной категоріей всѣхъ категорій.

Этому положенію можно придать и другія имена: единое и многое; сущность и ея формы; субстанція и ея акциденціи; истина и ея явленія etc. etc. Не въ имени дѣло; существенно—важно познаніе и пониманіе.

ХІІ.

Духъ и матерія,—что является первичнымъ и что—вторичнымъ?

Аквизитъ философіи заключается въ томъ, что онъ освободилъ процессъ познанія отъ его мистификаціи. Съ причинностью все еще связано нѣчто таинственное; она остается неузнанной, необъясненной до тѣхъ поръ, пока она не познана, такой же мыслительской формой, какъ и цѣлый рядъ другихъ мыслительскихъ формъ, и общій характеръ которыхъ заключается въ освѣщеніи человѣческой головѣ помощью символа, составленнаго изъ схематическихъ (формальныхъ) понятій, космическихъ явленій.

Философія специально занимается уясненіемъ познанія; и она настолько освѣтила свой спеціальный предметъ, что познала этотъ послѣдній, т. е. познаніе, какъ часть общаго универсума, которая имѣетъ своей особой задачей группировать какъ весь міръ явленій, такъ и его болѣе ограниченные круги соотвѣтственно ихъ связямъ по родству и ихъ развитію во времени. Такая группировка и даетъ научное изображеніе (картину) міра. Извѣстная схема понятій, которую употребляютъ логики, символически представляя общее въ видѣ большаго круга, внутри котораго частности представлены меньшими кругами, то лежащими другъ въ другѣ, то рядомъ находящимися, то пересѣкающимися,—эта схема является удобнымъ вспомогательнымъ средствомъ къ объясненію того метода, какимъ познавательная способность приходитъ къ своимъ познаніямъ, къ наукамъ. Наука въ общемъ есть сумма всѣхъ частныхъ знаній, отличающаяся отъ послѣднихъ не болѣе, чѣмъ человѣческое тѣло отличается отъ органовъ, его составляющихъ. Какъ тѣлесный

органъ невозможенъ внѣ облекающей его кожи, также и какое-либо частное знаніе невозможно внѣ общности всякой науки. Въ этомъ смыслѣ никакая метафизика невозможна.

Какъ аподиктически мы знаемъ, что двѣ горы не существуютъ безъ раздѣляющей ихъ долины, такъ же аподиктически мы знаемъ, что ни въ небѣ, ни на землѣ, ни въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ нѣтъ вещи, которая бы существовала внѣ общаго вещественнаго круга. Внѣ мірскаго міра нѣтъ никакого друга мірка — иначе мыслить не въ состояніи логически организованная человѣческая мыслительная способность; и также невозможно открыть такой внѣміровой мірокъ помощью опыта или въ опытѣ, ибо мышленіе неотдѣлимо отъ опыта, ибо безъ мыслей совсѣмъ нельзя пріобрѣсти какіе бы то ни было опыты. Человѣкъ съ головой — а о безголовыхъ людяхъ не можетъ быть рѣчи — не въ состояніи открыть немірскаго, метафизическаго міра.

Опыто-образовательная способность, включающая въ себя и мыслительную и познавательную способность, есть только ограниченная самимъ опытомъ (съ нимъ сообразованная) способность. Твердое убѣжденіе въ единствѣ универсума есть прирожденная логика. Міровое единство есть высшая и наиболѣе общая категорія. Ея болѣе близкое разсмотрѣніе сейчасъ же обнаруживаетъ, что она подъ своимъ сердцемъ или въ своихъ нѣдрахъ несетъ свою противоположность, т. е. безконечную множественность. Общее чревато частностями.

Это — сравненіе, а сравненія хромаютъ. Мать на ряду съ материнствомъ обладаетъ и другими качествами, межъ тѣмъ какъ универсумъ или абсолютная общность является не болѣе, какъ роженницей, причиной всего частнаго и обособленнаго.

Она является „чистымъ“ материнствомъ, существованіе котораго безъ дѣтей такъ же невозможно, какъ невозможно существованіе дѣтей безъ матери. Поэтому также никакая причина невозможна безъ дѣйствій. Причина, которая не дѣйствуетъ... не будемъ говорить о ней! Дитя — настолько же причина материнства, какъ и дѣйствіе (слѣдствіе) или продуктъ этого послѣдняго. Также и міровое единство никогда не существовало и немислимо безъ многихъ отдѣльныхъ дѣтей, которыхъ оно несетъ въ своихъ нѣдрахъ.

Какъ только мысль стремится создать себѣ образъ, предста-

вленіе, понятіе о причинѣ всѣхъ причинъ, такъ она сейчасъ же, *volens-nolens*, вынуждена имѣть дѣло и съ дѣйствіями. Мысль можетъ отдѣлять одно отъ другого, но она не въ состояніи мыслить точно безъ сознанія, что ея отдѣленіе или отлеченіе есть дѣятельность формальная. Дѣятельность представленія, постиженія, знанія, познванія есть формальная дѣятельность.

Философія дѣйствительно исходила изъ превратнаго или ложнаго пониманія; дѣятельность познванія, пониманія, представленія она считала главнымъ героемъ, она принимала науку, не какъ формальную дѣятельность, не какъ нѣчто вторичное, подчиненное сущности, причинѣ, цѣли, высшему основанію, но исходила изъ нелогичной и мало удачной мысли, что будто бы духовная особенность, а именно, дѣятельность познванія, пониманія, сужденія, различенія, другими словами, логическій элементъ былъ первичнымъ, высшимъ, первоначальнымъ и самоцѣлю. Еще въ Гегелевской логикѣ, пролившей такъ много свѣта на мыслительный процессъ, это ложное пониманіе о томъ, что является оригиналомъ и что — копіей, служитъ причиной почти непроходимаго мистицизма.

Для нашихъ идеалистическихъ философовъ источникомъ истины является не природа, а наука. „Истинное понятіе“ тогда еще стояло выше всего. Это „понятіе“ Гегель каталъ, вертѣлъ, крутилъ, какъ будто бы это понятіе являлось не продуктомъ природы, а метафизическимъ дракономъ. Но нельзя забывать того, какъ при этихъ верченіяхъ, крученіяхъ и гегелевскаго дракона, выступали въ своихъ особенностяхъ и во всей своей наготѣ свойства существа понятія.

По теозофическому мнѣнію Гегеля я распознаю своего истиннаго друга не въ матеріальномъ сношеніи и тѣлесномъ знакомствѣ (обращеніи); гегелевскій отличительный признакъ истиннаго друга заключается не въ испытаніи этого послѣдняго въ жизни, а въ томъ, что онъ „соотвѣтствуетъ своему понятію“. „Понятіе“ истинной дружбы является для идеалистовъ мѣрой дружественной истины, какъ для Платона „идея“, напр., мнимо приведенная изъ другого міра идея государства или печного горшка служитъ прообразомъ, которымъ мы измѣряемъ идеальность или истинность государства и печного горшка этой земной юдоли плача.

То, что человекъ въ состояніи создавать идеалы, является, безъ сомнѣнія, драгоценнымъ даромъ природы, но такимъ даромъ,

который вызвалъ и не мало путаницы и который, для проявленія всей своей цѣнности, нуждается сперва еще въ ясномъ познаніи, какимъ образомъ создаются эти идеалы изъ дѣйствительнаго матеріала. Безъ этого познанія человѣческому роду не удастся употреблять реально свою идеальную силу. Прекрасный идеаль истинной дружбы въ состояніи воспламенять насъ къ соревнованію; однако, знаніе, что это именно только идеаль, въ дѣйствительности всегда по необходимости одобренный немного фальшью — является отнюдь не плохимъ противодіемъ противъ фантастики. И такъ же, какъ съ истинной дружбой, обстоитъ дѣло и съ истиной вообще; съ истинной свободой, истинной справедливостью, равенствомъ, братствомъ и т. д.

Стремленіе къ идеалу прекрасно; однако, не бесполезно и сознаніе и острое пониманіе того, что этотъ идеаль въ дѣйствительности никогда не осуществляется безъ примѣси своей противоположности. Какъ говоритъ Мессингъ? „Если бы Господь Богъ хотѣлъ одарить меня, держа въ лѣвой рукѣ стремленіе, а въ правой — самую истину, то я припалъ бы къ Его лѣвой рукѣ и молилъ бы: „Властитель, истиной обладай ты самъ, она лишь для тебя“.

Создавать для насъ вѣрный идеаль (картину) міра—не задача философіи. Она не въ силахъ этого сдѣлать, не въ силахъ сдѣлать этого и какая-либо научная спеціальность; это въ состояніи выполнить лишь научная цѣлостность и то лишь приблизительно. Но и здѣсь стремленіе представляетъ собою высшую истину и высшую цѣнность, нежели знаніе. Итакъ, еще разъ: спеціальной задачей философіи является не вѣрный идеаль міра, а методъ, путь, какимъ человѣческій духъ приходитъ къ своимъ міровымъ идеаламъ, ея цѣлью является описаніе этого пути, и эскизно очертить этотъ послѣдній—задачей этого произведенія.

Эскизь, уже по самой своей природѣ,—дѣло несовершенное. Въ силу этого, я могу подвергнуться порицанію, что имена: міръ, космосъ, универсумъ, природа или имена: понятіе, сужденіе, заключеніе, мысль, духъ, интеллектъ и т. д. я замѣняю одно другимъ и употребляю, какъ синонимы, межъ тѣмъ какъ въ лѣстницѣ понятій науки многія изъ этихъ именъ уже занимаютъ свое прочное (особое) мѣсто. Однако тотъ пунктъ, на которомъ намъ предстоитъ остановиться,—методъ науки или мыслительная дѣятельность—какъ

разъ обладаетъ двойственной природой: не только фиксировать, но оставаться также и подвижнымъ (измѣняться).

Наука не только опредѣляетъ: что такое то-то и то-то, но и—какъ оно развивается, какъ возникаетъ, исчезаетъ и все же пребываетъ; какъ оно детерминировано и, однако, въ то же время измѣнчиво. Реальное бытіе, съ которымъ наука только и имѣетъ дѣло, т. е. универсумъ— это не только то, что есть, но и—что будетъ, и не только то или это, но—все, все вмѣстѣ и каждое въ отдѣльности. Такъ что даже и ничто есть нѣчто, принадлежащее жизненной цѣлокупности.

Этотъ діалектическій оборотъ очень туго дается не философскому сознанию. Для этого послѣдняго ничто и нѣчто не только противостоятъ другъ другу (не совпадаютъ), но и отстоятъ другъ отъ друга куда болѣе бесконечно, чѣмъ бесконечно отдѣляетъ пасторъ небесное блаженство отъ земной юдоли (нищеты). Пасторъ ужъ слишкомъ логикъ, и также ужъ слишкомъ: принимать ничто за абсолютное ничто. Вѣдь нельзя же отрицать, что оно, по меньшей мѣрѣ,— понятие или слово. Итакъ, много или мало, но оно все же—кое-что; изъ бытія, изъ мірового единства мы еще менѣе въ состояніи вырваться, чѣмъ Мюнхгаузенъ въ состояніи былъ вытащить себя за косу изъ болота.

Абсолютнаго ничто не существуетъ, ибо абсолютное есть универсумъ, все же остальное является лишь относительнымъ. Слѣдовательно, такимъ же относительнымъ является и ничто. Такое пониманіе послѣдняго имѣетъ лишь тотъ смыслъ, что оно не представляетъ собою какой-то существенной (особенной) вещи. Это—ничто, другими словами означаетъ, что это не есть то, что въ данное время, на данномъ мѣстѣ имѣетъ какую-либо важность (или значеніе). Этотъ человѣкъ—ничто, означаетъ лишь, что онъ—не главная фигура, чѣмъ отнюдь не должно оспариваться, что онъ представляетъ собою что нибудь вообще.

Категоріи: бытіе и ничто, какъ и всѣ категоріи, кажушіяся здравому, но не дисциплинированному человѣческому разуму чѣмъ то прочнымъ (неподвижнымъ), на дѣлѣ представляютъ собою нѣчто подвижное, полюсы которыхъ переходятъ другъ въ друга и исчезаютъ, различіе между которыми не есть различіе *toto-caelo* и которыхъ, такимъ образомъ, даютъ намъ примѣръ подвижнаго мірового единства, слагающагося изъ своей противоположности, а именно, изъ множественности.

Аквизитъ философіи достигаетъ своего апогея въ познаніи, что міръ разнообразенъ и разнообразіе едино въ своей общей міровой сущности. Науки вынуждены представлять намъ свои объекты въ такомъ противорѣчивомъ видѣ, такъ какъ именно всѣ вещи фактически живутъ въ этомъ противорѣчii. То, что зоологи въ музеяхъ и ботаники въ гербаріяхъ выполнили въ отношеніи пространственнаго распространенія животнаго и растительнаго царства, то же самое признается дарвиніанцами въ отношеніи разнообразія этой области во времени; одни, какъ и другіе категоризируютъ, классифицируютъ, систематизируютъ. То же самое продѣлываютъ химики надъ силами и веществами и Гегель надъ категорическими отношеніями бытія и небытія (категорія: ничто), количества и качества, субстанціи и акциденціи, вещи и свойства, причины и дѣйствія etc. Онъ (Гегель) съ полнымъ основаніемъ заставляеть все превращаться другъ въ друга, становиться (возникать), измѣняться, двигаться. Весь міръ движется и въ то же время остается въ неразрывной связи.

Но то, чего, однако, Гегель не выполнилъ и что мы добавляемъ, заключается въ приобрѣтенномъ дальнѣйшимъ развитіемъ пониманія, что текучесть и измѣнчивость перечисленныхъ мыслительныхъ категорій свидѣтельствуютъ лишь о необходимой измѣнчивости и взаимномъ превращеніи всѣхъ мыслей и понятій, которыя сами служатъ, должны и могутъ служить примѣромъ и отображеніемъ универсальной жизни.

Идеалистическіе философы, которые доставили всѣ существенные матеріалы для этого заключительнаго спеціальнаго знанія, все еще въ большей или меньшей мѣрѣ связаны заблужденіемъ, что мыслительный процессъ есть истинный процессъ, а истинный оригиналь, т. е. природа или матеріальный универсумъ, есть лишь вторичный феноменъ. Теперь необходимо понять, что феноменальная космическая связь, универсальный живой міръ и суть сама истина и сама жизнь.

Есть ли міръ представленіе? или понятіе? Міръ можно представлять и понимать; но онъ есть и нѣчто большее, чѣмъ доступность представленію и пониманію. Онъ существовалъ, существуетъ и будетъ существовать внѣ и помимо нашего представленія, нашего понятія; онъ именно безконеченъ въ количествѣ и качествахъ. Откуда мы знаемъ это? Въ одно и то же время мы говоримъ, что мы не

знаемъ всего, не знаемъ того, что было, происходитъ и еще произойдетъ, мы не постигаемъ цѣлаго и, однако, воображаемъ, что мы вполнѣ постигли, что міровое цѣлое не есть пустое понятіе, но скорѣе представляетъ собою нѣчто абсолютное, гораздо болѣе, чѣмъ то, что доступно нашему воображенію и пониманію, а именно дѣйствительное и истинное, безконечное. Какъ разрѣшаемъ мы это противорѣчіе?

Знаніе объ ограниченности какъ индивидуальнаго, такъ и общечеловѣческаго интеллекта идентично съ понятіемъ, универсальнаго, иначе говоря: человѣческому интеллекту прирождено свойство з н а т ь себя, какъ ограниченную часть абсолютнаго универсума. Это наше интеллектуальное свойство не менѣе природно и первоначально, чѣмъ свойство деревьевъ лѣтомъ зеленѣть, или чѣмъ свойство наукъ разставлять свои сѣти. Хотя интеллектъ является лишь ограниченной частью безграничнаго и самъ сознаетъ это, тѣмъ не менѣе его способность знать, понимать, судить—есть способность универсальная. Невозможенъ и немислимъ никакой интеллектъ, который превосходилъ бы тотъ мыслительный аппаратъ, какимъ природа надѣлила человѣчскій родъ. Мы можемъ себѣ представить гиганта въ качествѣ гиганта мысли, но присматриваясь ближе, каждый, не желающій видѣть гигантскую мысль продуктомъ пустой фантазіи, пойметъ, что она не отдѣлима отъ цѣлаго ряда мыслителей.

Мышленіе, знаніе, пониманіе универсальны. Я могу познавать всѣ вещи на подобіе того, какъ я могу видѣть всѣ камни мостовой. Я ихъ всѣ могу видѣть, но не могу я видѣть всего, что въ нихъ, напримѣръ, я не могу видѣть, что они тяжелы и имѣютъ вѣсъ. Также, несмотря на то, что всѣ вещи познаваемы, невозможно знать ихъ во всемъ; онѣ не растворяются въ познаніи всецѣло, другими словами, познаніе есть лишь часть универсума, который хотя и весь познаваемъ, но познаніе котораго—нашъ интеллектъ также принадлежитъ къ универсуму—не есть все.

Все познаваемо; однако, познаніе не есть все. Каждый мопсъ—собака, но не каждая собака—мопсъ. На этомъ антагонизмѣ между родомъ и подчиненнымъ ему видомъ покоится и антагонизмъ идеалистическій и матеріалистическій. Закоренѣлые идеалисты утверждаютъ, что всѣ вещи суть мысли; мы же, напротивъ, хотимъ показать, что мыслительныя вещи и матеріальныя вещи суть лишь два вида того же рода, которымъ, благодаря ихъ общей природѣ

и въ цѣляхъ здоровой логики, лишь приходится, помимо спеціальнаго имени, давать еще и общее имя родовое или нарицательное. Но гдѣ это познаніе достигнуто, тамъ споръ между идеалистами и матеріалистами низводится лишь къ спору о словахъ.

Все велико, все мало, все пространственно и все временно, все есть причина и все—дѣйствіе, все цѣлостно и все частично, ибо именно все есть общее понятіе всего, ибо все заключено въ цѣломъ (во вселенной), все родственно, все соединено, все связано. Понятіе цѣлаго (вселенной), какъ абсолютнаго, содержаніе котораго состоитъ изъ бесконечно многихъ относительностей; понятіе цѣлаго, какъ универсальной истины, выступающей въ явленіяхъ,—является основой науки о понятіяхъ.

ХІІІ.

Въ какой мѣрѣ преодолѣны сомнѣнія въ возможности яснаго и точнаго познанія.

Современный профессоръ философіи, Куно-Фишеръ изъ Іены, говоритъ: „проблеммой новѣйшей философіи является познаніе вещей“. Межъ тѣмъ, эта проблема относится не только къ новѣйшей, но также и къ старой философіи; да, она относится ко всякому міру. Всякій міръ, т. е. человѣческій міръ и преимущественно міръ науки, ищутъ познанія вещей. Я говорю это не для того, чтобы поучать профессора, котораго я охотно признаю достаточно заслуженнымъ философомъ. Если бъ я хотѣлъ перелистать его произведенія, то навѣрное наплись бы мѣста, гдѣ проблема философіи выражена куда точнѣе и конкретнѣе, а именно, что она стремится познать не „познаніе вещей“ въ безвоздушномъ пространствѣ, но спеціальное познаніе частной вещи, которая носитъ спеціальное имя: „познаніе“. Философія, на извѣстной высотѣ развитія, стремится къ познанію познанія. За эту проблему она начала серьезно бороться настолько давно, насколько далеко простирается наше историческое воспоминаніе.

Послѣ того, что мы уже сказали о началѣ и концѣ вещей и безсмертности послѣднихъ, легко будетъ понять, что также и та вещь, которая называется познаніемъ, не имѣетъ историческаго начала. Познаніе вырастаетъ изъ непознаннаго и сознательное—изъ безсознательнаго. Даже и современное, отрадно культурное сознаніе

является всегда еще неразвитымъ, бессознательнымъ сознаниемъ. Однако, положеніе вещей настолько далеко ушло впередъ, что мы теперь знаемъ, въ какой мѣрѣ познаніе является антирелигіозной вещью. Особенно познаніе познанія, аквизитъ философіи, имѣеть рѣзко выраженную антирелигіозную и постольку же и „деструктивную“ (разрушительную) тенденцію. Однако, не нужно объ этой деструкціи дѣлать себѣ какое-либо чрезмѣрное представленіе. Здѣсь, подь луной, ничто не разрушается, ничто не пропадаетъ безъ того, чтобы „новая жизнь не выростала изъ развалинъ“. Пониманіе этого относится къ понятію космоса къ главному понятію, которое ставитъ себѣ задачей постичь понятіе понятія или познаніе познанія.

Исторія философіи начинается упадкомъ языческой религіи, а новѣйшей философіи—съ упадкомъ христіанской религіи. Такъ какъ эта послѣдняя должна быть принадлежностью народа *ex officio*, то официальные профессора не могутъ быть ясными и точными истолкователями философскаго аквизита. Какъ ни велико, поэтому, сдѣланное Спинозой, Лейбницемъ, Кантомъ и Гегелемъ,—кантианцамъ и гегельянцамъ, однако, недостаетъ вся свобода изслѣдованія—и Куно Фишеръ, стоитъ ли онъ близко къ дѣлу, должешь все же застревать въ мистификаціи понятія и познанія. Цехъ затрудняетъ сужденіе.

„Природа—говоритъ этотъ профессоръ—должна считаться первымъ объектомъ познанія, какъ принципъ, откуда вытекаетъ все другое. Въ этомъ направленіи новѣйшая философія натуралистична. Познаваемость природы или возможность познанія вещей должна при этомъ предполагаться. Въ этомъ же предположеніи новѣйшая философія является догматичной. Кантовская философія относится къ возможности познанія недогматически, а критически“. Система логики и метафизики, Куно Фишера, второе изданіе Seite 104 и 109). Въ этой позднѣйшей стадіи, критической, профессора философіи застряли на долго. Критики все еще стоятъ у вопроса: удивляйся—мѣръ! Какъ возможно познаніе?!

Прежде всего здѣсь нечему удивляться. Почему „натуралистическій“ философъ не послѣдователенъ и не познаетъ затѣмъ свой спеціальный объектъ, познаніе, какъ естественный (натуралистическій) объектъ.

Предпосылка, что познаніе вещей возможно, не представляетъ собой ни предпосылки, ни чего-то „догматическаго“.

Философы должны лишь были бы отказаться от старой склонности доказывать своими „силлогизмами“. Теперь доказывают дѣло не словами, но дѣлами, фактами. У насъ науки существуютъ въ достаточной мѣрѣ въ достаточно развитомъ видѣ—и тѣмъ самымъ несомнѣнно дана „возможность познанія“.

Но, говорятъ намъ критики, которые настолько мудры, что слышатъ ростъ травы: познанія, доставляемыя намъ точными науками,—развѣ они тоже познанія? Развѣ они не суррогаты? Эти науки познаютъ лишь явленія вещей, гдѣ же познаніе, которое познаетъ и истину?

Мы отвѣтимъ имъ.—Вы натуралисты. Да, природа есть истина. Или же спиритуалисты, которые метафизически отдѣляютъ истину отъ явленія? Они охотнѣе пазываютъ себя спиритуалистами; однако такія тонкости здѣсь не важны. Познать—значить: различать и судить. Должно различать истину отъ явленія, но не чрезмѣрно. Необходимо развѣ на всегда знать, что чудовищнѣйшее явленіе есть лишь естественный феноменъ и что величайшая истина, именно потому, что она естественна, открывается лишь въ явленіяхъ.

Но старая логика не переноситъ никакого противорѣчія. Явленіе и истина суть противорѣчія—и потому они у нея никакъ не согласуются. Но противорѣчивое, собственно говоря, состоитъ лишь въ томъ, что въ этомъ монистическомъ мірѣ посягаютъ съ идеями, которыя должны быть различны *toto caelo*. Старой логикѣ совершенно не достаетъ того примиряющаго способа мышленія, который не возноситъ познаніе и мыслительную способность въ небо, но довольствуется тѣмъ, что рассматриваетъ это познаніе, какъ, справедливо, возвышенное, по все же лишь естественное качество.

Старая логика не въ состояніи была выставить убѣдительные законы мышленія, ибо она самое мышленіе представляло себѣ чрезмѣрнымъ. Идея для нея не была только свойствомъ, модусомъ, частицей истинной природы, но природа истины одухотворялась ею до мистической сущности. Въмѣсто того, чтобы образовать понятіе духа изъ плоти и кости, она желаетъ плоть и кость разрѣшить (объяснить) помощью понятій. Это можно было бы допустить, если бы такое разрѣшеніе задачи имѣло бы лишь значеніе символическаго образа.

Старая логика содержитъ въ себѣ длинныя главы о доказательствѣ истины. Она (эта истина) должна „согласоваться“ съ по-

натиёмъ и „доказываться“ понятіями. Если при этомъ узнаютъ о вторичномъ (второстепенномъ) отношеніи, въ которомъ понятіе и познаніе находятся къ истинѣ,—то тогда дѣло уже выполнено; но старая логика не понимаетъ этого отношенія. Напротивъ! Ея сознаніе запутываетъ это отношеніе; она обращаетъ духъ въ первичное и истинныя плоть и кость—въ послѣднее.

Необходимость какого-либо понятія доказываютъ невозможностью его противоположности. Противопологаютъ понятіе, которымъ доказывается самая его невозможность. Эта невозможность доказана, если обнаруживается, что нѣчто является А въ той же мѣрѣ, какъ и не—А, или, если обнаруживается, что нѣчто не представляетъ собою ни А, ни не—А. Первый способъ доказательства называется антиноміей, второй—диллемой.

Въ этомъ представленіи логическаго доказательства много разговору о „нѣчто“—и о послѣднемъ говорится такъ: нѣчто не можетъ быть въ одно и то же время прямой и кривой, истиннымъ и неистиннымъ, свѣтлымъ и темнымъ. Такое ученіе люди очень легко принимаютъ за точное, такъ какъ они не замѣчаютъ что понятіе „нѣчто“ совсѣмъ не представляетъ собою прочнаго понятія, а является очень измѣчивымъ. Если прямая линія есть нѣчто, а кривая линія—другое нѣчто, если оба эти „нѣчто“ противопоставляютъ другъ другу—тогда вышеупомянутая логика является самой правильной въ мѣрѣ. Но кто же намъ скажетъ, что нѣтъ многихъ прямыхъ линій, которыя въ концѣ имѣютъ завитокъ, слѣдовательно, извѣстное разстояніе пробѣгаютъ прямо, а въ концѣ становятся кривыми. Кто скажетъ намъ, что такое линія? Линія—это 10, 20, 30 etc. кусочковъ и каждый кусочекъ есть линія.

Раньше, чѣмъ можетъ быть сказано нѣчто доказательное о логическихъ законахъ, должно относительно всего быть сказано, какъ обстоитъ дѣло съ цѣлымъ и его частями, съ космосомъ и его развѣтвленіями. Старый теологическій вопросъ о божествѣ и о его твореніяхъ, старые метафизическіе вопросы о единомъ и многомъ, объ истинѣ и ея явленіяхъ, объ основаніи и слѣдствіи etc. etc., словомъ: вопросъ о метафизическихъ категоріяхъ долженъ быть поконченъ раньше, нежели чѣмъ истиннымъ образомъ освѣтитъ второстепенные вопросы познанія, вопросы формальной логики.

Кто и что есть нѣчто? Пасторъ отвѣтилъ бы: только Богъ есть нѣчто и все другое—ничто! А мы говоримъ: только универсумъ

есть нѣчто и все, что въ немъ, суть неустойчивыя, мѣняющіяся, непрочныя, двойственныя, текучія, варьирующія явленія или относительности.

До тѣхъ поръ, пока теологи такъ много болтали и такъ мало способствовали нашему познанію, нельзя почти затрогивать понятіе о Богѣ, чтобы этимъ не оттолкнуть читателя. Однако, для основательнаго пониманія человѣческой познавательной сущности, неизбѣжно доказательство, что понятіе Бога и понятіе универсума или представленіе универсума суть аналогичныя представленія. Не напрасно первые претенденты новѣйшей философіи, Картезий, Спиноза, Лейбницъ, такъ много занимались понятіемъ Бога. Они впервые примѣнили такъ называемое оптологическое доказательство о бытіи Бога. Это доказательство, обращенное на универсумъ, показываетъ божественное подобіе послѣдняго. Какъ метафизическій вседержитель, такъ и физическій космосъ суть оригинальные объекты понятія о всесовершеннѣйшемъ существѣ. Мало различія въ томъ, если я говорю: понятіе универсума, космоса или всесовершеннѣйшаго существа прирождено человѣку. Если бы этому понятію недоставало бытія, то ему недоставало бы главной части, относящейся къ совершенству. Слѣдовательно, всесовершеннѣйшее существо должно быть предположено. И дѣйствительно, оно существуетъ, существуетъ универсумъ, и къ его бытію относится все; ничто и никакая вещь не исключены отсюда и менѣе всего познаніе. Послѣднее, такимъ образомъ, не только возможно, но является фактомъ, которое къ тому еще доказывается понятіемъ всесовершеннѣйшаго существа.

Это должно помочь намъ отдѣлаться отъ сомнѣнія критиковъ и спеціально также отъ кантовскаго критицизма или, еще лучше сказать, отъ дуализма. Кантъ не хотѣлъ безъ критики принять догму о возможности познанія, но какъ разъ желалъ изслѣдовать эту догму. И опъ тогда открылъ, что мы можемъ познавать закономерно, но лишь подъ условіемъ, что мы со своимъ познаніемъ остаемся на полѣ простаго опыта, т. е. физическаго универсума, и не въ состояніи проникнуть въ метафизическое небесное царство. Но опъ не позналъ, что метафизически небесная область, отъ которой опъ насъ передостергаетъ, къ нашему времени должна была стать поконченнымъ вопросомъ.

Онъ допускаетъ существованіе такой экстравагантной возмож-

ности и только предупреждает не проникать туда познаниемъ, отнюдь не отговаривая отъ проникновенія въ эту область нашимъ предчувствіемъ. Кантъ вертится между „вещью, какъ явленіе“ и „вещью въ себѣ“. Первое посюсторонне и можетъ быть познано, второе—потюсторонне—и должно приниматься на вѣру и по предчувствію. Этимъ ученіемъ онъ снова обратилъ познаніе, объектъ новѣйшей философіи, въ проблематическую сущность, дающую намъ тему для дальнѣйшаго философствованія.

Такъ и случилось и потому теперь завоеваніе философіи и заключается въ томъ, чтобы „ясно и точно“ знать и о познаніи познать, что это послѣднее не есть только частица въ этомъ мірѣ явленій, но и истинная частица общей истины, каковая не имѣетъ ни надъ собой, ни рядомъ съ собой никакой другой истины и является всесовершеннѣйшей сущностью.

Разнобъчивыя толкованія о томъ, что есть и не есть, именно религиозныя разочарованія, постигшія греческій народъ, когда его божественный міръ превратился въ фантазмагорію—вызвали исходъ философіи. Человѣчество стремится къ позитивному, прочному, неоспоримому, закрѣпленному познанію. Но въ этомъ мірѣ прочное и текучее, преходящее и непреходящее такъ смѣшаны, что нигдѣ положительно невозможно раздѣленіе. И все же нашъ интеллектъ очень долго дѣлится за раздѣленіе и различеніе. Развѣ это не должно ему казаться таинственнымъ? Отсюда необходимымъ и понятнымъ образомъ вытекаетъ проблема теоріи познанія; отсюда вытекаетъ философскій и спеціальннй вопросъ: „Каковъ путь къ несомнѣнному „ясному и точному познанію“?“.

Высшая точка развитія греческой философіи связана съ именемъ Аристотеля. Онъ былъ практической натурой, которая не вдавалась въ даль, гдѣ находится добро; онъ не задавался вопросомъ о происхожденіи познанія. Платоническое происхожденіе послѣдняго изъ идеальнаго міра уже инстинктивно казалось ему болѣе или менѣе неудобнымъ; онъ прямо бралъ, такимъ образомъ, вещь, какъ она есть и анализировалъ тѣ положительныя знанія, которыя уже имѣлись на лицо. Но такъ какъ греческая наука, знанія аристотелевскаго времени, были недостаточно глубоки, то его попытка изложить логику не могла привести къ конечнымъ результатамъ. Но открыли, что изъ прочныхъ законовъ можно дѣлать дальнѣйшіе выводы, выводить позитивныя заключенія.

Этого и придерживался Аристотель. Онъ показываетъ ясно и точно, обоснованно и удачно, какъ слѣдуетъ заключать и дѣлать окончательные выводы, чтобы достигнуть позитивныхъ познаній. Всѣ собаки бдительны. Мой мопсикъ-собака, слѣдовательно, онъ бдителенъ. Что можетъ быть очевиднѣе? Почему такимъ образомъ не философствовать о богѣ, свободѣ и безсмертіи, если люди приходятъ къ неоспоримымъ познаніямъ формальнымъ путемъ точнаго выведенія заключеній?

При этомъ Аристотель кое-что просмотрѣлъ или, благодаря своей практической натурѣ, хотѣлъ просмотрѣть. Первая посылка, откуда дѣлается выводъ и которая относится къ бдительности собаки въ общемъ была уже получена заранѣе и припята на вѣру. Стоитъ ли и эта посылка твердо? Развѣ не можетъ быть собака, у которыхъ эта бдительность отсутствовать и развѣ нашъ мопсикъ, не смотря на всѣ точные заключительные выводы, въ концѣ концовъ, не можетъ оказаться совершенно ненадежнымъ? Въ отношеніи къ мопсу это было бы, разумѣется, не особенно важно; но такъ ли обстояло бы дѣло въ вопросѣ о началѣ и концѣ міра, въ вопросѣ о богѣ?—Греческіе боги были для Аристотеля вопросомъ рѣшеннымъ.

Но затѣмъ исторія логики и общей философіи была прервана христіанствомъ и исчезновеніемъ античнаго міра, пока реформація не начала собою новую эпоху. Великіе вопросы о сущности вещей, о началѣ и концѣ, основаніи и слѣдствіи были католической церковью рѣшены, и довольно основательно, по своему, по послѣ того, какъ эта церковь, да и само христіанство, стало клониться къ упадку, снова въ головы философовъ запало невѣріе, и снова былъ поставленъ старый вопросъ: откуда добываемъ мы прочное и истинное познаніе? Прочность и истинность для этого времени были еще идентичны.

Бэконъ и Декартъ являются тѣми людьми, которые первые начинаютъ изслѣдованіе. Оба отвернулись отъ Аристотеля и его формальной логики, особенно же отъ того хитросплетенія, въ какое схоластика превратила логику. Для новой эпохи недостаточно основывать позитивное познаніе на добытыхъ положеніяхъ и выведенныхъ отсюда заключеніяхъ. Именно потому, что она радикальна, она и является эпохой. Новые философы имѣли общее со старыми въ цѣли неоспоримаго познанія. Бэконъ еще исходитъ изъ суще-

ствующаго. О немъ историкъ говоритъ: „Пусть не повторяютъ, что Бэконъ исходилъ изъ опыта, чѣмъ ровно ничего не сказано или сказано не болѣе, чѣмъ то, что Колумбъ былъ мореплавателемъ, межъ тѣмъ, какъ главная суть заключается въ томъ, что онъ открылъ Америку... Онъ (Бэконъ) хотѣлъ для новой жизни найти новую, ей соотвѣтствующую логику. Изобрѣтающій человѣческій духъ создалъ новое время, компасъ, порохъ, искусство книгопечатанія. Онъ хотѣлъ обосновать новую логику, которая бы соотвѣтствовала духу изобрѣтенія“. Онъ, „этотъ, философъ изобрѣтенія“, былъ міровой человѣкъ, лордъ-канцлеръ Англiи. „Не просто онъ, но сама его наука была слишкомъ честолюбива, дѣятельна, слишкомъ открыта для міра, чтобы зарыться въ уединеніи“. Это слова для философовъ, но въ то же время и препятствіе для спеціальной задачи, для новой логики. Онъ позналъ значеніе этой задачи лишь въ общемъ; его современникъ и послѣдователь, Декартъ, напротивъ, понялъ дѣло радикальнѣе и спеціальнѣе.

Хотя въ новѣйшее время человѣческій духъ несомнѣнно прилагалъ именно, благодаря открытіямъ, свою позитивную, познавательную способность къ естественнымъ наукамъ, — онъ все же въ великихъ перво-посылкахъ, говорящихъ о сущности вещей и человѣкъ, „объ истинномъ добромъ и прекрасномъ“, какъ выражаются древніе, былъ опутанъ религіозными неправдоподобностями. Чтобы положить конецъ своимъ сомнѣніямъ, Декартъ самое радикальное сомнѣніе возвысилъ въ принципъ и въ начало всякаго познанія. При этомъ онъ однако, не могъ сомнѣваться, что онъ по меньшей мѣрѣ ищетъ истину. Тотъ, кто не вѣритъ въ какое бы то ни было познаніе, въ какую бы то ни было науку и открытія — тотъ все же не можетъ отрицать самой потребности въ познаніи.

Послѣдняя — безспорна. *Cogito ergo sum*. Это предпосылка, въ которой нельзя сомнѣваться. Дальнѣйшее, думаетъ Декартъ, мы можемъ (по аристотелевски) отсюда заключить.

Съ этой идеей философъ новаго времени снова впалъ въ старое заблужденіе, именно, что помощью логическихъ формальностей можно добыть вѣчто позитивное и истинное. Ощущеніе вѣчно тревожащей его голову идеи, я бы могъ сказать, его плоть и кровь, убѣдили его съ требуемой очевидностью въ истинности его бытія.

Этотъ фактъ очень долго понимали превратно. Утверждаютъ, что Декартъ могъ убѣждаться очевидно лишь о бытіи своего духа.

своего мышления. Нѣтъ, мое чувство, мое зрѣніе, мой слухъ etc, мнѣ также очевидны, какъ мое мышление. А вмѣстѣ съ зрѣніемъ и слухомъ очевидно и то, что видится и слышится. Раздѣленіе между субъектомъ и объектомъ можетъ и должно быть лишь одной формальностью.

Декартовское положеніе такъ запутали, что стали считать, будто онъ говорилъ, что человѣку очевидно лишь его собственное субъективное представленіе—и это мнѣніе въ идеологии такъ далеко ушло, что стали весь міръ называть представленіемъ, другими словами, фантазмагоріей. Старый Деркачъ, разумѣется, нуждался въ Богѣ, чтобы быть увѣреннымъ, что его представленія не обманываютъ его.

Чтобы показать, что мы теперь не пуждаемся болѣе въ такомъ экстравагантномъ средствѣ, мы посвятимъ этому вопросу дальнѣйшую главу.

XIV.

Продолженіе темы о различіи между спорными и очевидными познаніями.

Мы раздѣляемъ исторію культуры на два періода. Въ первомъ менѣе культурномъ преобладаютъ сомнительныя познанія; во второмъ—очевидныя. Наше спеціальное изслѣдованіе истиннаго пути очевиднаго познанія началось въ то время, когда господствовали сомнительныя знанія, называемыя также заблужденіями. Въ этомъ періодѣ боги управляли на небѣ и фантазія—на землѣ.

Освободиться отъ сомнительныхъ познаній, значитъ—первоначально освободиться отъ боговъ и неба. Этотъ идеальнѣйшій міръ былъ причиной метафизики. Метафизика, которая ввела въ свой кругъ вывѣдываніе сверхъестественнаго, дѣлала это ради освѣщенія человѣческаго духа; такимъ образомъ, съ самаго начала ея проблема была двойственна: она желаетъ освѣтить мыслительный процессъ, который время отъ времени становится, благодаря сверхъестественному направленію идей, высокопарнымъ, поэтому она вначалѣ заносится въ заоблачныя страны.

Но какъ только человѣческое пониманіе стало отрезвляться, стала болѣе трезвымъ и смыслъ слова: „метафизика“. Наши совре-

менные метафизики уже не говорят болѣе о такихъ чрезмѣрныхъ вещахъ, о какихъ говорили древніе; теперь метафизикой называется занятіе такими абстрактными вещами, какими являются нѣчто и ничто, или бытіе и становленіе, сила и матерія, истина и заблужденіе и т. п.

Особенно же метафизическимъ является изслѣдованіе, которому мы здѣсь предаемся, изслѣдованіе о сомнительномъ, ошибочномъ и очевидномъ или истинномъ познаніи.

Метафизическое имя, такимъ образомъ, имѣетъ двойственный смыслъ, „высокопарный“ и трезвый. Наша трезвая задача, изложить выводы философіи, которые именно внесли трезвость въ вещи познанія—наша задача имѣетъ дѣло съ высокопарной метафизикой, которая съ теченіемъ времени отрезвляется и обращается въ свою противоположность, въ чистую, наличную, голую физику.

Божественное—стало человѣчнымъ, высокопарное трезвымъ,—и такимъ же образомъ и познаніе становится въ дальнѣйшемъ историческомъ развитіи все несомнѣннѣй и очевиднѣй.

Чтобы уразумѣть проблему познанія, намъ необходимо отказаться обращать свои взоры на единичныя мнѣнія, идеи, знанія и познанія; намъ необходимо теперь разсматривать познавательный процессъ въ общемъ и цѣломъ. Здѣсь мы знакомимся съ развитіемъ отъ сомнѣнія къ очевидности, отъ ошибочныхъ познаній къ истиннымъ. Но здѣсь же мы также узнаемъ, какъ глупо было поддерживать высокопарное представленіе о противоположности между истиной и заблужденіемъ.

Кто ищетъ познаніе, истинное и очевидное, находитъ его не въ Иерусалимѣ, не въ Иерихонѣ, но также и не въ духѣ; ни въ какой 'единичности, но въ универсумѣ.

Здѣсь познанное развивается изъ непознаннаго такъ постепенно, такими ступенями, что почти невозможно найти начало; оно становится и растетъ, является наполовину ошибочнымъ и наполовину точнымъ и дѣлается все очевиднѣй и очевиднѣй; но какъ мало можетъ существовать когда-либо абсолютно ошибочное познаніе, такъ же мало можетъ когда-либо существовать абсолютно истинное; абсолютно, прочно, непреходяще и неизмѣнно лишь міровое цѣлое, а не кака-либо частность.

Чтобы точно квалифицировать познаніе, необходимо отдѣлать его отъ незнанія, но не слишкомъ далеко, не слишкомъ чрезмѣрно,

иначе дѣло станетъ высокопарнымъ. Правда, ограниченная формальная логика учитъ, что нельзя одновременно утверждать и отрицать какую-либо вещь; утверждение и отрицание противорѣчиво противоположны. Но такая логика вѣдь и слишкомъ ограничена; погода не есть непогода; непогода есть отрицание погоды и все-таки она — погода *). Ошибочное познание есть отрицание истиннаго познания, заблужденіе не есть истина и все-таки является истинной частицей. Нѣтъ абсолютныхъ заблужденій, какъ и нѣтъ познаній, которыя бы стали самой истиной. Всѣ познанія суть и остаются символами или отраженіями истины.

Мы не хотимъ смѣшать истину и заблужденіе и сдѣлать изъ нихъ одну вапу, но хотимъ сдѣлать оба известными (познаваемыми). Смѣшеніе совершаетъ тотъ, кто противопоставляетъ ихъ, какъ противорѣчивыя противоположности. Исследуемъ прежде всего ту маленькую ошибку, которая дѣлается при этомъ. Этимъ противопоставленіемъ заблужденія и истины дѣлають какъ разъ то, чего не хотятъ и чего не знаютъ. Хотятъ сличить ошибочное познание съ точнымъ. Ошибку приравнивають къ ошибочному знанію—противъ этого ничего нельзя возразить; напротивъ же, совершенно различны точное знаніе и истина, если въ данномъ случаѣ желательна притти къ ясному и точному результату. Если ставить точно вопросъ: какъ различаются ошибочныя и точныя знанія или познанія—то уже этимъ самымъ становятся неизмѣримо ближе къ желаемой ясности и точности. Здѣсь оказывается, что заблужденіе и познание исключаютъ другъ друга, но составляютъ два вида одного рода, двухъ индивидуумовъ одного семейства.

Дважды два суть не только четыре; что они суть четыре—это частичная истина; они также суть четырежды единица и 8 разъ $\frac{1}{2}$ и 1 плюс 3 и 16 разъ $\frac{1}{4}$ etc. Кто первый замѣтилъ, что солнце ежедневно движется вокругъ земли, тотъ тѣмъ самымъ положилъ начало заблужденію и въ то же время, однако, сдѣлалъ превосходное наблюденіе (познание). Истинная очевидность ежедневнаго солнечнаго движенія есть субстанціальная часть познания, которая освѣщаетъ отношеніе движенія между солнцемъ и землей. Нѣтъ

*) Въ нѣмецкомъ оригиналѣ эта фраза гласитъ: „Kraut ist kein Unkraut; das Unkraut ist die Verneinung das kraut, und doch ein kraut“ (трава не есть сорная трава; сорная трава есть отрицаніе травы и все же--трава). Какъ видитъ читатель, при дословномъ переводѣ нѣтъ возможности сохранить игру словъ съ сохраненіемъ корня и философскаго смысла.

истины простой, ибо она всегда въ то же время состоитъ изъ безконечныхъ частичныхъ истинъ. Видимость не слѣдуетъ противорѣчиво противопоставлять истинѣ, въ высокопарномъ смыслѣ этого слова, но она, какъ и всякія заблужденія, принадлежитъ къ точному познанію. Поскольку всѣ познанія ограничены, постольку они—заблужденія, постольку они и—частичныя истины. Къ точному познанію относится скрывающееся за нимъ сознаніе, что оно (это познаніе) есть ограниченная часть неограниченнаго универсума.

Космическое отношеніе цѣлаго и его частей, общаго и частнаго, должно быть принято во вниманіе для того, чтобы уяснить себѣ свойство человѣческаго познанія.

Познаніе или знаніе, мышленіе, постиженіе, пониманіе не должно быть, въ цѣляхъ собственнаго своего изслѣдованія, изолировано отъ другихъ явленій. До извѣстной степени, правда, каждая вещь, подлежащая изслѣдованію, какъ объектъ, изолирована. Я говорю: „до извѣстной степени“—это значитъ, что раздѣленіе между объектомъ изслѣдованія и другими природными или міровыми объектами должно быть сознательно умѣреннымъ, но не чрезмѣрнымъ. Раздѣленіе между интеллектомъ и другими объектами или субъектами, ради изслѣдованія перваго, должно сопровождаться сознаніемъ, что такое раздѣленіе не есть раздѣленіе чрезмѣрное, но лишь формальное. Если я доску, ради познанія ея свойствъ, отдѣляю отъ другихъ досокъ и вещей и затѣмъ нахожу, что она черна,—то необходимо все же помнить, что эта самая доска черна лишь въ общей міровой и природной связи, что чернота, которою она обладаетъ, зависитъ не отъ нея (доски), но находится въ связи со свѣтомъ, глазомъ и съ общей связью. Въ такомъ видѣ каждое специальное познаніе является пропорціональной частицей въ ряду ступеней общаго познанія, и послѣднее, въ свою очередь, является пропорціональной частицей въ универсальной жизни.

Что эта очевидная универсальная жизнь не есть видимость, схема, пустое представленіе, а является истиной—это каждому культурному человѣку подсказывается сознаніемъ, разумомъ, здоровымъ человѣческимъ разсудкомъ. Разумѣется, эти послѣднія очень часто его обманывали. Но что на этотъ разъ они говорятъ ему истину—это утвержденіе не нуждается въ логикѣ, или въ силлогистическомъ доказательствѣ.

И все же слѣдуетъ пріветствовать стремленіе вывести это до-

казательство, ибо въ этомъ обнаруживается особенное свойство нашего интеллекта, того объекта, изслѣдованіе характера котораго философія дѣлаетъ своимъ специальнымъ объектомъ.

Доказательство, что универсумъ является универсальной истиной, философія прежде всего вывела косвенно, когда она напрасно стремилась къ превысшенной метафизической истинѣ.

Философъ Кантъ рѣшительнѣйшимъ образомъ ограничилъ употребленіе познанія областью опыта. Разъ мы познаемъ эту область, какъ универсальную, то этимъ самымъ уже пріобрѣтается сознаніе, что мнимыя кантовскія ограниченія вовсе не являются ограниченіемъ. Человѣчскій духъ есть универсальный инструментъ, спеціальныя продукты котораго все, безъ исключенія относятся къ общей истинѣ. Если и здѣсь также различаютъ между сомнительнымъ и позитивными, то все же аквизитъ философіи насъ учитъ, что такое различіе не должно быть чрезмѣрнымъ, но за этимъ различіемъ, должно стоять сознаніе, что всякая очевидность состоитъ изъ видимостей, изъ явленій, изъ частичныхъ истинъ.

Мыслящее познаніе — такъ гласитъ результатъ нашей философіи — не очевиднѣе, чѣмъ что-либо другое и создаетъ свою очевидность не изъ самой себя, но изъ бытія, изъ общаго. Это общее бытіе, откуда мышленіе создаетъ свои познанія, познаніе — свое освѣщеніе — существуетъ не въ пустой всеобщности, но въ безконечно-разноцвѣтныхъ частностяхъ — и генерализація, родство вещей, ихъ число и распространеніе, вмѣстѣ взятые не безконечнѣе нежели индивидуализація или обособленіе. Какъ каждое дерево въ лѣсу, такъ и каждая песчинка изъ песочной кучи является индивидуальной, особой, различной песчинкой и также каждая часть этой песчинки особенна и обособленна и представляетъ собою индивидуальную часть. И такъ же безконечно далеко идетъ индивидуализація природы, что, какъ человѣчскій индивидуумъ каждый день, каждый часъ, каждое мгновеніе является измѣняемымъ, такъ же точно происходитъ съ несчастнымъ индивидуумомъ, если даже его измѣненіе познается помощью накопленнаго измѣненія, лишь спустя тысячелѣтія. Расчленивъ эту противорѣчиво организованную, безконечно общую, какъ и безконечно обособленную и раздѣленную природу группообразно по времени и пространству, по классамъ, отдѣламъ, фамиліямъ, родамъ, порядкамъ и сопорядкамъ — это и значить: понимать и познавать.

Въ универсумѣ каждая группа является индивидуумомъ, каждый индивидуумъ — группой. Однообразіе природы не болѣе, чѣмъ ея разнообразіе; оба — безконечны. Мы группируемъ по времени и пространству. Каждый моментъ составляется изъ многихъ меньшихъ моментовъ. Малѣйшая частица времени такъ же мало можетъ быть названа именемъ, какъ и его величайшая сумма, ибо именно въ безконечномъ, въ универсумѣ нѣтъ ничего наималѣйшаго, какъ и наивеличайшаго, ни временно, ни пространственно. Атомы суть группы, какъ малѣйшія частицы, они существуютъ лишь въ идеяхъ и выполняютъ въ химіи вѣрную службу. Сознаніе, что это — не пластическія вещи, но мыслительныя — отнюдь не умаляетъ эту службу, а, наоборотъ, только улучшаетъ.

Расчлененіе, группированіе есть сущность человѣческой интеллигенціи (интеллекта). Мы дѣлили міръ на четыре страны свѣта, мы также дѣлили его на два царства: царство духа и царство природы, послѣднее въ свою очередь дѣлимъ на два царства: органическое и неорганическое, или также на три царства: минеральное, растительное и животное. Короче, помощью расчлененія наука стремится освѣтить, понять универсумъ. Но здѣсь вѣдь является вопросъ: какое именно расчлененіе является настоящимъ и справедливымъ, истиннымъ и точнымъ; куда отнести разнорѣчіе нашего знанія, кривотолки, и когда, наконецъ, познаніе начинаетъ становиться стабильнымъ (прочнымъ).

Пусть читатель твердо помнитъ, что вещи, объекты познанія не являются прочными (твердыми), но измѣнчивыми объектами, какъ подвиженъ и прогрессирующе-измѣняемъ весь универсумъ, какъ именно со столѣтій къ столѣтію, отъ года къ году становится богаче нашъ человѣческій духъ — и поэтому наука также должна не застывать и двигаться дальше. Прочное и подвижное также и въ области науки не такъ уже чрезмѣрно далеко отстоятъ другъ отъ друга, чтобы очевидность не могла оставаться очевидной и въ то же время, однако, быть немного шаткой.

Человѣкъ и его познаніе является прогрессивнымъ существомъ и въ силу этого онъ долженъ, сообразно съ опытомъ, прогрессировать и въ своихъ расчлененіяхъ, понятіяхъ и наукахъ.

Прочныя, наипрочнѣйшія, такъ называемыя аподиктическія познанія, при ближайшемъ разсмотрѣніи, являются тавтологіями. Послѣ того, какъ въ обыденной рѣчи, привыкли называть тѣлами

лишь тяжелое и осязаемое, стало аксіомой утверженіе, что всѣ тѣла тяжелы и осязаемы. Если три понятія: парь, вода, ледь общеупотребительнымъ или научнымъ образомъ ограничены тремя агрегатными состояніями одной и той же матеріи—то наша аподиктическая увѣренность, что вода и всюду и всегда останется жидкой—не представляетъ собою чуда. Это вѣдь только означаетъ, что твердымъ называется то, что мы называемъ твердымъ и жидкимъ — то, что мы называемъ жидкимъ, однако, отнюдь не измѣняется что либо въ томъ фактѣ, что наше понятіе—образовательная или познавательная способность добываетъ лишь отраженіе, лишь подобіе естественныхъ явленій, гдѣ подвижное и неподвижное ни противорѣчатъ другъ другу, ни противопологаются другъ другу, гдѣ, скорѣе, позитивнос, какъ и отрицательное, незамѣтно переходятъ другъ въ друга.

Философы вывели вѣрно понятіе о познаніе тѣмъ, что они постепенно совершенно точно развили понятіе объ истинѣ. Это „совершенно точно“, однако, необходимо понимать лишь въ умѣренномъ, относительномъ, не въ превыспреннемъ смыслѣ. Истина, какъ безконечное, какъ общая сумма всѣхъ вещей и качествъ — „въ самой себѣ“ является совершенно точной, но не можетъ быть воспроизведена въ точности, хотя бы даже при посредствѣ духа, разума или познанія. Средство меньше цѣли и подчинено цѣли. Такъ и наша познавательная способность является лишь подчиненнымъ слугой истины, универсума. Послѣдній абсолютно очевиденъ, истиненъ, несомнѣненъ и позитивенъ. Что этотъ міръ явленій связанъ съ заблужденіемъ, съ неистинностью—этотъ фактъ ничуть не затрагиваетъ его возвышенности. Напротивъ! Безъ грѣха нѣтъ добродѣтели и безъ заблужденія нѣтъ познанія и истины. Отрицательное, слабости, грѣхи и заблужденія преодолѣваются—и только въ этомъ истина впервые проявляется въ ея полномъ блескѣ. Универсумъ, общая истина, есть прогрессирующая сущность. Эта послѣдняя абсолютна, но не для опредѣленнаго времени или опредѣленнаго мѣста, не въ опредѣленную часть или не въ специальномъ мѣстѣ, но лишь въ общемъ (объединенномъ) единствѣ всѣхъ тысячелѣтій и пространствъ.

Это значить, что все это слишкомъ велико для нашего интеллекта, этого онъ не въ состояніи представить. Этого онъ, конечно, не въ состояніи втиснуть въ свои категоріи, родовыя по-

питія, развѣ только, если онъ ставитъ категорію неограниченной, неопредѣленной, безконечной истины на первомъ мѣстѣ. Если эта послѣдняя не совершенно „ясна и точна“, то мы отсюда можемъ, вывести заключеніе, что ясная и точная разсудочная категорія чело-вѣческаго духа имѣетъ своимъ назначеніемъ познавать себя, какъ подчиненнаго фактора природы.

Такое познаніе познанія, такое высшее сознаніе, которое становится позади всего ежедневнаго, развиваетъ гордую смиренность, смиренную гордость, которая достаточно возвышается надъ поповской смиренностью. надъ превыспренней противоположностью между богами и міромъ, между твореніями и творцомъ. Здѣсь созданный духъ не является болѣе ограниченнымъ рабомъ, для котораго недоступно изслѣдованіе предписаній несотвореннаго божественнаго чуда — духа. Философски углубленный и самопознающій себя чело-вѣческій духъ есть часть, отпрыскъ абсолютной природы. Этотъ духъ является не только ограниченнымъ чело-вѣческимъ духомъ, но и духомъ безграничнаго, вѣчнаго, всемогущаго универсума, который далъ ему способность познавать все доступное познанію. Но когда этотъ духъ стремится къ возможности познанія всего, то этимъ самымъ онъ стремится знаніемъ замѣнить все—и этимъ становится превыспреннымъ, неумѣреннымъ; онъ неправильно оцѣниваетъ отношеніе между наукой и безконечностью, ибо послѣдняя является болѣе чѣмъ наукой, и представляетъ только объектъ послѣдней.

Въ заключеніе.

Философъ Гербартъ учитъ: „Если смыслъ слова долженъ соот-вѣтствовать его употребленію, которое тотъ или иной дѣлаетъ изъ этого слова, то метафизика въ такомъ случаѣ была бы самымъ непонятнымъ словомъ, такъ какъ оно подвержено самому разнообразному толкованію. Кто желаетъ знать, какое значеніе это имя имѣло для насъ въ прошлыя времена, тотъ долженъ обратить вниманіе на всѣхъ старѣйшихъ метафизиковъ, отъ Аристотеля до Вольфа и его школы: тогда открывается, что понятіе сущаго, котораго качество, причина и его слѣдствіе, пространство и время всюду были сдѣланы предметомъ этой науки... что они пытались обработать это понятіе логически и въ силу этого запутались во всякаго рода спорахъ. Эти споры опредѣляютъ понятіе метафизики“.

Такое выраженіе достаточно точно, чтобы помощью маленькой критики, которую мы къ этому прибавляемъ, охарактеризовать аквизить философіи.

Метафизика всегда была главнѣйшей частью философіи. Въ первомъ положеніи своего „руководства къ введенію въ философію“ цитированный нами Гербартъ опредѣляетъ эту послѣднюю науку, какъ „философію или обработку понятія“. Соотвѣтственно этому опредѣленію, метафизика имѣла бы цѣлью обработку названнаго спеціальнаго понятія о сущемъ и т. д.

Здѣсь необходимо замѣтить, какъ понятіе сущаго является менѣе спеціальнымъ понятіемъ, а скорѣе общимъ понятіемъ, которое охватываетъ всѣ понятія и всѣ вещи. Къ сущему принадлежатъ все, и стремиться понять это — не подь силу метафизикѣ. Поэтому она попадаетъ во всякія путанности. Затѣмъ намъ вѣдь такъ же было объяснено нашимъ толкователемъ, что понятіе метафизики опредѣляется не столько помощью выполненной ею работы, сколько помощью „споровъ“. Она не работала, но лишь дѣлала логическую попытку обработать понятіе сущаго, впадая при этомъ въ путанности и не отличаясь при этомъ, какъ наука. Послѣднюю (науку)—такъ говоритъ Кантъ въ предисловіи къ своей критикѣ чистаго разума — мы познаемъ въ согласованности, а не въ путанностяхъ.

Метафизическіе споры были преодолены философской наукой тѣмъ, что эта послѣдняя, работая надъ понятіемъ или сущностью понятія, пришла къ ясной, чистой, точной теоріи познанія, изложеніемъ которой я здѣсь занимался.

Пониманіе, способность понимать, была унаслѣдована человѣчествомъ отъ сусвѣрныхъ предковъ, какъ вещь другого міра. Мечта о „другомъ мірѣ“ есть, однако, метафизическая мечта, запутавшая понятіе сущаго.

Выводы философіи удостовѣряють и показываютъ, что соществуеть лишь одинъ міръ, что этотъ міръ есть совокупность всякаго бытія, что это бытіе имѣеть безконечно многіе виды, но всѣ виды все же обладаютъ одной общей естественной природой. Такимъ-то образомъ философія понятіе сущаго сдѣлала тѣснымъ (согласованнымъ) понятіемъ и вмѣстѣ съ метафизической путанностью преодолѣла и самую метафизику.

Бытіе, общее, имѣеть лишь одно качество: физическое общаго бытія. Но въ то же время это качество есть совокупность всѣхъ

частныхъ качествъ. Какъ понятіе погоды охватываетъ всѣ виды *) погоды, какъ и непогоду, такъ и понятіе сущаго охватываетъ не только все, что есть, но и то, что не есть, что было когда-то и будетъ въ будущемъ.

Освободить „понятіе сущаго“ отъ метафизической путанности— является тяжелымъ дѣломъ для тѣхъ, кто приписываетъ высшему закону логики экстравагантное значеніе. Этотъ законъ гласитъ: „одинъ субъектъ можетъ обладать лишь однимъ изъ двухъ совершенно различныхъ предикатовъ, ибо онъ не можетъ быть одновременно А и не—А“.

Около этого закона собственно и вполне справедливо вертѣлась вся до сихъ поръ существовавшая наука о понятіяхъ. Въ немъ есть нѣчто основательное, но еще болѣе онъ порождаетъ недоразумѣній. Только послѣ того, какъ мы сознаемъ, что дала намъ въ результатѣ наука о понятіяхъ, только послѣ того, какъ за ся спиною становится завоеваніе философіи — этотъ такъ прочно утверждаемый и все же такъ много оспариваемый законъ приобретаетъ, помощью необходимаго ограниченія, свою преобладающую доказательность.

Прежде всего „субъектъ“ не является прочнымъ, но сплошь измѣнчивымъ понятіемъ. Въ послѣднемъ счетѣ — какъ все предшествующее освѣтило въ достаточной мѣрѣ — существуетъ лишь единый, универсальный субъектъ, „радикально различный“ всюду и нигдѣ.

Высшее (главное) основоположеніе старой, испытанной, аристотелевской логики говоритъ намъ, что человекъ, субъектъ, который хромаетъ, не можетъ ловко прыгать. Однако, я имѣю друга, который былъ совершенно хромымъ, а теперь ловко бѣгаетъ — это не противорѣчитъ первому; но если бы я рассказалъ о моемъ другѣ кому нибудь третьему и въ теченіе разсказа заставилъ бы этого хромого субъекта, безъ дальнѣйшаго, прыгать черезъ стулья и скамейки — то это было бы совершенно „немыслимо“, и я бы себя противорѣчилъ. Такое противорѣчіе есть погрѣшность противъ всякой логики; но не потому, что хромымъ и ловкѣй суть радикально различные предикаты, которые нельзя приписывать одному субъекту; также и не потому, что не можетъ быть противорѣчиваго, немыслимаго. Сущее очень противорѣчиво; но не безъ дальнѣй-

*) Въмѣсто словъ погоды и непогоды, въ нѣмецкомъ оригиналѣ стоятъ слова: Kraut и Unkraut.

шаго, не непосредственно. Логическій разговоръ и разсказъ не долженъ выпускать изъ вида примиреніе (опосредствованіе). Помощью примиренія разрѣшаются всѣ противорѣчія. Въ этомъ пониманіи и состоитъ завоеваніе философіи.

Въ путаной метафизикѣ бытіе и небытіе суть противоположности, противорѣчащія, другъ друга исключаютія противоположности или радикальныя (основныя) различія. Эта метафизика не отдаетъ себѣ отчета: является ли это бытіе истиннымъ, а не только видимымъ, не существуетъ ли это „радикальное отличное“ бытіе гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, какъ на Олимпѣ или въ заоблачныхъ сферахъ. Философія, однако, разъ навсегда уяснила себѣ, что съ такой же рѣшительностью можно подтверждать каждое кажущееся бытіе; каждое же отрицаніе, яко бы присущее такому кажущемуся, непостоянному бытію, категорически преодолевается позитивнымъ утвержденіемъ настолько, что каждое отрицаніе вслѣдъ за нимъ исчезаетъ въ своей безпомощной слабости. Бытіе и его утвержденіе абсолютны; отрицаніе же и небытіе—относительны. Бытіе господствуетъ всюду, во всѣ времена и настолько, что не можетъ быть небытія. Если мы также говоримъ о чемъ-либо, что то или это не существуетъ, то все же у насъ должно оставаться сознаніе, какъ все то, что мы называемъ „ничѣмъ“, всегда является еще и очень значительнымъ нѣчто, чѣмъ-то очень позитивнымъ. Не можетъ быть рѣчи ни о какомъ незнаніи, которое бы, не смотря на все, не знало бы еще многого; нѣтъ непогоды, которая бы не принадлежала къ погодѣ, нѣтъ зла, которое бы не творило и добра. Что было, что будетъ и что есть — есть все. Небытія не существуетъ. Гдѣ объ немъ говорится — тамъ это является по меньшей мѣрѣ словомъ, хотя и словомъ, ничего не говорящимъ. Такъ позитивно организованы нашъ міръ и наша рѣчь, что даже ничего не говорящее слово что-нибудь да значить. Ничто не выразимо.

Метафизическая вѣра въ другой „истинный“ міръ, который господствуетъ надъ этимъ феноменальнымъ міромъ или тайнственно стоитъ за нимъ, такъ испортила логику, что теперь трудно вырвать путаное метафизическое „понятіе сущаго“ изъ человѣческой головы. Вѣра въ радикально-различное не желаетъ совсѣмъ исчезнуть. Именно поэтому трудно показать, что мысленныя вещи и дѣйствительныя вещи обладаютъ одной и той же природой, что оба рода вещей относятся къ природѣ дѣйствительности.

Мысленныя вещи суть образы, дѣйствительныя образы, образы дѣйствительности. Также и всѣ члены воображаемаго дракона суть формы, принадлежащія къ природѣ. Такія химеры отличаются отъ познанныхъ истинъ лишь своей фантастической нагроможденностью. Связывать природу и человѣческую жизнь соотвѣтственно данному порядку — въ этомъ состоитъ вся задача познанія. Знаніе, мышленіе, пониманіе, объясненіе можетъ и должно лишь не болѣе, какъ описывать, иначе говоря, отражать явленія опыта помощью расчлененія или классификаціи. Знаменитый естествоиспытатель Геккель презрительно называетъ такую работу „музейной зоологіей“ и „кабинетной ботаникой“; но этимъ только доказывается, что онъ не постигъ тайны интеллекта, но метафизически ему удивлялся, какъ это дѣлали наши предки.

То, что Дарвинъ констатировалъ относительно „происхожденія видовъ“, переходовъ и развитія органическаго міра, есть, конечно, очень цѣнное расширеніе музейной зоологіи. Кто отъ всего характера интеллектуальной способности могъ ожидать чего-либо иного, тотъ не познакомился съ выводами філософіи, тотъ еще не въ состояніи отрезвиться отъ тщетнаго удивленія и связаннаго съ этимъ преклоненія, вызваннаго первоначальнымъ невѣжествомъ по отношенію къ чуду человѣческой интеллигенціи.

Познаніе относительно самого себя до сихъ поръ находилось въ заблужденіи и поэтому не умѣло отражать точныя описанія о родственно связанномъ съ нимъ, о явленіяхъ природы и жизни. Все же, въ процессѣ развитія культуры, оно приобрѣло навыкъ и доставляло все лучшее и лучшее описаніе. Ея заблужденія никогда не были безцѣнны и ея точности никогда не будутъ достаточны—это зависитъ не отъ недостаточнаго свойства нашей интеллигенціи, но отъ неисчерпаемости бытія, отъ неопишуемаго богатства природы.

Самосознательное, філософски-дисциплинированное познаніе и интеллигенція должна теперь знать, что точность всякаго познанія ограничена, что постольку всѣ его результаты и въ будущемъ будутъ связаны съ ошибками, т. е. застрять въ деталяхъ. Однако, такая наука, которая опирается на такое теоретико-познавательное сознаніе, примиряется съ своей ограниченностью и превращаетъ послѣднюю въ храмъ славы. Самопознающая себя ограниченность сознаетъ свое участіе въ абсолютномъ міровомъ совершенствѣ.

Самосознательный интеллектъ, который обогащенъ філософ-

скимъ завоеваніемъ, знаетъ, что онъ, въ смыслѣ чувственной физики, можетъ постичь весь міръ, т. е., другими словами, описать его. „Здѣсь нѣтъ ничего, что бы ему противостояло!“ Однако, въ смыслѣ чрезмѣрной метафизики, наше познаніе совершенно не заслуживаетъ такого названія. Но при этомъ также и такая метафизика въ глазахъ трезваго разсудка является чистой фантастикой.

Исходя изъ фантастическихъ идеаловъ, изъ противорѣчій, именно, между бытіемъ и явленіемъ, метафизика, въ процессѣ развитія культуры, медленно отбрасывала ихъ и превращалась въ философію, которая тоже, съ своей стороны, какъ и всякая другая наука, поднималась постепенно все выше и выше.

Философія первоначально была полна туманнаго стремленія къ міровой мудрости, а въ результатѣ превратилась въ ясное спеціальное изслѣдованіе теоріи познанія.

Эта теорія составляетъ часть и именно самую существеннѣйшую часть психологіи или ученія о душѣ. Новѣйшіе психологи, если и не познали, то уже почувствовали, что человѣческая душа есть не метафизическая вещь, но феноменъ.

Подобно тому, какъ профессоръ Геккель жаловался по отношенію къ музейной зоологіи и кабинетной ботаникѣ, такъ эти психологи жалуются въ отношеніи мертвой регистратуры, господствующей въ этой спеціальности. Здѣсь человѣческая душа состоитъ изъ безчисленнаго числа единичныхъ „способностей“: познавательной, чувствующей, воспринимающей, душевной способности и т. д., безъ конца; кто внесъ живую струю въ этотъ хаосъ? Куда дѣвается общая связь?

Здѣсь же, въ человѣческой душѣ, находится понятіе и чувство прекраснаго. Прекрасное, въ свою очередь, распадется на художественно-прекрасное и нравственно-прекрасное и каждое, въ свою очередь—на многіе другіе родственные виды. При чувствѣ прекраснаго находится также чувство красиваго, прелестнаго, граціознаго, достойнаго, благороднаго, торжественнаго, великолѣпнаго, патетическаго, трогательнаго. Также говоритъ психологія и о смѣшномъ, забавномъ, остроумномъ, о сатирическомъ, ироническомъ, юмористическомъ, о тысячахъ тонкостей и различій, надъ умственнымъ раздѣленіемъ которыхъ она трудится въ своей области, какъ справедливо трудятся въ своей области ботаника, минералогія, зоологія, каждая наука.

Для всѣхъ предметомъ является сущее. Чего же нужно еще метафизикѣ? Только имѣя въ виду другое бытіе, нежели это имѣютъ въ виду спеціальныя науки, т. е. чрезмѣрное, — она побудила Канта всѣ изысканія сосредоточить въ одномъ общемъ вопросѣ: какъ возможна метафизика, какъ наука?

Показать, что она возможна лишь, какъ фантастика — въ этомъ и заключается завоеваніе философіи.

Надѣлять сущее превыспреннимъ — это дѣло метафизики; упорядочить сущее по способу кабинетной ботаники — это дѣло спеціальныхъ наукъ. Классическій порядокъ заключается уже въ самомъ растительномъ царствѣ, безъ этого, никакой ботанической спеціалистъ не въ состояніи былъ бы классифицировать это царство.

Однако, объективный порядокъ растительнаго царства безконечно болѣе многообразенъ, нежели субъективное упорядоченіе, доступное ботаникѣ. Послѣдняя становится точной лишь постепенно, въ мѣру ея соотвѣтствія научному прогрессу своего времени. Кто стремится къ абсолютной ботаникѣ или психологіи или къ какой-либо другой абсолютной наукѣ, тотъ не понимаетъ общаго естественнаго характера абсолютнаго, какъ и относительнаго спеціальнаго характера человѣческой понятіе-образовательной способности.

Связанная съ своимъ историческимъ аквизитомъ, философія понимаетъ сущее, какъ безконечный матеріалъ жизни и науки, который дѣлится и расчленяется спеціальными отраслями (науки).

Она учитъ спеціалистовъ, при этомъ дѣленіи на отдѣльныя отрасли и понятія, исходить всегда изъ сознанія, что всѣ частности находятся въ живой связи другъ съ другомъ и въ жизни существуютъ не такъ раздѣльно, какъ въ наукѣ, а измѣняясь, переходятъ и превращаются другъ въ друга.

Такъ вѣнчается наша наука о понятіяхъ въ положеніи: рѣзко расчленивъ универсальное понятіе, понятіе универсума въ подчиненныя понятія, дѣли ихъ и еще разъ дѣли, до мельчайшаго; но за всѣмъ тѣмъ имѣй сознаніе, что эта классификація по понятіямъ есть лишь формальность, помощью которой человѣкъ ориентуруется въ своемъ опытѣ; далѣе, оставайся при сознаніи своей человѣческой свободы прогрессирующе освѣщать помощью измѣняющейся классификаціи свой опытъ, который съ дальнѣйшимъ развитіемъ все обогащается и обогащается...

Вещи суть понятія, суть имена, а вещи, понятія и имена подвержены постоянному совершенствованію.

Стабильное (неподвижное) движеніе и подвижная стабильность (неподвижность)—вот примирительное противорѣчіе, которое дѣлаетъ возможнымъ примиреніе всѣхъ противорѣчій.

ПИСЬМА О ЛОГИКѢ

СПЕЦИАЛЬНО ДЕМОКРАТИЧЕСКИ-ПРОЛЕТАРСКАЯ ЛОГИКА.

Первое письмо.

Милый Евгений! Ты теперь находишься въ томъ возрастѣ, въ которомъ учащіеся идутъ въ университетъ. Тамъ въ обыкновеніи— все равно: выбираютъ ли себѣ, какъ специальность, право, медицину, богословіе или философію—проходить прежде всего логическую школу (*collegium logicum*). Логика является элементарной наукой всѣхъ факультетовъ. Я предполагаю, милый мой, тебѣ извѣстно, что школу и жизнь обыкновенно раздѣляютъ между собою, какъ двѣ различныя вещи. Я бы хотѣлъ показать тебѣ ихъ связь; живутъ и въ школѣ, учатся и въ жизни. Твое трансатлантическое путешествіе я хотѣлъ бы разсматривать одинаково, какъ вступленіе въ высшую школу жизни и потому хотѣлъ бы быть твоимъ профессоромъ, читающимъ тебѣ лекціи о логикѣ.

Къ такой задачѣ я чувствую призваніе, и хоть и мало смыслю въ латыни и греческомъ, все же имѣю смѣлость думать, что сумѣю лучше ввести тебя въ глубины логической науки, нежели *in optima forma* ученый и патентованный государственный профессоръ. Ты поймешь эту возможность; ибо тотъ, кто имѣетъ хоть и очень немного въ своей головѣ, въ состояніи, въ концѣ концовъ, легче вполне уяснить себѣ хотя бы это немногое, нежели тотъ, кто набилъ свои мозги официальной ученостью по предписанной программѣ.

Ты, мой сынъ, имѣлъ счастье пройти семилѣтній курсъ нѣмецкой гимназіи, и такъ какъ въ концѣ твои учителя выдали тебѣ наилучшій аттестатъ, то я предполагаю, что ты вооруженъ всѣми

данными, чтобы проходить въ Соединенныхъ Штатахъ не только высшую школу жизни, но и воспринимать между дѣломъ мои рѣчи въ области высшей схоластики.

Чтобы ученый школьникъ, однако, не могъ возноситься надъ своимъ учителемъ—самоучкой, я долженъ сослаться на фактъ,— что человекъ какимъ-бы онъ ни былъ ученымъ,—въ отдѣльныхъ вопросахъ всегда остается дуракомъ; но что, съ другой стороны, невѣжество во многихъ вещахъ не исключаетъ возможности знать единичное гораздо лучше, чѣмъ это до сихъ поръ узно наукой. Я именно имѣю право считать, что въ дѣлѣ, о которомъ я хочу здѣсь говорить, я добылъ познаніа, выходящія изъ за предѣловъ того, что я могъ гдѣ либо найти въ специальной литературѣ и говорю это, милый Евгенийъ, со всей скромностью: не для того, чтобы возвеличить свою персону, но чтобы придать моей учительской обязанности извѣстный авторитетъ, а моему студенту—извѣстную вѣру.

Да, я признаю вѣру. Хотя ты и знаешь меня за демократа, который не придаетъ значенія авторитету, ты долженъ знать меня въ то же время, какъ и діалектика, который, если и вышлескиваетъ изъ вапны воду, не выкидываетъ вмѣстѣ съ водою и ребенка. Для дѣтей и народовъ въ ихъ дѣтскомъ состояніи авторитетъ неизбѣженъ, и также для доцентовъ, все равно: учить ли онъ дѣтей или пароды,—неизбѣженъ тотъ ореолъ, который доставляетъ ему извѣстная вѣра. Прежде всего, ученикъ долженъ вѣрить въ мудрость учителя, и этимъ самымъ онъ проявляетъ необходимую внимательность и готовность пониманія—и затѣмъ уже знаніе вещи-ся пониманіе дѣласть авторитетъ излишнимъ. Такимъ образомъ, такая возвышенная вещь, какъ авторитетъ, также подвержена растлѣвающей дѣйствию времени, историческаго процесса.

До сихъ поръ человѣчество слишкомъ часто позволяло вводить себя въ обманъ предразсудками, обоготворяя тлѣнное; оно стремилось удержать отъ вліянія времени не только авторитетъ въ общемъ, но, что еще хуже, опредѣленные авторитеты, тотъ или иной алтарь и тронъ. Отношеніе между преходящимъ и непреходящимъ всегда подвергалось самому скверному непониманію. Но такъ какъ логика есть наука, которая стремится вѣрно направить разсудокъ, то мы чаще будемъ возвращаться къ общему непониманію о временномъ и вѣчномъ.

Самымъ знаменитымъ представителямъ логики можно бросить

упрекъ въ тяжеловѣсномъ стилѣ и темномъ изложеніи. Даже сами филологи жаловались относительно непонятныхъ иностранныхъ словъ, хотя они въ этой дисциплинѣ очень опытные. Много изъ этихъ упрековъ можно отнести насчетъ замаскированного предмета, который въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій противился своему обнаженію; часть вины также приходится насчетъ худой привычки къ употребленію ученаго жаргона, но больше всего виновата въ этой жалобѣ на непонятность мыслительная лѣнь ученика. Безъ духовнаго напряженія нельзя изучить ничего новаго и поскольку ты самъ озабоченъ въ своемъ дальнѣйшемъ образованіи, ты не признаешь за истину христіанское слово проклятiя, посылаемаго труду. Работа не можетъ вытекать изъ грѣха, ибо она есть благословеніе и ты, вѣроятно, уже имѣешь опытъ въ томъ, какъ радостно чувство, сопровождающее производительную тѣлесную, какъ и духовную работу.

Что въ области науки достается безъ труда, то является не болѣе, чѣмъ плоскою тривиальностью.

Въ предположеніи, что ты охотно отдашь необходимую идейную работѣ, я общаю сдѣлать все возможное, чтобы облегчить тебѣ эту задачу и я дѣлаю это тѣмъ болѣе, что мои письма, къ сыну, откровенно говоря, писаны съ заднею мыслию сдѣлать ихъ, помощью прессы, доступными болѣе широкому кругу читателей.

Еще одно слово о добавочномъ заглавіи, которымъ я надѣлилъ свой трудъ. Ты подумаешь или скажешь: логика можетъ быть самымъ достойнымъ объектомъ науки, но специально демократически пролетарская логика можетъ быть разсматриваема лишь, какъ партійное дѣло. Однако, какъ спеціальныя завоеванія въ той или иной отрасли, какъ спеціальныя успѣхи у того или другого народа являются въ то же время и успѣхами вообще, культурными успѣхами—такъ и идеи пролетарской логики являются не только партійными идеями, но и заключеніями логики вообще. Ты, можетъ быть, возразишь, если спеціальныя идеи какого нибудь китайца и послѣдовательны и логичны—то вся логика поэтому не должна быть названа китайской. Отвѣтъ былъ бы очень корректнымъ, но онъ не пспалъ бы въ точку разсматриваемаго нами вопроса.

Идея, на которой основываются пролетарскія требованія, идея о равенствѣ всѣхъ тѣхъ, кто носить въ себѣ образъ человѣческій, эта, если бы я долженъ былъ сказать, послѣдняя пролетарская идея находить свое полное обоснованіе въ окончательномъ проникновеніи

въ до сихъ поръ чрезвычайно запутанную проблему логики. Такъ какъ эта идея господствуетъ надъ человѣческимъ міромъ, то она, во всякомъ случаѣ, имѣетъ большее право, нежели кака-либо китайская идея. Далѣе, промышленное развитіе привело всѣ отношенія къ такому однообразію, упрощенію и уясненію, что въ силу этого становится все легче освѣтить теперь трезвымъ взглядомъ и тайны логики. Въ результатѣ, логика уже потому заслуживаетъ и пролетарской клички, что ея пониманіе требуетъ преодоленія всѣхъ предразсудковъ, которые держатъ въ тискахъ весь буржуазный міръ.

Дѣло народа—не дѣло партіи, но—сбщій цѣлевой объектъ всякой науки.

Дѣло народа, какъ конечная цѣль, и логика, какъ элементарнѣйшая, абстрактнѣйшая конечная наука, на дѣлѣ настолько же внутреннимъ образомъ связаны, какъ растеніе съ ботаникой или какъ законы съ юриспруденціей. Такъ внутренне срослись демократическіе и пролетарскіе интересы. Если это еще менѣе познали въ Соединенныхъ Штатахъ, то это болѣе свидѣтельствуетъ о счастливомъ положеніи страны, нежели о научности ея демократіи. Безконечныя, первобытныя лѣса и преріи, которые даютъ приближище безмѣрному количеству бездомныхъ, затушевываютъ противоположность между трудомъ и капиталомъ, между капиталистической и пролетарской демократіей, явно или скрыто.

Тебѣ еще недостаетъ познанія въ пролетарской экономіи, чтобы съ несомнѣнной достовѣрностью видѣть, какъ именно на республиканской основѣ Америки капитализмъ дѣлаетъ гигантскіе успѣхи, которые въ процессѣ развитія все сильнѣе выдвигаютъ свою двойственную задачу: сперва поработить народъ, чтобы затѣмъ его освободить.

Второе письмо.

Послѣ того, какъ первое письмо сослужило скорѣе роль вступленія, я могу медленно приступить и къ самой темѣ.

Логика стремится ознакомить человѣческой духъ съ его собственной дѣятельностью и стремленіями, она стремится вѣрно направить нашу внутреннюю головную работу. Предметомъ изслѣдованія для логики является идея, природа идеи и правильное направленіе послѣдней.

Человѣческій черепъ отправляетъ функцію мышленія такъ же произвольно, какъ грудь — дыханіе. Помощью воли мы все же въ состояніи задержать на мгновеніе дыханіе, по желанію сдѣлать его то болѣе быстрымъ, то болѣе медленнымъ. Такъ же можетъ воля регулировать идеи; мы можемъ по своему желанію выбирать объектъ для нашего мышленія и все же мы сейчасъ же узнаемъ, что сила воли и свобода духа довольно ничтожны и не заходятъ дальше, чѣмъ свобода груди.

Если такимъ образомъ, логика стремится правильно направить нашъ интеллектъ, то она, однако, должна сказать себѣ, что послѣдній напередъ ужъ опредѣленъ самой природой.

Съ логикой дѣло обстоитъ такъ же, какъ и съ другими науками: онѣ черпаютъ мудрость изъ таинственнаго источника простого опыта. Агрикультура, напримѣръ, стремится научить крестьянина, какъ долженъ онъ обрабатывать поле; но вѣдь поля уже были обработаны ранѣе того, чѣмъ какая-либо земледѣльческая академія начала свои лекціи объ этомъ предметѣ. Такимъ образомъ люди умѣютъ думать раньше, чѣмъ они что нибудь слышали о логикѣ. Обыденнымъ употребленіемъ они, однако, увеличиваютъ прирожденный мыслительный талантъ, они дѣлаютъ успѣхи, научаются со временемъ все лучше и лучше употреблять его — и какъ земледѣлецъ приходитъ къ наукѣ агрикультуры, такъ мыслитель приходитъ къ логикѣ, къ ясному сознанію о мыслительномъ талантѣ и о искусномъ употребленіи послѣдняго.

Это объясненіе имѣетъ въ виду двоякую цѣль: во-первыхъ, ты не долженъ слишкомъ переоцѣнивать логику, полагаю, что она дескать, въ состояніи исправить свихнутыя головы; но, во-вторыхъ; и не умалять ея значенія и считать ее схоластическимъ ковыряніемъ въ словахъ и бесполезнымъ мудрствованіемъ. Такъ какъ мы въ обыденной, ежедневной, жизни, какъ и во всякой наукѣ, дѣйствуемъ не безъ, а какъ разъ всегда помощью идей, то проникновеніе въ природу образованія понятій получаетъ великую цѣнность.

Какъ и всѣ другія науки, логика, конечно, также имѣетъ свою исторію. Аристотель, котораго Марксъ называетъ „греческимъ великаномъ мышленія“, всюду признается ея основателемъ.

Но послѣ того, какъ классическая культура древности перешла въ варварство, выплываетъ вмѣстѣ съ началомъ новаго времени имя Бэкона Веруламскаго, какъ философское свѣтило первой

величины. Его знаменитѣйшее произведеніе носить имя „Novum Organum“. Подъ новымъ органомъ онъ понимаетъ новую методу изслѣдованія, которая должна основываться на опытѣ, въ противоположность до сихъ поръ существовавшему общеупотребительному мудрствованію. Послѣ этого, Декартъ или Картезіи, какъ онъ назывался въ литературѣ, написалъ свое знаменитое произведеніе: „О методѣ“. Затѣмъ я вспоминаю „Критику разума“. Эммануила Канта, „Ученіе о наукѣ“ Иоганна Готлиба Фихте и, наконецъ, Гегеля, о которомъ біографъ говоритъ, что онъ въ научномъ мірѣ достигъ такой же извѣстности, какъ Наполеонъ—въ мірѣ политическомъ.

Гегель снова назвалъ свое главное произведеніе „Логикой“ и излагаетъ всю свою систему въ видѣ „Діалектическаго метода“. Стоитъ тебѣ только обратить вниманіе на заглавіе этихъ философскихъ главныхъ произведеній, чтобы легко понять, какъ всѣ они вращаются около того же предмета, который мы сдѣлали своимъ, около изслѣдованія интеллекта, около свѣта познанія. Великіе философы всѣхъ временъ стремились къ истинному методу, къ методу истины, стремились къ изслѣдованію способа, какимъ разсудокъ и разумъ приходятъ къ наукѣ.

Я хочу этимъ только сказать, что этотъ предметъ (логика) имѣетъ свою богатую и славную исторію; вникнуть подробнѣе въ эту исторію я не имѣю возможности; мы хотимъ говорить здѣсь не о притѣсненіи и преслѣдованіи, которыя причинялись со стороны религіознаго фанатизма; мы не хотимъ также показать отдѣльныя познанія, какимъ образомъ эти послѣднія, отъ одного поколѣнія къ другому, приводятъ къ освѣщенію (предмета изслѣдованія). Такой путь завелъ бы насъ въ болото спорныхъ вопросовъ со всѣми ихъ заблужденіями, которые для новичка погубили бы самую концепцію.

Если бы учитель технологіи хотѣлъ познакомить тебя съ паровой машиной и затѣмъ изложилъ бы тебѣ первое зачаточное изобрѣтеніе, далѣе, соотвѣтственно историческому ходу развитія, изложилъ бы тебѣ улучшеніе за улучшеніемъ, пока онъ не дѣшелъ бы до той высоты, на которой паровая машина находится въ настоящее время—то это былъ бы путь вѣрный, но очень долгій и извилистый. Я постараюсь сразу же представить тебѣ свой предметъ въ наиболѣе яркомъ свѣтѣ, въ томъ видѣ, къ какому онъ пришелъ помощью всѣхъ временъ и народовъ. Поскольку мнѣ удастся, я постараюсь

въ будущемъ, при изложеніи какого-либо автора, отдѣлить плевелы отъ пшеницы.

При этомъ же я долженъ отказаться отъ желанія: соотвѣтствующія мѣста моего изложенія подтверждать цитатами и примѣчаніями и показывать ихъ, какъ продуктъ общественной культуры, ибо мы имѣемъ дѣло съ такимъ наибольшимъ и наираспространеннѣйшимъ объектомъ, самимъ собой освѣщающимъ каждую фразу, которая когда-либо говорилаь или писалась. Если кто трактуетъ о далекихъ временахъ или удивительныхъ фактахъ—онъ тогда обязанъ привести свидѣтелей. Правда, и то, что я говорю о своемъ предметѣ, звучитъ часто довольно странно, ибо оно противорѣчитъ популярнымъ предразсудкамъ, однако, для доказательства истины, я нуждаюсь лишь въ открытой головѣ ученика, который безъ всякихъ предвзятостей, единственно долженъ провѣрять свой собственный опытъ, чтобы получить объ этомъ всестороннее подтвержденіе.

Уже достаточно странно то, что такой близкій намъ объектъ вообще давно не познать, и что изученіе этого предмета длится цѣлыя тысячелѣтія—и все еще многое остается изучить и объяснить. Но ты также знаешь, что, какъ часто малое становится великимъ и великое—малымъ, точно также часто ближайшее становится потаеннымъ а потаенное—близкимъ.

Я общалъ тебѣ, милый Евгений, въ началѣ этого второго письма перейти отъ введенія къ самой темѣ. Такъ какъ я все же болѣе топчусь около предмета, нежели послѣдовательно его излагаю, то ты можешь потерять терпѣніе—но я долженъ защищать свой пріемъ. Таково ужъ свойство объекта, подлежащаго разсмотрѣнію, что оно даетъ возможность бросать мнѣ упрекъ; это вообще свойство идеи, что она не остается около самой себя, но всегда стремится перелетѣть къ чему-нибудь другому. Идея есть тотъ шестъ, за который я долженъ держаться, но такова уже природа этого шеста, что нельзя оставаться около него. Мышленіе есть противорѣчивая вещь, діалектическая тайна.

Я знаю, что предлагаю тебѣ вещи, которыя сразу тебѣ трудно будетъ понять. Но посмотри! Развѣ не всегда бываетъ такъ? Когда ты въ первомъ классѣ гимназіи началъ склонять латинскія слова, ты не могъ сразу понять все значеніе склоненія. Ты хотя и понималъ, что ты дѣлалъ и все же ты не понималъ всего вполне. Только послѣ того, какъ ты впервые глубже вникнулъ въ построеніе рѣчи, тебѣ

стало яснымъ значеніе и цѣль первоначальнаго (склоненія). Также же и здѣсь тебѣ ничего другого не остается, какъ до поры до времени переваривать то, о чемъ я тебѣ толкую и что удобоваримо — и только послѣ того, какъ станешь болѣе освѣдомленнымъ, ты сможешь хорошо понять меня отъ начала и до конца.

Поэтому и я всегда поступалъ такъ: когда я знакомился съ изложеніемъ какого-нибудь извѣстнаго предмета, то я сперва знакомился съ предметомъ поверхностно, со многими его сторонами и главами, чтобы затѣмъ въ самомъ концѣ возвратиться къ его началу и помощью частыхъ повтореній притти къ полному пониманію. вмѣстѣ съ знакомствомъ съ предметомъ растетъ и сила познанія и въ концѣ становится яснымъ и самое начало. Такой пріемъ я могу тебѣ рекомендовать, какъ единственно правильный.

Въ заключеніе, хочу сдѣлать тебѣ короткое замѣчаніе, что рекомендація правильнаго метода къ изученію логики является не только вступленіемъ, но, какъ уже было упомянуто, — главной темой самой науки.

Третье письмо.

Милый Евгений! Предпринятая мною задача: учить логикѣ — требуетъ двухъ условій: логика и учителя. Последнее условіе требуетъ того, чтобы я содержаніе своего предмета вложилъ въ привлекательную форму. Да будетъ мнѣ поэтому позволено связать дидактическій тонъ съ фелетопистскимъ стилемъ и процитировать здѣсь одинъ эпизодъ изъ романа Густава Путлица:

Деревенскій органистъ лежалъ при смерти на своей постели. Свои послѣднія силы въ прошлый день онъ посвятилъ хоралу и послѣ окончанія былъ вынесенъ изъ церкви въ глубокомъ обморокѣ. Онъ сыгралъ свою лучшую, но въ то же время и послѣднюю пьесу. При этомъ присутствовала жалкая уличная пѣвица со своимъ соловьинымъ голосомъ. Со стороны тупыхъ деревенскихъ жителей ни органистъ, ни пѣвица не получили признанія.

Старикъ оглянулся вокругъ комнаты, его взоръ прежде всего остановился на вѣрномъ органѣ, другѣ и спутникѣ его жизни. Онъ простеръ къ нему руку, но, усталая, она снова поникла. Онъ къ нему и не хотѣлъ дотронуться руками. Онъ простиралъ къ нему руки, какъ люди простираютъ руки къ другу, на чужбинѣ. Затѣмъ

онъ обратился къ окну, какъ будто онъ хотѣлъ узнать, какое было время дня теперь и, когда все стало ясно ему, онъ обратился къ колѣнопреклоненной у ногъ его дѣвушкѣ.

„Бѣдное дитя! началъ онъ, — тебя вчера тяжко обидѣли. Мнѣ стало больно, когда я объ этомъ узналъ, но лишь тогда, между музыкой, которую я прослушалъ всю ночь, и слышу еще теперь—мнѣ это стало яснымъ. Радуйся, дѣвушка, что они враждебно поносятъ тебя, ибо вѣдь это произошло во имя святой музыки— и быть мученикомъ во имя ея есть счастье, блаженство, которое стоитъ всякой обиды. Мнѣ не было лучше всю мою жизнь, и если я благодарю Бога за все то добро, которое онъ дарилъ мнѣ, то это значитъ, что я прежде и послѣ всего всегда благодарю его за даръ музыки, которую онъ далъ міру, и которую онъ чудеснѣйшимъ образомъ открывалъ мнѣ въ самыя тяжелыя минуты.

Ради музыки я страдалъ и терпѣлъ всю мою жизнь, и какъ дорогъ былъ выигрышъ, какъ небесно-высока была плата за эти бѣдныя земныя жертвы моей жизни.

Мой отецъ былъ органистомъ въ городѣ Восточной Франціи. Его отецъ былъ тѣмъ же до него въ той же церкви, и я помню, что отецъ моего дѣда былъ также музыкантомъ. Музыка была наслѣдіемъ нашей семьи съ самаго начала ея возникновенія, а также и единственнымъ наслѣдіемъ, но я получилъ это наслѣдіе и несъ его знамя высоко всю мою жизнь. Вотъ какъ я сейчасъ сижу передъ тобой—если Богъ позоветъ меня—я оставлю здѣсь лишь старый органъ и ноты, которыя всѣ я самъ писалъ—въ остальномъ жизнь моя была скверна до самаго послѣдняго часа. Я могъ бы свободно жить иначе—и Филиппика часто мнѣ говорила это, но она вѣдь не знаетъ ничего о благѣ музыки. Я не хочу этимъ бросить ей упрека, ибо чѣмъ же она виновата, что Богъ закрылъ для нея духовное ухо, какъ и для многихъ другихъ. Бѣдные люди, такъ пустынно и безцвѣтно должны они проводить свою жизнь, которымъ музыка на ихъ пути не разбрасывала своихъ цвѣтовъ и не осѣняла свѣтомъ ихъ головы. Но въ томъ мірѣ и у нихъ раскроется ухо, и Богъ тамъ вознаградитъ ихъ тѣмъ, что не было имъ дано здѣсь.

Мы, апостолы музыки, познали часть блаженства уже здѣсь, ибо гармонія, совмѣщающая въ себѣ всѣ аккорды—это вѣчная жизнь, и она проникаетъ своимъ взмахомъ крыла въ эту земную юдоль...

Смотри, я знаю совершенно точно и никто, кромѣ меня, что станется, когда душа отрѣшится отъ земного тѣла и вознесется къ музыкѣ сферъ...

Ты не понимаешь меня, дѣвушка; но не печалься, когда нибудь и ты поймешь это. Вотъ что я хотѣлъ тебѣ сказать, чтобы тебя утѣшить, если теперь или въ будущемъ жизнь встрѣтитъ тебя грубо. Чистыми, съ небесною мелодіей въ груди, вступаемъ мы въ жизнь, какъ я сказалъ тебѣ—всѣ мы, которымъ жизнь стѣлила бѣдно или богато, мягко, въ шелковыхъ перинахъ, или на жесткой соломѣ. Ритмъ живетъ вмѣстѣ съ нами, пока мы дышимъ. Это сердечный ритмъ нашей груди. Часто намъ кажется, что мелодія потеряпа, часто самъ размѣренный ходъ такта путаешь нашу страсть, но все снова и снова, въ часы блаженства мы находимъ свою мелодію—и тогда мы снова въ своей земной юдоли чувствуемъ себя счастливо и уютно“.

Такъ объясняетъ органистъ свою музыку.

Но такимъ могуществомъ надъ душой обладаетъ не только гармонія тоновъ, но и гармонія цвѣтовъ: каждое искусство и каждая наука обладаютъ той же силой. Даже простѣйшее ремесло и самая прозаическая изъ всѣхъ прозъ, погоня за благомъ и золотомъ, можетъ увлечь человѣка настолько, чтобы заставить его вложить всю свою душу въ одинъ кумирь. Разумѣется, не всѣ склонны къ такой мечтательности и самые мечтатели склонны къ ней лишь въ особо сентиментальныя мгновенія. Далѣе, нельзя оспаривать, что художникъ, изобрѣтатель, изслѣдователь поклоняются достойнѣйшему и увлекательнѣйшему предмету. Также признано, что лишь беззаветнымъ отдаваніемъ всей нашей души—единичному можно достигнуть великихъ результатовъ.

Однако, ты долженъ знать, что предметъ, который такъ владѣетъ душой раздѣляетъ свою высоту и возвышенность со всѣми предметами и, такимъ образомъ, въ то же время является простымъ (обыденнымъ) предметомъ. Безъ такого діалектическаго освѣщенія сознанія всякое поклоненіе явится фетишизмомъ.

Такимъ образомъ, опытъ фактовъ, что люди все и каждое обращаютъ въ фетишъ, долженъ тебѣ яснѣйшимъ образомъ показать, что не единичное, но лишь вселенная является истиннымъ Богомъ или истиной и жизнью.

Будетъ ли это логика или теологія?

И то и другое. Если ты присмотришься ближе, то узнаешь, что всё великіе логики имѣли дѣло съ богами или божествомъ и, наоборотъ, всё почтенные теологи стремились обосновать свой предметъ въ логическомъ порядкѣ. Логика по всей своей природѣ метафизична.

Существуетъ также извѣстный сортъ логиковъ, которые хотятъ отрицать неизбѣжную связь между небеснымъ царствомъ и царствомъ разумнымъ. Часть изъ этихъ логиковъ дѣлаетъ это изъ чрезвычайной религіозной деликатности и въ цѣляхъ защиты возвышеннѣйшаго отъ разрушающей критики; другая часть, изъ-за религіозныхъ злоупотребленій, настолько проникаются антипатіей къ религіи, что она объ этомъ предметѣ ничего болѣе и слышать не хочетъ; обѣ стороны преклоняются передъ такъ называемой „формальной логикой“.

Эти формалисты походятъ на отливальщика фарфоровыхъ издѣлій, который хочетъ утверждать, что его ремесло можетъ ограничиться лишь формами посуды, горшковъ и кувшиновъ, по что ему нѣтъ дѣла до матеріала, межъ тѣмъ какъ онъ имсппо неизбѣжно долженъ вмѣстѣ съ матеріализованіемъ формъ формировать и матеріаль. Эту вещь можно лишь раздѣлять на словахъ, но не на дѣлѣ и, какъ связаны тѣло и форма, такъ же нераздѣльно связаны вмѣстѣ конечныя сферы съ безконечными, такъ называемыми небесными сферами, физическое и метафизическое.

Логика изслѣдуетъ мысль, но лишь мысль, какую она является въ истинѣ; такимъ образомъ, она необходимо стремится къ истинѣ. Соответственно тому, гдѣ: вверху или внизу, всюду или гдѣ-либо приходится искать послѣднюю—стоитъ вопросъ, который также необходимо приводить логиковъ въ соприкосновеніе съ священникомъ. Желать избѣжать этого соприкосновенія, исходя изъ соображенія симпатіи или антипатіи, все равно—было бы неуваженіемъ къ наукѣ.

Различіе между метафизической логикой, съ одной стороны, расширяющей свой предметъ до безконечности, стремящейся открыть логическій порядокъ вплоть до самыхъ небесъ, вплоть до „послѣднихъ вопросовъ всякаго знанія“, и между формальной логикой, съ другой стороны, избирающей себѣ ограниченную область и довольствующейся изслѣдованіемъ логическаго порядка въ физическомъ мірѣ—это различіе я могъ бы рекомендовать твоему особому вниманію, ибо здѣсь спрятано зерно, вокругъ котораго вращается вся наша переписка.

Тотъ фактъ, что люди ставятъ себѣ границу, чтобы не взлетать въ небеса, не предпринимать ничего, что нельзя выполнить — является совершенно практической вещью. Однако, тебѣ не слѣдуетъ забывать, что практическія границы не должны быть теоретическими границами для тебя, границами вообще или границами для другихъ. Если ты и не въ состояніи летѣть въ небеса и, изъ практическихъ соображеній, отказываешься сѣсть на воздушный корабль, — то все же не воспротивишься теоретической свободѣ неограниченнаго стремленія также въ области воздухоплаванія и не откажешься мелочно отъ мысли метафизической, т. е. безконечной способности развитія человѣческаго рода.

Четвертое письмо.

Милый Евгений! Въ первомъ письмѣ я познакомилъ тебя съ моею задачей, во второмъ, — я перебралъ свой предметъ въ общихъ чертахъ, чтобы слегка познакомить съ нимъ; въ третьемъ, — я указалъ на его окраску, которая необходимо является религіозной. Идя далѣе, позволь мнѣ охватить свой предметъ немного шире.

Великое народное дѣло до сихъ поръ всюду было вѣчнымъ животнымъ пельшой болѣе знатной кучки людей. Очевиднѣ всего дѣло проявилось въ рабскихъ государствахъ древности, въ Египтѣ, какъ и въ Греціи и Римѣ. Также и при феодальномъ и цеховомъ состояніи средневѣковья рабское состояніе широкихъ массъ было достаточно очевидно. Въ настоящее время это же положеніе очевидно въ восточной Европѣ, въ Россіи, между турками, болгарами, венграми, восточными пруссаками, etc., нежели въ индустріальныхъ странахъ запада. Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки это состояніе еще болѣе загущено, такъ что тамъ народъ едва еще чувствуетъ свое порабощеніе. Тамъ вполне возможно, что верхнія десять тысячъ завоевали свое добро своими же руками, и въ Америкѣ наблюдается чаще, чѣмъ въ Европѣ, что матадоры капитала заложили свой первый камень тяжелымъ трудомъ. Но близорукіе наблюдатели очень легко забываютъ изъ симпатіи къ трудному началу и жульнической концѣ и въ тщетной надеждѣ уповаютъ, что каждое измученное вѣчное животнос можетъ усердіемъ и хитростью превратиться въ счастливаго набоба.

Ты навѣрное скажешь: что можетъ быть общаго между логикой и всѣтъ этимъ? Терпѣніе? Ты признаешь вѣдь, что освобожденіе, свобода народовъ отъ животнаго труда, нищеты и нужды есть высшее, къ чему стремится человѣческій духъ. Ты вѣдь также не будешь отрицать, что идея является важнѣйшимъ инструментомъ для достиженія этой высокой цѣли. Мыслительныя работы ясно обнаруживаются въ наши дни въ культурныхъ продуктахъ. Современный пролетаріатъ, какъ и русскій, турецкій и восточно прусскій, принимаетъ свою долю въ приобрѣтеніяхъ мысли. Онъ имѣетъ свою долю въ нихъ не только въ томъ смыслѣ, что головы становятся образованнѣй и культурнѣй, но и его содержаніе, одежда и жилище, стали, благодаря прогрессирующей дѣятельности интеллекта, культурнѣй. Ты видишь: народное дѣло тѣсно связано съ мыслительной способностью, и природа послѣдней такъ же хорошо демонстрируется на примѣрѣ культурнаго развитія, какъ и на сложномъ механизмѣ карманныхъ часовъ, и именно для того, чтобы открыть сущность того, что рѣчь именуется очень многими именами, духомъ, интеллектомъ, познавательной способностью, разумомъ и т. д. Одно только необходимо помнить: я не могу показывать таинственное чисто, въ себѣ, но лишь — будь это культурное развитіе или карманные часы — въ связи съ чѣмъ либо другимъ. И здѣсь нѣтъ вѣдь противорѣчій, что интеллектуальный механизмъ уясняется сильнѣе и величавѣй примѣромъ часового механизма изъ исторіи культуры, нежели помощью какого либо мыслительнаго механизма *en miniature*.

Если мы вообще изслѣдуемъ связь вещей, то мы можемъ познать родъ и способъ или степень связи. Мы здѣсь на этотъ разъ оставляемъ въ сторонѣ, какъ міровыя вещи связаны между собою и съ идеями, чтобы просто констатировать фактъ связи мышленія и бытія, природы и духа. Фактъ міровой связи противорѣчитъ невѣжественному предрассудку. Послѣдній держится представленія, что земля и дерево на ней, тучи и солнце надъ нею, что все — суть обособленные предметы. Но чтобы понять, что одно зависитъ отъ другого, земля, дерево, тучи и солнце лишь въ связи, лишь въ общей міровой связи являются тѣмъ, чѣмъ они суть на самомъ дѣлѣ, чтобы это понять, необходимо обладать дисциплинированнымъ образомъ мышленія, необходима для познанія этого въ полномъ объемѣ — логическая дисциплина. Я вспоминаю, что вычиталъ изъ „Фихте“ въ какомъ-то нѣмецкомъ учебникѣ главу, яснѣйшимъ образомъ по-

казывающую, какъ ничтожный предметъ, приведенный нами мысленно въ движеніе, обуславливаетъ собою мысль о перемѣнѣ во всей міровой исторіи. Извѣстно, что непониманіе національной экономіи заставляетъ проглядѣть тотъ фактъ, что дѣловые люди ведутъ свои дѣла не обособленно, но что, равнымъ образомъ, и всѣ члены общества находятся въ социальной связи между собою; это непониманіе затемняетъ тотъ фактъ, что всякая работа наряду съ личной дѣятельностью представляетъ собою также и органическую часть общей работы,—и одинаково, какъ экономическое, такъ и логическое непониманіе проглядываетъ эту міровую связь.

Вотъ капля воды. Смотри, какъ она различна, въ зависимости отъ связи ея съ различными предметами. То, чѣмъ она является, не можетъ существовать безъ извѣстной температуры. Въ зависимости отъ измѣненія послѣдней, она принимаетъ форму льда или пара; въ жару капелька остается компактной, но въ соли раздѣляется безкопечно, обыкновенно она катится внизъ, но въ сахарной головѣ поднимается вверхъ. Въ зависимости отъ удѣльного вѣса жидкости, съ которой эта капелька приходитъ въ соприкосновеніе, она или плаваетъ на поверхности или опускается на дно. Безъ связи съ землей, ея температурой и силой тяжести, эта да и всѣ капельки исчезли бы въ бездонности и не имѣли бы бытія. Итакъ, формы вещей измѣняются въ зависимости отъ ихъ связи между собой и опѣ являются тѣми, а не другими лишь какъ части общаго бытія.

То, что сказано о каплѣ воды, имѣетъ отношеніе и ко всѣмъ вещамъ, всѣмъ силамъ и матеріямъ, а также къ нашимъ идеямъ. Человѣчскій духъ живетъ и дѣйствуетъ лишь въ связи съ другимъ, матеріальнымъ міромъ—и это вызываетъ признаніе органическаго единства всякаго бытія, что и является главнымъ пунктомъ моей логики.

Старая метафизическая логика была такъ плѣнена своимъ объектомъ, что происхожденіе, родство и связь духа съ простыми, мірскими вещами казалось ей для этого тонкаго духа слишкомъ простымъ. Она была слишкомъ притязательна и поэтому вынуждена была свой избранный объектъ связать также съ превыспреннимъ міромъ. И если она была достаточно научна, чтобы разсматривать созданіе первой души черезъ Божье дуновеніе, какъ параболу, то она все же была настолько плѣнена необыкновенной природой ин-

теллекта, что цѣлыя тысячелѣтія цѣплялась за надежду найти въ немъ тотъ источникъ, который могъ бы раскрыть эти превыспренности. Отъ такого возрѣнія на фантастическій міръ формальная логика отдѣлалась почти совершенно, но она также не понимаетъ естественной связи между духомъ и простымъ міромъ, она изолируетъ мыслительный инструментъ и желаетъ оставить открытымъ вопросъ: имѣетъ ли онъ естественную, сверхъестественную или совсѣмъ не имѣетъ связи. Она не понимаетъ, что какъ дѣйствительная логика, такъ же логична дѣйствительность, и не замѣчаетъ, что задняя дверь, ведущая черезъ улицу вѣры въ небесную нелогичность, заслуживаетъ презрѣнія со стороны науки.

Мысль, интеллектъ данъ фактически, онъ существуетъ—и его бытіе однородно связано, какъ часть общаго бытія, со всѣмъ міромъ. Вотъ кардинальный пунктъ трезвой логики.

Тотъ фактъ, что идеи суть такого же вещества, какъ и другія части міра, что онѣ суть части общей природы, а не обладаютъ какою-либо превыспренней сущностью (эссенціей)—этотъ фактъ выразилъ уже Картезіій (Декартъ) своими знаменитыми словами: „*Cogito ergo sum*“.

Мое мышленіе—говоритъ философъ—свидѣтельствуетъ о моемъ бытіи. Чтобы прійти къ аподиктической достовѣрности относительно истины и заблужденія, онъ начинаетъ съ сомнѣнія, съ общаго сомнѣнія во всемъ; и затѣмъ говоритъ, что онъ не можетъ сомнѣваться въ бытіи своихъ идей. Этимъ онъ ставитъ духъ на почву тѣлеснаго бытія, освобождаетъ его отъ превыспренности—и въ этомъ его безсмертная заслуга.

Но не только Картезіій, а и твой собственный опытъ даетъ вѣрное доказательство нераздѣльной связи между мышленіемъ и бытіемъ. Развѣ не связаны всюду и вездѣ твои идеи съ міровымъ или дѣйствительнымъ содержаніемъ? Если ты стремишься мыслить идею раздѣльно, то ты въ состояніи это сдѣлать лишь потому, что ты узналъ ее изъ опыта—и все же она (эта идея) всегда связана съ какимъ-либо міровымъ содержаніемъ. Ты уже видѣлъ греческихъ боговъ, карликовъ и водяныхъ нимфъ. Однако, тебѣ, какъ диллтанту въ живописи, должна уже настолько хорошо быть извѣстной та часть духа, которую мы называемъ фантазіей, чтобы признать, что даже эта далеко залетающая часть не только дѣйствуетъ и потому относится къ дѣйствительности, но, какъ и всѣ ея продукты,

настолько связана съ дѣйствительностью, что даже фантастическія кудреватости и выродки все же всегда являются реальными картинами, картинами реальности.

Но почему это я употребляю такую кучу словъ, чтобы часто констатировать, что идея имѣетъ бытіе и является однородной частью общаго бытія? Отвѣтъ: ибо съ древности уже существуетъ въ вещахъ логики такое великое смѣшеніе, что въ одинъ пріемъ обожествляютъ человѣческій духъ и въ то же время чистыя идеи не хотятъ принимать за ничто, за недѣйствительное, неистинное. Для болѣе яснаго пониманія я припоминаю, какъ обыкновеннымъ образомъ рѣзко различаютъ между тѣмъ, что дѣйствительно, и тѣмъ, что только мыслимо, и это различіе настолько преувеличиваютъ, что можно подумать, будто все, лишь мыслимое, лишь дѣйствующее въ головѣ, не можетъ имѣть бытія, дѣйствительности.

Для того, чтобы ты могъ понять міровую связь, я долженъ предупредить тебя противъ этого эксцесса и привести доказательство, что интеллектъ имѣетъ дѣйствительное бытіе, которое связано съ общей совокупностью или дѣйствительностью. Ботаника, имѣющая своимъ предметомъ растенія, учитъ насъ не только расчленять эти послѣднія на классы, порядки и семейства, но она идетъ также и дальше и показываетъ намъ, какое мѣсто занимаетъ въ природномъ царствѣ царство растительное, какъ растенія отличаются отъ неорганическаго минеральнаго класса и органическаго животнаго класса.—Такъ, между прочимъ, формальная логика расчленяетъ духъ на многія части; существуютъ представленія, понятія, сужденія, заключенія; и затѣмъ, это раздѣленіе она расчленяетъ дальше, на подраздѣленія, представленія — въ различные виды, понятія — на конкретныя и абстрактныя, называетъ сужденія очень многообразно и отмѣчаетъ три, четыре или болѣе фигуръ заключеній, — но какъ относится общій духъ къ міру, какъ связано оно съ общимъ бытіемъ, является ли онъ частью этого бытія или онъ имѣетъ превыспреннее происхожденіе — это она оставляетъ нетронутымъ, а межъ тѣмъ это какъ разъ самая интересная часть, та часть, которая приводитъ интеллектъ и ученіе о немъ въ логическую связь со всѣми другими ученіями и вещами.

Логика должна учить: какъ различать; но различать не золото отъ жести, или борзую собаку отъ монса: надъ этимъ трудятся отдѣльныя дисциплины; логика должна о томъ учить насъ относи-

тельно различающей способности, что вообще необходимо для каждой дисциплины, а именно: откуда узнаем мы истину и заблужденіе, фантазію и реальность. Ради этой цѣли, она побуждает меня подчеркнуть, чтобы ты не проглядѣлъ, что также и заблужденіе и фантазія относятся къ одной, безконечно или абсолютно связанной дѣйствительности. Для того, чтобы различать истинно фантастическую отъ реальной дѣйствительности, отъ дѣйствительной истинности,—необходимо помнить, что какъ черный хлѣбъ и кремовый тортъ имѣютъ соприкосновеніе въ томъ пунктѣ, что они оба относятся къ одной категоріи „печенія“, такъ и фантазія и истина, идея и дѣйствительность суть двоякое вещество одной природы.

Резюмируя это письмо, я обращаю твое вниманіе на то какъ я вначалѣ указалъ на связь интеллекта съ народнымъ развитіемъ, межъ тѣмъ какъ сейчасъ, въ концѣ, констатирую связь духа съ общимъ бытіемъ.

Пятое письмо.

Логически необразованному человѣку мѣшаетъ имѣть концепцію (стройное міровоззрѣніе) недостатокъ въ монистическомъ способѣ мышленія. Монистически въ такомъ случаѣ равнозначуще словамъ: систематически, логически или однородно.

Если кремовый тортъ называютъ лакомствомъ, а черный хлѣбъ—питательнымъ средствомъ, не упуская изъ виду, что каждое питательное средство лакомо и каждое лакомство—питательно, если не знаютъ, какъ оба, несмотря на свое различіе, относятся къ однородной категоріи и потому связаны между собою,—то здѣсь, значитъ, недостааетъ логики. И логики недостааетъ всюду, гдѣ не понимаютъ, какъ всѣ части, матеріи, силы или свойства міра суть куски изъ одного матеріала, ограниченныя части неограниченнаго, безконечнаго, единственной истины и дѣйствительности.

Тотъ фактъ, что насѣкомыя, рыбы, птицы и млекопитающія составляютъ одно, животное, царство—это старая истина, которая создана уже самимъ логическимъ инстинктомъ. Дарвинъ не только обогатилъ естествознаніе, но также оказалъ неоцѣнимую услугу и логикѣ. Тѣмъ, что онъ показалъ, какъ изъ амѣбии помощью развитія происходятъ птицы, онъ пробилъ брешь въ мертвый до него способъ расчлененія; онъ внесъ движеніе, жизнь, духъ въ это зоологическое болото.

Если, въ силу незнакомства съ работами Дарвина, мои указанія будутъ для тебя недостаточны, то я поясню ихъ еще нѣсколькими примѣрами. Зоологія всегда знала, что всѣ роды животныхъ относятся къ царству животныхъ; но такой порядокъ былъ у нея скорѣе механическимъ.

„Происхожденіе видовъ“, показывающее, какъ непостоянно зоологическое расчлененіе, а, наоборотъ, сплошь измѣнчиво, живо уясняющее переходъ одного животнаго рода въ другой, — въ то же время ясно показываетъ, что связываніе всѣхъ родовъ въ одно единственное царство является не только логической механикой, но фактомъ живого бытія. Связываніе животныхъ отъ ничтожнѣйшихъ до великихъ въ одно царство было до Дарвина классификаціей, совершенной одной мыслью, т. е. мыслительной классификаціей, межъ тѣмъ какъ послѣ Дарвина она стала классификаціей естественной.

Что зоологъ выполнилъ по отношенію къ животному царству, то логикъ долженъ выполнить въ отношеніи бытія вообще, безконечнаго космоса; онъ долженъ показать, что весь міръ, всѣ формы бытія, считая и духъ, логически связаны, родственны и спаяны между собою.

Извѣстный ограниченный матеріализмъ думаетъ, что все выполнено, если онъ констатируетъ связь между мышленіемъ и мозгомъ.

Аналитическимъ пожомъ, микроскопомъ и опытомъ можно очень многое открыть; но это не исключаетъ необходимости въ логической дѣятельности. Нѣтъ сомнѣнія, что идея связана съ мозгомъ; такъ же тѣсно, какъ мозгъ съ кровью, кровь съ кислородомъ и т. д.; но вѣдь идея такъ тѣсно связана вообще со всѣмъ бытіемъ, какъ тѣсно связана вся физика.

То, что яблоко связано помощью сучка не только съ деревомъ, но и съ солнчнымъ свѣтомъ и дождемъ, что всѣ вещи связаны не только односторонне, но и всесторонне — объ этомъ же должна учить тебя логика въ отношеніи спеціально къ духу, идеѣ.

Если бы какой-либо путешественникъ по Африкѣ имѣлъ доложить о вновь открытомъ животномъ видѣ, то онъ не долженъ былъ бы говорить особенно о его бытіи, ибо это само собой понятно. И если бы онъ рассказывалъ еще объ аномальномъ существѣ, то мы должны были бы знать, что подъ этой аномальностью разумѣется лишь степенное (относительное) уклоненіе, не выходящее за пре-

дѣлы общей нормы бытія — однако, человѣческій интеллектъ представляетъ собою бѣольшую новинку, нежели самые странные животныя виды внутренней Африки.

Ты знаешь моего остроумнаго друга-англичанина. Когда я поѣдился съ нимъ, что пишу статью о человѣческомъ духѣ, онъ совѣтовалъ мнѣ бросить эту головоломную затѣю. Это — вещь, о которой никакой человѣкъ ничего не знаетъ. И если, равнымъ образомъ, извѣстный тебѣ ученый Гинце желалъ бы показать необходимость религіозной вѣры и ограниченность всякой науки, то онъ каждый разъ ставилъ патетическій вопросъ: „что такое сознание?“ И при этомъ онъ дѣлалъ такую фізіономію, какъ будто онъ намъ преподносилъ книгу за семью печатами. Я вовсе не хочу утверждать, что профессора логики также мало знаютъ объ этомъ; но что бытіе синяго неба и зеленаго дерева вмѣстѣ съ бытіемъ нашего интеллекта суть лишь различныя части одной и той же вещи — это широкой толпѣ, куда относятся и многіе ученые — совершенно неизвѣстно.

Поэтому необходимо особенно относительно интеллекта показать, что онъ существуетъ, что онъ обладаетъ такимъ же бытіемъ, какъ и всѣ другія вещи; ибо это оспаривается и плохо понимается какъ тѣми, которые приписываютъ духу бытіе высшаго рода, такъ и тѣми, которые приписываютъ истинное бытіе не самой идеѣ, но ея истинному идейному содержанию. Дѣло дѣйствительно настолько темно, что я убѣжденъ, что для тебя останется подъ сомнѣніемъ: не существуетъ ли идейное содержаніе двоякаго рода: родъ, который истинно дѣйствителенъ и другой, дѣйствительно неистинный родъ.

Уже два тысячелѣтія логика твердитъ о законѣ, что идея есть форма, которая должна быть наполнена дѣйствительнымъ содержаніемъ. Истинная идея должна „согласоваться съ дѣйствительностью“. Конечно, это положеніе имѣетъ свой понятный смыслъ, который, однако, всегда понимается не такъ, какъ слѣдуетъ. При этомъ упускался изъ виду главный пунктъ логики, что не только каждая идея должна имѣть реальное содержаніе, но, чтобы быть въ состояніи различать истинныя идеи или познанія отъ неистинныхъ, нужно признавать, что мышленіе всегда и всюду представляло часть дѣйствительности и истины, даже если оно содержало въ себѣ удивительнѣйшія фантазіи и заблужденія.

Какъ разъ именно, какъ домашняя кошка и пантера принадлежатъ къ различнымъ видамъ и, однако, въ то же самое время, и единому роду кошекъ—такъ и истинныя и неистинныя идеи, не смотря на все ихъ различіе, все же относятся къ одному, истинному роду. Истина именно настолько велика, что она охватываетъ абсолютно все. Истина, дѣйствительность, міръ, вселенная, безконечное и абсолютное суть однозначачія выраженія. Ясное понятіе истины для пониманія логики неизбежно, — и выражу ли квинтъ-эссенцію этого пониманія, его главный, кардинальный, исходный или различающій пунктъ понятіемъ духа, тѣсно связаннаго съ міромъ, или общимъ понятіемъ мировой истины или дѣйствительности—это въ концѣ концовъ, лишь различныя слова, выражающія одну и ту же суть. Я бы не могъ тебѣ дать болѣе ясное пониманіе истины, нежели это въ состояніи сдѣлать цитируемая мною знаменитыя слова Лессинга: „Если бъ Богъ своей правой рукой предлагалъ намъ истину, лѣвой же — лишь вѣчное стремленіе къ ней, — то я смиренно припалъ бы къ лѣвой рукѣ и воскликнулъ бы: „Боже, дай мнѣ стремленіе, ибо истина можетъ быть только для тебя одного“. Это выраженіе немного высокопарно и мистично, и Лессингъ также былъ въ плѣну у мистическаго способа мысленія; и въ то же время въ этихъ словахъ заключается трезвый смыслъ, который безусловно ясенъ и точенъ.

„Сама истина“ — это вселенная, безконечное, неисчерпаемое. Каждая часть послѣдняго является ограниченной частью неограниченнаго, является, такимъ образомъ, ограниченной и неограниченной, одновременно конечной и безконечной; каждая часть является отдѣленной частью, которая нераздѣльно связана съ цѣлымъ. Такому же часть представляетъ собою и человѣческій духъ.

Общее бытіе или истина является его предметомъ, его неисчерпаемымъ предметомъ. Если человѣческій духъ въ логикѣ дѣлаетъ самъ себя предметомъ, то ученикъ долженъ прежде всего знать, что здѣсь субъектъ, какъ объектъ, является вещью, подобно всѣмъ другимъ вещамъ, т. е. частью истины, частью естественнаго бытія.

„Сама истина“ входитъ въ человѣческую голову не всецѣло, но лишь частично. Поэтому, мы обладаемъ лишь вѣчно живымъ стремленіемъ къ истинѣ; поэтому понятіе или познаніе никогда не можетъ совпадать съ дѣйствительностью, но лишь всегда представляетъ частицу послѣдней.

Теперь позволю сказать пару словъ, которыя гласятъ не такъ, когда думаешь, находясь не на высотѣ логики, а болѣе обыденно. Если ты въ идеѣ представляешь себѣ какой-либо реальный объектъ, одинаково: будь онъ церковной колокольной или наперсткомъ,—то онъ существуетъ въ двойномъ видѣ: въ представленіи и въ дѣйствительности. Напротивъ, какой-либо фантастическій образъ имѣетъ лишь простое, фантастическое бытіе. Такой обыденный образъ мышленія безспорно правиленъ; неправильно только, если вообще не признаютъ, что всѣ роды бытія настолько близко подходятъ къ одному роду, какъ домашняя кошка и пантера, что, такимъ образомъ, бытіе въ головѣ, внѣ головы, въ небѣ, на землѣ и во всѣхъ мѣстахъ лишь тогда имѣетъ логическій смыслъ, когда оно, несмотря на все разнообразіе, является однимъ и тѣмъ же бытіемъ. Бытіе, которое не можетъ имѣть общую природу всякаго бытія, было бы именно нелогическимъ, бессмысленнымъ бытіемъ.

Теперь, думается мнѣ, ты приблизительно поймешь меня, если я утверждаю, что церковная колокольная въ представленіи и церковная колокольная въ дѣйствительности не представляютъ собою двухъ церковныхъ колоколенъ, но что идея и дѣйствительность суть формы одного и того же бытія.

Старая логика выковала медаль съ правиломъ:

Идея должна совпадать съ дѣйствительностью. Мы теперь на обратной сторонѣ пишемъ: 1) сама идея является частью дѣйствительности и 2) дѣйствительность внѣ идеи, слишкомъ объемиста и не можетъ даже малѣйшею своей частицей вмѣститься въ ней (идеѣ). На что же годится намъ это старое правило, разъ оно совсѣмъ почти не учитъ, какъ можно достигнуть, познать и измѣрить желаемую согласованность.

Если, милый Евгеній, отъ этихъ рѣчей у тебя въ головѣ станеть не свѣтлѣй, а еще темнѣй, то прими въ соображеніе, что то, что должна освѣтить логика—само собой понятно—раньше того должно быть темнымъ. Я думаю, что уже сдѣлалъ нѣчто полезное, если я возбудилъ твое сомнѣніе въ удачномъ обыденномъ способѣ разговора и смогъ доказать тебѣ, какъ туманно и недостаточно общепринятое понятіе согласованности между идеей и дѣйствительностью.

Безспорно, какъ фотографія, такъ и идея, должна согласоваться со своимъ объектомъ. Но какую пользу можетъ принести живописцу это особенное строгое внушеніе важности его задачи?

Видѣлъ ли ты портретъ или копію, которая хотя бы немного да не совпадала съ оригиналомъ? Я убѣжденъ, что этотъ случай тебѣ такъ же мало встрѣчался, какъ и тотъ случай, когда изображеніе въполнѣ бы соотвѣтствовало своему предмету. Твой опытъ достаточно культивированъ, чтобы знать, что здѣсь можетъ идти рѣчь лишь о большей или меньшей степени. Я особенно могъ бы тебѣ рекомендовать серьезно думать лишь объ относительности всякаго сходства, подобія и согласованія. У наибольшей части человѣческаго міра въ этомъ пунктѣ существуетъ страшная пустота мысли. То, что двѣ капли воды или пара близнецовъ лишь болѣе или менѣе подобны и неподобны, какъ мужчина и женщина, или какъ черный и бѣлый, что все бытіе такъ же согласованно, какъ и различно—это трудно дается логически необразованной головѣ.

Съ мыслителемъ дѣло происходитъ такъ же, какъ и съ живописцемъ: оба они ищутъ воспроизведенія дѣйствительности и истины. Какъ въ живописи, такъ и въ познаниі существуютъ точные и неудачные образы. Поэтому же здѣсь и можно различать между истинными и неистинными идеями, но здѣсь нужно и знать, что невѣрный образъ, однако, подобенъ и подобное очень далеко находится отъ совершенной согласованности со своимъ объектомъ.

Дѣйствительность, истина, общая природа стоитъ на каюедрѣ и проповѣдуетъ: „Я Господь Богъ твой. Не сотвори себѣ никакого кумира и да не поклонишься ему“. Ты долженъ, такимъ образомъ, также достаточно возвышенно думать объ истинѣ и вѣрить, что она можетъ быть со стороны живописца или мыслителя воплощена въ богъ вѣсть какомъ удачномъ воспроизведеніи.

Если, въ результатѣ, человѣческой интеллектъ познанъ, какъ часть дѣйствительной истины и истинной дѣйствительности, тогда безначальная дѣйствительность, сумма всякаго бытія, сейчасъ же обнаруживается какъ абсолютная истина, охватывающая все. Такимъ образомъ, представляются уже частями всеохватывающаго истинныя и ошибочныя идеи, добрые и злые люди, небо и адъ и всѣ другія вещи—дѣти одного рода или пули одного калибра.

Шестое письмо.

Мой милый сынъ! Послѣ того, какъ въ третьемъ письмѣ было трактовано о томъ, какъ сюжетъ логики вдохновенъ извѣстнымъ

религіознымъ отблескомъ, оба слѣдующія письма стремились показать, что логическій субъектъ связанъ съ общимъ бытіемъ міра, что мыслительная способность является нераздѣльной частью дѣйствительной истины. Говоря языкомъ религіознаго жаргона, мои оба послѣднія письма представили человѣческой духъ, какъ часть живого, истиннаго Бога.

Христіанство учить: Богъ есть духъ и кто хочетъ поклоняться ему, долженъ поклоняться ему въ духѣ и въ истинѣ.

И логика учить: Духъ есть часть общаго бытія; кто обожествляетъ духъ, тотъ—идолопоклонникъ, ибо онъ поклоняется одной части и забываетъ о цѣлой истинѣ. Сама истина идентична съ общимъ бытіемъ, съ міромъ, котораго всѣ вещи суть лишь формы, явленія, предикаты, атрибуты или преходящія вещи. Общее (цѣлокупное) бытіе можетъ быть названо божественнымъ, ибо оно есть безконечное, альфа и омега, заключающая въ себѣ всѣ вещи, какъ частичныя истины; и также интеллектъ является такой же включенной частью божественной истины, каковая безъ напыщенности называется просто міромъ.

Совершенно увѣренно это же самое можетъ сказать каждая наука, каждое ремесло и специальность о своемъ объектѣ. Синее небо и зеленыя деревья суть божественныя частицы. Все связано вмѣстѣ. Еслибъ мы не проводили послѣдовательнаго расчлененія, то каждый отдѣлъ, каждая глава приняла бы устрашающіе размѣры.

Для логики же міровая сумма всей истины является специальнымъ объектомъ, ибо она направлена къ общему освѣщенію человѣческой головы; этой цѣли менѣе служитъ накопленіе отдѣльныхъ знаній, нежели общее познаніе истины.

Логика, стремящаяся освѣтить духъ ради цѣли правильнаго (искуснаго) мышленія, имѣетъ дѣло не столько съ истинными понятіями, сколько съ общимъ абсолютнымъ понятіемъ истины, которое тѣснѣйшимъ образомъ связано съ главнымъ предметомъ, съ безконечнымъ общимъ бытіемъ.

Если ты стремишься правильно мыслить, то ты долженъ прежде всего стремиться къ яснымъ понятіямъ. И все же твоя голова, будучи ясной въ отношеніи обыденныхъ вещей, тѣмъ не менѣе далека отъ общей ясности. И этой послѣдней также не достигъ никакимъ накопленіемъ отдѣльныхъ специальныхъ знаній, ибо воспринимай ты мудрость хоть до самаго конца твоихъ дней—все же берега истины,

космоса безконечно далеки, и голова до известной степени всегда остается недостаточно просвѣтленной, какъ до, такъ и послѣ. Да, и настолько нестерпаема ничтожнѣйшая часть міра, что геніальнѣйшій изъ людей не въ состояніи добыть знаній, которыя бы исчерпали ничтожнѣйшую часть объекта. Самымъ величайшимъ микроскопомъ мы не въ состояніи видѣть всю водяную капельку и мудрѣйшій изъ людей не въ состояніи въ одинъ присѣсть изучить сапожное ремесло.

Отсюда ты видишь, какъ помощью накопленія спеціальныхъ знаній способствуетъ правильному употребленію нашего интеллекта лишь въ отношеніи деталей. Поэтому трудно также удовольствоваться, если известные логики учатъ насъ о томъ, какъ многіе виды понятій, сужденій и заключеній исходятъ изъ интеллекта. Это логическія спеціальныя знанія. Но прежде всего для изучающаго логику важно не столько накопленіе истинныхъ понятій, сколько ясное познаніе общаго понятія истины.

Спеціальныя знанія освѣщаютъ интелектъ. Но познаніе, что всѣ спеціальности связаны въ монизмъ или въ единствѣ, которое есть сама истина,—даетъ намъ известное общее освѣщеніе, которое собою не можетъ замѣнить детальнаго изслѣдованія, но которое служитъ фундаментомъ для всякаго изслѣдованія—почему оно и можетъ быть названо фундаментальнымъ облегченіемъ (*Generalerleichterung*).

Между прочимъ, надо отмѣтить, какъ пониманіе логической науки особенно затрудняется тѣмъ, что неопытный человекъ понимаетъ слова и понятія лишь въ тѣсномъ обыденномъ смыслѣ, межъ тѣмъ какъ самое дѣло (къ которому эти слова и понятія относятся) ведетъ насъ все дальше и дальше.

Если я говорю о частяхъ міра, то ты не долженъ сейчасъ же представлять себѣ географическія части, но долженъ итти дальше, пока не станетъ яснымъ, что звѣзды и кирпичи, силы и матеріи, что всѣ частички міра также суть міровыя частички.

Логическая трудность заключается больше всего въ неумѣломъ обращеніи съ всеобъемлющими категоріями. Тебѣ должно стать яснымъ, что мышленіе и бытіе, явленіе и истина etc. суть понятія великаго масштаба. Тебѣ можетъ быть труднымъ раздѣлять истинныя понятія отъ понятія истины; и, однако, это то же самое приблизительно, какъ если отдѣляютъ общій родъ травы отъ многихъ травъ, которыя заключаются въ этомъ родѣ. Уже обращеніе съ

такими расширенными понятіями, какъ истина, бытіе, вселенная— является превосходной школой интеллектуальной личности.

Ты, быть можетъ, затрудняешься тѣмъ, что наука, имѣющая своимъ предметомъ понятіе — образовательную способность, уклоняется отъ этого предмета и вводитъ другія вещи, какъ бытіе или истина. Однако, такая логика, которая бы ограничилась анализомъ мыслительной способности, въ противоположность той, которая представляла бы мыслительную способность въ ея живой работѣ—такая логика была бы ограниченной логикой. Если бы окулистика трактовала лишь о различныхъ частяхъ глаза, и не обращала бы вниманія на функцію и на внѣшніе предметы, связанные съ этой функціей, на свѣтъ и другіе предметы, словомъ, не обращала бы вниманія на самое зрѣніе глаза,—то она скорѣе, была бы анатоміей глаза, нежели наукой о глазѣ. Во всякомъ случаѣ, ученіе, которое представляетъ глазъ въ его живой дѣятельности и не только субъективную способность зрѣнія, но и нераздѣлимую отъ нея способность объективную,—такое ученіе даетъ болѣе объемлющее уясненіе, высшее освѣщеніе человѣческой головы.

Какъ я понимаю, въ логикѣ менѣе идетъ рѣчь объ анализѣ интеллектуальнаго субъекта, нежели о цѣли и объектѣ мыслительной способности, о ея культурѣ, которая достигается не помощью интеллекта въ себѣ, но помощью связыванія этого интеллекта съ міромъ истины, помощью его связи съ общимъ (цѣлокупнымъ) бытіемъ. Можетъ ли много помочь та логика, которая дѣлитъ идеи на аналитическія и синтезическія, говоритъ объ индуктивныхъ и дедуктивныхъ и еще о десяти видахъ познаній и затѣмъ отстрапаетъ вопросъ, какъ относятся идея и познаніе къ истинѣ, кто и гдѣ является божественнымъ и какимъ путемъ мы приходимъ къ этому. Платъ, этотъ примѣрный скептикъ, пожимаетъ при этомъ плечами; пасторъ дѣлаетъ изъ этого непостижимую тайну (мистерію); естествознаніе заботится лишь объ истинныхъ понятіяхъ, но не о самомъ понятіи истины; и затѣмъ слѣдуетъ специальная наука о понятіяхъ, формальная логика, и она стремится свой предметъ перенести въ философію или міровую мудрость.

Я уже обратилъ вниманіе, какъ объ этомъ говорятъ уже и самыя заглавія главныхъ философскихъ произведеній, что вся міровая мудрость вертится вокругъ вопроса, какъ просвѣтляется наша голова, какимъ образомъ она приходитъ къ истинѣ. Помощью спе-

ціальнихъ познаній—отвѣчаютъ естествоиспытатели и возстають часто противъ философскаго изслѣдованія, которое суммарно дѣлаеть своимъ объектомъ общую истину, антинативно къ нему настроены и смотрятъ на него сверху внизъ. Какъ это узко (и недостаточно), тебѣ станетъ ясно, если примешь во вниманіе, что, напримѣръ, машина или организмъ въ цѣломъ представляетъ собою нѣчто совсѣмъ другое, нежели простая сумма его частей.

Если ты и познаешь близко каждую отдѣльную часть, то этимъ ты далеко еще не познаешь разсматриваемую машину или организмъ. Вселенная вовсе не является простой кучей неорганическихъ частей, но представляетъ собою живой процессъ, который долженъ быть познанъ не только въ своихъ частяхъ, но и какъ цѣлое. Происходятъ ли изъ млечнаго пути звѣзды, изъ звѣздъ подобныя землѣ мировыя тѣла, на которыхъ развиваются растенія, животныя и разумныя существа, это пока оставимъ въ сторонѣ: оно подлѣжитъ еще изслѣдованію,—очевидно одно: что вообще происходить р а з в и т і е, которое совершается во всей природѣ, что міръ есть цѣлое, безъ конца, вытекающее изъ конечной частицы; появленіе и движеніе, вѣчное измѣненіе, всегда себѣ равное и являющееся и остающееся тѣмъ же самымъ міромъ. Чѣмъ было бы цѣлое безъ нашихъ глазъ и ушей и безъ интеллекта, помощью котораго мы употребляемъ наши глаза и уши, чѣмъ является міръ „въ себѣ“—размышлять объ этомъ было бы сплошь безсмысленной, излишней спекуляціей.

Наука логики должна имѣть дѣло лишь съ фактическимъ міромъ, который тѣсно связанъ съ нами и нашими мыслями.

Этотъ міръ, который мы слышимъ, видимъ и обобщаемъ, въ которомъ мы живемъ и дышемъ—есть міръ истины или истинный міръ. Это фактъ. Нужно ли его еще доказывать? И какъ тогда доказывается фактъ. какъ доказывается, что персикъ является драгоценнымъ фруктомъ? Берутъ и ѣдятъ его. Такъ и ты: иди и бери жизнь, разумѣется, въ смыслѣ пониманія,—и я убѣжденъ: твоя собственная жизнерадостность скажетъ тебѣ, что доказательство уже дано, что міръ есть истина и истинный міръ.

Посреди этого истиннаго міра находится странная вещь, человѣческая раса съ запутанной логикой. Эта послѣдняя позволила увлечь себя отдѣльными, мрачными, ипохондрическими моментами, для того, чтобы очернить драгоценную истину этого міра и пре-

выспреннимъ образомъ искать истину „въ трансцендентномъ видѣ“, въ философской метафизикѣ или религіозной фантастикѣ, что исходить изъ одного и того же тѣста. Въ противоположность чудаковатымъ мизантропамъ, которые міровую истину обращаютъ въ ничтожную видимость и жалкую юдоль,—необходимо, можетъ быть, еще и логически доказать, что живой міръ является истиннымъ и единственнымъ.

Это вовсе не трудно. Но мы здѣсь легко попадаемъ въ порочный кругъ; это змѣя, которая вѣчно кусаетъ свой собственный хвостъ. Я долженъ логически доказать, что міръ и истина суть одна и та же вещь, безъ того, чтобы быть освѣдомленнымъ о логической истинѣ или истинной логикѣ. И, однако, природа пришла намъ на помощь; естественная логика есть истинная логика, помощью которой мы въ состояніи понимать достаточно хорошо. Для этого требуется лишь мало-мальски открытая голова.

Представь себѣ двухъ людей, спорящихъ объ истинѣ. Одинъ говоритъ: это такъ; другой: это иначе. Итакъ, здѣсь спорятъ о томъ, что есть. Послѣднее слово „есть“ является формой глагола: „быть“. Если теперь спорятъ о томъ, является ли отдаленное отъ насъ туманное пятно кирпичемъ или кометой, женщиной или мужчиной, то вѣдь спорятъ только всегда о формѣ бытія. Всякій споръ всегда вертится вокругъ формъ бытія, само же бытіе остается неоспоримой истиной.

Долженъ ли я теперь еще показать, что всякое бытіе относится къ одной категоріи? Существуютъ ли камни, которые бы не относились къ категоріи камней, или существуютъ ли желѣзные деревья? Причемъ же будутъ разумъ и рѣчь, если можетъ идти рѣчь о подобныхъ вещахъ. И все же—существуетъ еще много фантастики.

Такъ какъ я до сихъ поръ убѣждалъ тебя, что истина—это вселенная, то теперь еще особенно остается одинъ вопросъ: гдѣ же находятъ себѣ мѣсто фантазмагоріи, заблужденія и ошибки. Если истиной является вселенная, то тогда все было бы истиннымъ, а это казалось бы сплошь противорѣчивымъ, а именно, что заблужденіе и ошибка могутъ найти себѣ мѣсто въ истинѣ или міровомъ пространствѣ. Объ этомъ прежде всего и будетъ у насъ рѣчь въ дальнѣйшемъ. Я хочу еще только, между прочимъ, указать, какъ безъ всякаго противорѣчія непогода относится къ погодѣ.

Въ заключеніе, я обращаю твое вниманіе на то, какой явно пролетарскій характеръ имѣеть ученіе объ истинѣ. Оно даетъ народу логическое право рѣшительно освободиться отъ всякаго поповства и всякаго мистицизма и искать своего спасенія въ этомъ мірѣ, гдѣ именно и живетъ божественная истина.

Седьмое письмо.

Филологи строго различаютъ между наукой о рѣчи вообще и наукой о нарѣчіяхъ (языкахъ). Эта послѣдняя изучаетъ египетскій, ассирійскій, еврейскій, греческій, латинскій, англійскій, французскій и друг. языки, между тѣмъ, какъ первая трактуетъ объ общеприсущемъ всѣмъ языкамъ, о языкѣ вообще.

Въ такомъ же соотношеніи находится философская логика къ другимъ наукамъ. Послѣднія учатъ насъ истинамъ, между тѣмъ какъ логика трактуетъ объ истинѣ вообще. Если существуютъ слишкомъ умные люди, которые говорятъ, что истина—это лишь собирательное слово для истинъ, то это такіе люди, которые изъ-за деревьевъ не видятъ лѣса. Гердеръ, Вильгельмъ Гумбольдтъ, Макс Мюллеръ, Штейталь, etc., всѣ авторитеты лингвистики могутъ очень многое сказать о филологической наукѣ, о которой ученымъ, свѣдущимъ во многихъ языкахъ, едва ли даже что-нибудь и мерщится.

Изслѣдованіе языка на ряду со многими другими полезными вопросами работаетъ также надъ очень трудной проблеммой, которую она не въ состояніи будетъ разрѣшить безъ логики. Оно изслѣдуетъ тотъ отличительный отправной пунктъ, гдѣ перестаетъ существовать гоготанье, болтовня, гуль и начинается осмысленная рѣчь. Правда, и человѣческая рѣчь очень часто справедливо получаетъ упреки въ безсмысленности. И все же каждая рѣчь имѣетъ смыслъ и также животныя вовсе ужъ не кричатъ такъ бессмысленно. Воробьи умѣютъ между собою говорить, пѣтухъ созываетъ вмѣстѣ всю свою куриную родню, и собака умѣетъ ясно сказать, когда чужой переступаетъ ея порогъ. Не только шутники, нѣтъ, серьезные изслѣдователи говорятъ о животной рѣчи, о рѣчи знаковъ, и увѣряютъ, что говорятъ не только словами, но и нечленораздѣльными звуками и жестами. А поэты даже заставляютъ говорить бурю, громъ и вѣтеръ. Изъ этой путаницы можно бы достаточно по-

умнѣть и ближе знать, что такое рѣчь и гдѣ она начинается. Языки—какъ извѣстно—возникли при вавилонскомъ столпотвореніи, но чтобы ближе понять рѣчь, необходимо искать начало вещи или въ Богѣ, или въ логикѣ.

Ты вѣдь знаешь вѣчно дразнящій вопросъ: что было вначалѣ, курица или яйцо. Но это вѣдь только фривольность, видящая въ этомъ вопросѣ лишь острогу, но не серьезное дѣло. Вопросъ о началѣ и концѣ есть, очевидно, логическій вопросъ, который помощью недвусмысленнаго яснаго отвѣта внесетъ свѣтъ не только въ рѣчь, но всеобщій свѣтъ въ человѣческую голову.

Пойдемъ поэтому еще немного далѣе въ проблеммѣ о „происхожденіи рѣчи“. По мнѣнію нашихъ предковъ относительно даннаго вопроса, рѣчь подарилъ намъ Богъ или ее избрѣлъ намъ геній. Ищутъ для рѣчи временнаго начала. Новѣйшіе изслѣдователи разсуждаютъ глубокомысленнѣе. Они замѣчаютъ, что рѣчь не представляетъ собою готовой вещи, но является текучей, измѣнчивой, вырастающей изъ грубыхъ началъ и возвышающейся до необыкновенной высоты. Какъ мало мы въ состояніи предвидѣть ея завершенный конецъ въ будущемъ, такъ же мало мы въ состояніи пайти ея исходный пунктъ въ прошломъ, откуда она взяла свое начало. Поэтому уже не ищутъ болѣе ея начала во времени, но въ понятіи (смотри Штейнталя). Желательно найти твердый опорный пунктъ тамъ, гдѣ мы вправѣ сказать, что до даннаго пункта все похожее на рѣчь, есть лишь шумъ, крикъ, гулъ, а съ даннаго пункта начинается членораздѣльный звукъ, который заслуживаетъ названія „высказаннаго слова“.

Загѣмъ, здѣсь имѣется еще болѣе запутывающій дѣло моментъ, а именно: это есть не только звукъ, слово, но и связное предложеніе; для рѣчи необходимъ смыслъ. Опъ необходимъ, какъ у говорящаго, такъ и слушающаго. Рѣчь предполагаетъ разсудокъ.

И загѣмъ, опять-таки, и интеллектъ представляетъ собою неопредѣленную вещь, а текучее становленіе, которое развивается въ рѣчи, помощью нея и изъ нея. Съ одной стороны, должно казаться, что какъ будто духъ производитъ рѣчь, а съ другой стороны, какъ будто, наоборотъ, рѣчь вызываетъ къ жизни духъ, разсудокъ. Гдѣ, такимъ образомъ, начало и конецъ и какъ найти порядокъ въ общей связи?

Для насъ здѣсь, преслѣдующихъ не рѣчь, а духъ, становится ясно, что не только слово, но и звуки, тоны и жесты, да и всѣ вещи имѣютъ смыслъ и ведутъ свой разговоръ. Мы всюду находимъ духъ, куда мы только ни приходимъ вмѣстѣ съ нашимъ духомъ. Не только рѣчь, но и міръ связанъ съ духомъ, съ идеей. А связность рѣчи достаточно годится, чтобы служить для насъ примѣромъ идейной связности міра и просвѣтить нашъ мозгъ.

Рѣчь заслуживаетъ не меньше духа чести, даже въ нашъ трезвый вѣкъ, быть если не обожествленнымъ, то все же возвышеннымъ высоко въ небо надъ общей связью простыхъ вещей. Поэтому о ней, какъ и раньше о духѣ, необходимо констатировать, что она существуетъ здѣсь (на землѣ) и составляетъ часть общаго безконечнаго бытія. Теперь я могъ бы тебѣ живо представить, какъ единство всякаго бытія настолько несомнѣнно ясно показано самимъ фактомъ, что достаточно одного имени, чтобы имъ обозначить вселенную. Правда, рѣчь употребляетъ для этого мірового единства очень много именъ; но это только роскошь. Необходимымъ же, логическимъ или для разсудка необходимымъ, является имѣть какое-либо одно имя для вселенной, ибо именно вселенная не только безконечно разнообразна, но и безконечно едина или является монистичнымъ. Безусловно существуютъ различныя воды; но также безспорно, что всякая вода обладаетъ общей природой воды. Чего нѣтъ у воды, то не является водою и не должно носить имени воды. Такъ, существуютъ многіе сорта масла: деревяннаго масла, каменнаго, сурьмнаго масла etc., изъ которыхъ каждый сортъ имѣетъ свои подъ-сорта; но что несетъ одно имя, является единствомъ.

Теперь я прошу замѣтить, какъ имена вещей образуютъ приблизительно такіе круги, какъ вода, послѣ того, какъ въ нее упалъ камень. Какъ имя воды, такъ и имя масла обозначаетъ кругъ, а имя жидкости представляетъ собой дальнѣйшій кругъ, заключающій въ себѣ масло и воду, и затѣмъ является имя матеріи и охватываетъ еще большій кругъ и заключаетъ въ себѣ твердое и жидкое, пока, наконецъ, бытіе или вселенная, духъ и матерія охватываетъ всѣ силы и матеріи, считая небо и адъ, въ одинъ кругъ, въ одно монистическое.

На основѣ этого универсальнаго единства, изъ котораго обнаруживается, что высокое и низменное, жидкое и твердое, короче,

вся вселенная состоитъ изъ одного вещества, каждый фантастъ можетъ вывести доказательство, что языкъ животныхъ и языкъ человѣческой—составляютъ одно, иначе нельзя было бы называть ихъ обоихъ именемъ языка; онъ вполнѣ справедливо можетъ утверждать, что рѣчь, въ силу того, что она звучитъ, есть шумъ, что рѣчь и шумъ—одно и то же. Рѣчь звучитъ и шумъ говоритъ. Такимъ-то образомъ, рѣчь не имѣла бы ни начала, ни конца; она стала бы въ концѣ концовъ единой со всѣми вещами и всѣ вещи стали бы едиными вмѣстѣ съ нею. Въ такомъ видѣ весь универсумъ обратился бы въ необъяснимую, непонятную, невыразимую разговорную кашу.

И все же это старая истина, что, если человѣкъ увеличиваетъ вещь, то увеличивается и его взглядъ на нее; чѣмъ безграничнѣе мы преувеличиваемъ вещь, тѣмъ яснѣе обнаруживаются ея границы. Рѣчь нуждается въ одномъ имени для вселенной; но также существуетъ нужда въ безконечно многихъ именахъ, чтобы специфицировать эту вселенную. Поскольку рѣчь стремится быть лишь частью бытія, постольку эта часть подлежитъ ограниченію, и ты особенно могъ бы обратить здѣсь вниманіе на то, какъ неограничена человѣческая свобода, чтобы установить такія границы. Слова не только суть пустыя слова, но имена для міровыхъ частей, для космическихъ волнообразныхъ круговъ. Рѣчь, или, скорѣе, связанный съ рѣчью духъ стремится помощьюъ рѣчи ограничить неограниченное. Инстинктивно мы это болѣе или менѣе и дѣлаемъ въ рѣчи; сознательная наука дѣлаетъ это точно. Какъ въ области температуры она установила, что называется холоднымъ, что теплымъ, такъ же она въ области звуковъ можетъ опредѣлить, гдѣ они начинаютъ и гдѣ кончаютъ носить имя рѣчи. Конецъ пѣсенки о рѣчи, такимъ образомъ, таковъ: что уже сдѣлано относительно опредѣленія лошадиной силы, того еще не сдѣлано въ отношеніи понятія рѣчи; само употребленіе языка дало ему нѣкоторое опредѣленіе, но недостаточно точное. И такимъ-то образомъ отсюда вытекаетъ та мораль, что вещи міра, какъ и духъ, и рѣчь, суть тѣсно связанныя и переходящія другъ въ друга волны одного потока, не имѣющаго ни начала, ни конца.

Позволь мнѣ еще разъ ясно и прямо сказать: логика, о которой я учу, и идея, служащая ея объектомъ, суть части міра, безконечнаго, и каждая часть, какъ частица безконечнаго, является также

безконечной частицей. Каждая частица прикосновенна къ безконечной природѣ цѣлаго. Итакъ, ты не долженъ ожидать того, чтобы я исчерпалъ свою безграничную тему. Я ограничиваюсь логической главой „о единичномъ и многомъ“. Я жаль бы только уяснить, какъ, безъ противорѣчія, все многообразіе бытія обладаетъ одной природой и какъ эта едино-природа расчленяется на многообразныя формы. Міръ связанъ и связь раздѣлена въ расчлененіяхъ. Все, что познается о рѣчи, о духѣ, о всѣхъ міровыхъ частяхъ—все это служить общему освѣщенію человѣческой головы.

Я повторяю: можно логически мыслить, прослушавъ лекціи по логикѣ, какъ можно выращивать картофель безъ агрикультурной учепости. Можно было изобрѣсть термометръ, точно различать цвѣта и звуки и сотни другихъ вещей, безъ предварительнаго изслѣдованія самой различительной способности; но абстрактныя различія, какъ начало и конецъ, слово и смыслъ, тѣло и душа, человѣкъ и животное, сила и матерія, истина и заблужденіе etc. предполагаютъ для своего освѣщенія, объясненіе относительно связи нашего интеллекта.

Восьмое письмо.

Милый Евгеній! Съ логикой дѣло обстоитъ такъ же, какъ и съ экономіей. Ученые экономисты капиталистической эры говорятъ единственно и только о средствахъ и путяхъ, какими взращивается прибыль или прибавочная цѣнность; они говорятъ только объ ея относительной величинѣ, лишь объ ея увеличеніи или уменьшеніи; но о самой вещи, о ея происхожденіи и появленіи—нѣтъ ни слова. Какъ прибыль выколачивается изъ рабочей силы, потому что платятъ за дневную работу меньше, нежели она произвела—объ этомъ скромно умалчиваютъ. Эти господа говорятъ лишь о „богатствахъ націй“, но не объ ихъ бѣдности. И если такое отношеніе является въ началѣ простой наивностью, то позже оно уже обращается въ сознательное плутовство.

Формальные логики также наивны, какъ и плуты, если они, въ указанномъ здѣсь смыслѣ, трактуютъ объ интеллектѣ или идеѣ, какъ объ изолированныхъ вещахъ и выключаютъ изъ логической дисциплины необходимую связь ея объекта съ истиннымъ, т. е. эмпирическимъ міромъ. Эта связь ведетъ къ освѣщенію истины и заблужденія, смысла и бессмыслія, Бога и идоловъ, что совсѣмъ

не кстати господамъ профессорамъ. Поэтому эту опасную штуку переносятъ въ мистическую область, въ метафизику и религію, чтобы тѣмъ самымъ эти старыя опоры государственной мудрости могли продолжать оказывать свои услуги.

Я уже объяснилъ тебѣ въ первыхъ письмахъ, что центральный пунктъ моей темы заключается въ различіи между формальной и— какъ мы говоримъ— пролетарской логикой. Формальные логики трактуютъ объ интеллектѣ, какъ о вещи „въ себѣ“, межъ тѣмъ какъ я переворачиваю вещь съ различнѣйшихъ сторонъ, чтобы показать, что она существуетъ не для себя, но въ связи со всѣмъ и вселенной.

Наша мысль разумѣется, обладаетъ мистической жилкой выключать изъ общей связи то музыку, то рѣчь, то самого себя, то какой-либо другой фетишъ. Наука о мыслительныхъ функціяхъ вѣдь учитъ, что голова, которая глядитъ внутрь себя, доставляетъ намъ опытъ, свидѣтельствующій о томъ, что всѣ положенія и противоположности, утверждѣнія и противорѣчія относятъ къ одному всемогущему автономно-міровому, который всѣхъ ихъ „вполнѣ содержитъ въ себѣ“ и который собственно и составляетъ всецѣло истину и жизнь. Поскольку человѣческая голова обладаетъ одной природой съ этимъ автономнымъ всеміровымъ бытіемъ и съ нимъ связана, постольку логика представляетъ собою сразу и религію, и метафизику, и міровую мудрость.

Формальная логика учитъ, что нашъ интеллектъ долженъ раздѣлять предметы, но не смѣшивать ихъ.

Она въ этомъ права, но все же она не достигаетъ цѣли яснаго міровоззрѣнія, ибо она допускаетъ превыспреннюю склонность преувеличивать значеніе различія и различенія. Она не понимаетъ парадоксальной и діалектической природы вещей, которыя существуютъ не только раздѣльно, но также и связно. Нужно понять, что—вообще говоря— расчлененіе міра есть лишь формальность. Мы въ правѣ раздѣлять на верхъ и низъ, лѣвое и правое, начало и конецъ, золото и жестъ, добро и зло, но мы также должны знать, что многообразіе также есть и единство, измѣняющееся—постоянно и постоянное—измѣнчиво. Формальная логика носитъ неправильное имя; она не формальна, но превыспренняя; она носится съ простымъ предразсудкомъ, что существуютъ исключаютія другъ друга вещи или противорѣчія, т. е. существенныя различія, которыя не имѣютъ межъ

собою никакой связи, никакого моста, никакой общности. Она учитъ, что противорѣчій не должно быть, и сама себѣ противорѣчить, когда она крѣпко держится вѣры, что существуютъ несоединимыя противорѣчія. Она учитъ, что то, что себѣ противорѣчитъ, не мыслимо, не истинно и этимъ она доказываетъ, что она плохо ориентирована относительно формальнаго характера противорѣчій, истинной непротиворѣчивости и универсальной истины. Золото—не жестъ—это достаточно истинно. Кто золото называетъ жестью, жестъ золотомъ—тотъ себѣ противорѣчитъ. Въ мірѣ истины оба существуютъ раздѣльно; но не настолько раздѣльно, чтобы золото и жестъ также не имѣли общей, именно, металлической, природы. Золото и жестъ суть разные металлы и все же обладаютъ металлической одинаковостью. Тотъ фактъ, что одинаковое различно и различное одинаково, что всюду рѣчь идетъ лишь о большемъ или меньшемъ, только о формальныхъ различіяхъ—этотъ фактъ не понять „формальной“ логикой, не понять всѣми, кто ищетъ истину въ какомъ-либо логическомъ шаблонѣ или фетишѣ, а не въ вѣчномъ, вездѣсущемъ бытіи единаго нераздѣльнаго міра.

Наша логика трактуетъ объ истинѣ или вселенной, которая содержитъ въ себѣ возвышеннѣйшихъ боговъ и низменнѣйшихъ дьяволовъ, такъ сказать, все во всемъ. Въ міровой истинѣ скрыты заблужденіе, видимость, ложь, какъ живетъ въ ней и смерть. Другими словами, заблужденіе, видимость, ложь, смерть суть лишь моменты, формальности, различныя маловажности или вещи, которыя не суть вещи, въ сравненіи съ одной вещью, т. е., вещью всѣхъ вещей, которая есть бытіе, истина и жизнь.

Что затрудняетъ познаніе единой живой міровой истины—такъ это такъ называемыя противорѣчія, въ ней живущія. Мы находимъ, напримѣръ, что гдѣ кончается одна вещь, начинается другая. Конецъ одного есть начало другого. Каждое начало является въ то же время и концомъ. Оба лежатъ другъ въ другѣ и все же умственно (въ понятіи) начало и конецъ лежатъ внѣ другъ друга. Мы находимъ начало и конецъ всюду и пидѣ. Но взглядишь въ міровое пространство: ты не видишь границъ и все же твой глазъ достигаетъ лишь до опредѣленнаго предѣла. Твое зрѣніе ограничено и все же нельзя видѣть границы. Или обсуди жизнь: вотъ наступаетъ смерть; а присматриваясь ближе, ты видишь, что смерть—это не смерть: „новая жизнь цвѣтетъ на развалинахъ“. Міръ обнаруживаетъ себя,

какъ вѣчная жизнь, которая не знаетъ смерти. Итакъ, тотъ фактъ, что смерть живетъ—представляетъ собою противорѣчіе; но противорѣчіе разрѣшимое, разрѣшающееся познаніемъ, что между смертью и жизнью,—если между ними и существуетъ важное,—то все же всегда лишь формальное различіе, различіе, которое, какъ и всѣ различія, низводится безконечной космической жизнью къ различію относительному или маловажному.

Существуетъ очень развѣтвленная школа—если это имя позволено въ отношеніи къ неученымъ,—которая въ отношеніи къ порядку нашихъ идей или освѣщенія нашего духа проповѣдуетъ терпѣніе—и если ужъ болѣе не надѣется на откровеніе свыше, то все же полагается на естественныя науки, которыя уже дали намъ такъ много и въ результатѣ должны будутъ распространить свѣтъ и на „последніе вопросы всякаго знанія“. Здѣсь мнѣ легко будетъ тебѣ доказать, что новыя страны, растенія, животныя и эскимосы, которыхъ открыли въ сѣверно-полярныхъ экспедиціяхъ, или пріобрѣтенія, которыя Эдиссонъ еще сдѣлаетъ въ области электричества или открытія, которыя будутъ сдѣланы будущими астрономами относительно солнца, лунъ и кометъ,—могутъ принести очень цѣнныя обогащенія въ наукѣ и жизни, но для правильнаго общаго обращенія нашего интеллекта или для общаго освѣщенія человѣческой головы дадутъ относительно лишь очень мало. Напротивъ, освѣщеніе того, что представляютъ собою противорѣчія, проливаетъ свѣтъ въ отдаленнѣйшіе уголки фантазіи, въ небо и въ вѣчность и уясняетъ бытіе цѣлаго, единство и различіе всѣхъ вещей.

Самый яркій и также самый поучительнѣйшій примѣръ истиннаго значенія противорѣчій данъ въ противоположности между истинной и заблужденіемъ. Оба эти полюса лежатъ другъ отъ друга еще дальше, нежели сѣверный и южный полюсы и все же они, какъ и эти послѣдніе, тѣсно связаны между собою. Отъ общераспространенной логики едва ли можно ожидать, чтобы она хотѣла демонстрировать для нея, повидимому, столь бессмысленное единство, какъ то, которое заключается въ истинѣ и заблужденіи. Поэтому ты извинишь, если я этотъ примѣръ объясню еще помощью другихъ противоположностей, хотя бы противоположностью между днемъ и ночью. Положимъ, что день продолжается двѣнадцать часовъ и ночь также—двѣнадцать часовъ. Здѣсь день и ночь суть противоположности; гдѣ день—тамъ нѣтъ ночи, и все же день и ночь предста-

вляють собою одинъ день изъ двадцати четырехъ часовъ, въ которомъ и день и ночь живутъ вмѣстѣ въ согласіи. Приблизительно такъ же дѣло обстоитъ и съ истиной и заблужденіемъ. Миръ есть истина—и заблужденіе, видимость и ложь заключающіяся въ ней, суть части истиннаго міра, какъ ночь составляетъ часть дня, вовсе не нарушая этимъ логики.

Мы съ полнымъ почтеніемъ можемъ трактовать о дѣйствительной видимости и истинной лжи, не впадая въ безсмысліе. Какъ неразуміе имѣетъ въ себѣ и разумъ, точно такъ же заблужденіе живетъ постоянно и неизбѣжно въ истинѣ, ибо послѣднее есть всеохватывающее, универсумъ.

„Противорѣчій не существуетъ“. Но упрямцы полныхъ противорѣчій все же дѣйствительно существуютъ. Ножи безъ рукоятки и клинка, двѣ горы безъ долины и тому подобныя безсмыслицы существуютъ въ фразѣ. Есть два рода противорѣчій: безсмысленныя и очень осмысленныя. Да, весь миръ есть безконечное и неисчерпаемое противорѣчіе, который всецѣло заключаетъ и содержитъ въ себѣ безчисленное число осмысленнѣйшихъ положеній и противоположностей, которыя не исчезаютъ и все же помощью времени и разума разрѣшаются въ гармоніи.

Отсюда, такимъ образомъ, вытекаетъ, что формальные критеріи истины, какими онѣ извѣстны всѣмъ: соответствіе идеи своему объекту и непротиворѣчивость,—что такія критеріи истины ничего не критеризируютъ и не опредѣляютъ или опредѣляютъ въ наивности и лукавствѣ,

Съ тѣхъ поръ, какъ пророкъ Даниилъ посыпалъ въ храмъ пепелъ и сорвалъ маску со служителей ваала, другіе служители боговъ продолжали принуждать народъ къ ежедневнымъ жертвамъ, чтобы красть по ночамъ принесенный провіантъ. Вѣчное плутовство и вѣчное срываніе ея маски притушило въ народѣ стремленіе къ служенію истинѣ, такъ что полавляющая часть остается фривольной и индифферентной. Логическое плутовство — о наивности не можетъ быть рѣчи—укрѣпляетъ фриволистовъ и индифферентовъ въ ихъ безбожномъ обращеніи съ истиной. На каедрѣ и подъ докторской шляпой оно проповѣдуетъ тщету и недостаточность изслѣдованія. Оно проповѣдуетъ это не какъ догму, но какъ логическую науку и создаетъ, такимъ образомъ, безсмысленное противорѣчіе, желая помощью интеллекта дѣйствительно показать, что интеллектъ

слишкомъ ограниченъ, чтобы образовать, постигнуть истину и показать ее.

Въ своемъ историческомъ развитіи логическое изслѣдованіе уже разъ и со всей подобающей серьезностью пришло къ такому результату и именно въ „Критикѣ разума“ Иммануила Канта. Наши завзятые мужи тьмы исходятъ изъ этой критики и используютъ славу этого произведенія, прибрѣтенную имъ своимъ великимъ участіемъ въ освѣщеніи міровой истины, чтобы, основываясь на такомъ авторитетѣ, не итти дальше кантовской точки зрѣнія.

Кантъ въ высшей степени ясно показалъ, что истина вообще такъ же эмпирична, какъ и голова, помощью которой мы ее изслѣдуемъ; онъ безспорно доказалъ, что наши глаза и уши нераздѣльно связаны съ духомъ и общей міровой истиной. Однако, упрямый духъ чрезмѣрности или—что то же самое—общераспространенная вѣра въ чрезмѣрный духъ соблазнила его (Канта) допустить рядомъ или надъ человѣческимъ духомъ, рядомъ или выше міровой истины непостижимый чудо-духъ и придать фантастической суперъ-истинѣ еще и мистическое существованіе.

Кантовская критика разума не поняла универсальности истины. Она установила два міра и двѣ истины безъ ихъ единства. И какъ проклятiе злого дѣла состоитъ въ томъ, что оно всегда порождаетъ зло, такъ и отсюда вытекаютъ два интеллекта: 1) бѣдный, маленькій, подчиненный разумъ человѣка и 2) чрезвычайный суперъ-нормальный духъ „Господа“, который долженъ постигать непостижимое и бессмысленнѣйшія противорѣчія лущить, точно орѣхи.

Истина, которая составляетъ универсумъ, космическая или универсальная истина дастъ тебѣ понять безсмысліе чрезмѣрной смиренности, содержащейся въ двойственномъ ученіи о двухъ духахъ. Навѣрное философъ Кантъ обладалъ высшимъ интеллектомъ, нежели Иванушка дуракъ; но все же любая категорія духа обладаетъ общей природой духа, ниже и выше котораго не можетъ быть никакой интеллигенціи, которая бы въ то же время сохраняла свое имя, смыслъ и разумность. Невозможно говорить о другой, высшей мыслительной способности, нежели извѣстная намъ изъ опыта, человѣческая, безъ того, чтобы не выйти изъ сферы логики и не впасть въ безсмысліе. Безъ сомнѣнія, животная порода обладаетъ чѣмъ-то подобнымъ интеллекту, безспорно также, что животный духъ можетъ быть отдѣленъ отъ человѣческаго духа особымъ име-

немъ, скажемъ, „истинкетомъ“; несомнѣнно, что нашъ разумъ помощью культуры отъ рода къ роду все возвышался и возвышался; но чтобы гдѣ-либо и когда-либо существовала понятіе-образовательная способность, которая бы стояла внѣ обще-міровой связи—такое мнѣніе является сплошь безмысленнымъ понятіемъ и неразумнымъ дѣломъ. Какъ необходимо всякая вода обладаетъ одной природой, природой мокроты, такъ же необходимо каждый интеллектъ и каждая мысль обладаетъ общей природой мысли и должна понятнымъ образомъ быть частью, опредѣленной частью единого, естественнаго, эмпирическаго міра.

Девятое письмо.

Repetitio, милый Евгеній, est mater studiorum! (Повтореніе—есть мать ученія!).

Логика должна учить тебя о томъ, какимъ образомъ ты долженъ употреблять свой интеллектъ—не только въ той или иной области, но и въ универсальной области истины—и ея результатъ тогда проявляется въ слѣдующемъ рецептѣ: при всякихъ условіяхъ и вещахъ ты никогда не долженъ упускать изъ вида общую связь.

Чтобы на чемъ нибудь иллюстрировать это положеніе, обращаю твое вниманіе на то, какъ во времена схоластики мышленіе проявляло себя безъ сознанія своей связи съ вѣншимъ міромъ, другими словами, какъ оно мудрствовало. Настоящій естественно-научный вѣкъ затѣмъ воспринялъ лучший методъ. Но этотъ естественно-научный методъ до сихъ поръ не могъ быть въ полномъ видѣ примѣненъ также и къ области права, морали, политики, психологіи, философіи, ибо именно недоставала логическая ясность о полной связности единой, нераздѣльной міровой истины, ибо понятіе истины находилось въ темнотѣ; а привилегированные классы были чрезвычайно заинтересованы въ этой темнотѣ.

Истинный методъ мышленія поэтому нуждается еще въ многостороннемъ освѣщеніи. Соціалисту, напримѣръ, бросаютъ упрекъ, что онъ возбуждаетъ народъ, онъ, дескать, общается болѣе, нежели онъ въ состояніи выполнить и поэтому вселяетъ въ человѣческой груди недовольство. Кто выражаетъ такое порицаніе въ обыденномъ смыслѣ, вырываетъ двѣ вещи, миръ и недовольство, изъ ихъ прирожденной связи. Фактически живетъ и должно жить

рядомъ съ довольствомъ и недовольство. Народъ, у котораго до-
вольство не смѣшано и не проникнуто недовольствомъ, былъ бы
празднымъ, тупымъ народомъ. Благодаря Богу и недовольству въ
груди, народы и обладаютъ стремленіемъ и подвижностью: движеніе
вѣдь—сущность міра, и нельзя себѣ представить подвижного міра
народовъ, гдѣ люди не были бы недовольны (требовательны). Ради
развитія и культуры, народы всегда должны домогаться большаго,
нежели они въ каждый данный моментъ въ состояніи приобрѣсти.
Съ другой стороны, одного домогательства недостаточно. Не слѣ-
дуетъ желать большаго, нежели можно вообще достигнуть, не
болѣе обѣщать, нежели можно дать. Поэтому логичный социалистъ
долженъ одновременно знать, что и въ будущемъ государствѣ де-
ревья будутъ расти не до самаго неба, что довольство, къ которому
мы стремимся и на которое надѣемся, всегда будетъ довольствомъ,
смѣшаннымъ съ недовольствомъ. Музыка будущаго, оставаясь гар-
моничной, какъ и музыка настоящаго, все же вѣчно будетъ испол-
нена и дисгармоній. Нѣтъ ничего совершеннаго въ мірѣ, ибо со-
вершененъ только цѣлый міръ, ибо совершенствомъ является только
сама вселенная, единственно она и только она.

Вѣчный миръ—въ этомъ военные люди правы—фантастиченъ,
если этотъ миръ представляютъ себѣ чрезмѣрно мирнымъ и раз-
дѣльно отъ недовольства. Но фантастичны также,—если еще не
хуже—сыны Марса, которые бы хотѣли увѣковѣчить грохотъ пу-
шекъ и шумъ сабель.

Вѣчна только—что для логика старой школы кажется грубо
безсмысленнымъ—война въ мирѣ и миръ въ войнѣ. Поэтому и пе-
избѣжная война съ дальнѣйшимъ развитіемъ должна становиться
все мирнѣе и человѣчнѣе. Варварская форма этой войны, въ ко-
торой пруссаки первые мастера, призвана существовать не вѣчно
или же тогда подъ вѣчностью необходимо разумѣть ту нелогичную
пасторскую вѣчность, которая откроетъ свои ворота лишь въ за-
гробной жизни.

Если я, такимъ образомъ, защищаю социальную войну, то знай,
что ни понятія, ни вещи, какъ война и миръ, не отдѣлены другъ
отъ друга китайской стѣной.

Все связано вмѣстѣ и заключается одно въ другомъ. Разумѣется,
можно слишкомъ преувеличить домогательство и подстрекательство,
какъ и смиренность; но я прошу принять во вниманіе, что пре-

увеличеніе всегда лишь касается чрезмѣрности, и порицаніе, слѣдовательно, должно относиться не къ самому подстрекательству, но къ чрезмѣрному подстрекательству. Когда партіи находятъ въ одной и той же груди логическую связность между миромъ и недовольствомъ—то споръ становится болѣе возможнымъ. Рѣчь тогда не идетъ болѣе о зіяющемъ различіи между домогательствомъ и довольствомъ, но о болѣе легко объединимомъ: какъ много того или другого.

Какъ война и миръ въ человѣческой груди, такъ совмѣстно протекаетъ вообще все многообразіе въ мировомъ единствѣ. Въ романѣ „*Nemo sum*“ („Человѣкъ есмь“) Эберса, анахоретъ Павелъ, который вкусилъ отъ преддверія небснаго блаженства, бичуя свое тѣло, говоритъ: я истинно вѣрю, что также трудно, здѣсь на землѣ, найти муки безъ радости, какъ и радости безъ мукъ. И уже Тилль Эйленшигель *) былъ діалектикомъ, когда отъ труда восхожденія на гору услаждался идеей о той легкости, съ которою онъ опять спустится съ другой стороны горы. Какъ мало бессмысленно то, что ночь принадлежитъ къ дню, или непогода—къ погодѣ,—такъ же мало бессмысленна та логика, которая учитъ, что всѣ вещи, даже и наипротивоположнѣйшія, суть одного вещества.

Чтобы эти маленькіе примѣры, однако, не затемнили смыслъ, необходимо указать, что рѣчь главнымъ образомъ идетъ объ освѣщеніи великаго противорѣчія между духомъ и тѣломъ, мышленіемъ и бытіемъ, которое заключаетъ въ себѣ всѣ менѣе великія противоположности и ихъ въ себѣ разрѣшаетъ (уничтожаетъ).

Чтобы мыслить въ истинной связности, ты ни одну изъ вещей не долженъ представлять себѣ самостоятельной, но все принимать лишь за текучее свойство единой субстанціи, которая является вещью всѣхъ вещей, миромъ, истиной и жизнью.

Наша логика, такимъ образомъ, является ученіемъ объ истинѣ. Истина находится не вверху, не внизу, не въ Іерусалимѣ и не въ Іерихонѣ, не въ духѣ и не въ тѣлѣ, а во всемъ, во вселенной; наша логика есть теорія познанія. Она учитъ, что мы обязаны искать познаній не мудрствованіемъ, но въ связи съ опытомъ, въ общей связи.

*) Извѣстный нѣмецъ шутъ, родившійся въ концѣ XIII столѣтія. *Пер.*

Такъ какъ человѣкъ вмѣстѣ съ опытомъ приобретаетъ также и заблужденія, то въ наукѣ цѣлыя столѣтія господствовалъ вопросъ: не являются ли истина и опытъ различными или даже, не является ли весь нашъ опытъ обманчивой игрой чувствъ. На это Картезіій отвѣтилъ: нѣтъ, вѣра въ наисовершеннѣйшую, наистиннѣйшую сущность не можетъ допустить такого обмана. Если мы теперь замѣнимъ понятіе бога понятіемъ истины, тогда мы опять увѣрены, что міръ опыта представляетъ собою не схему, а наистиннѣйшую дѣйствительность.

Хотя великій Кантъ и называлъ міровую истину лишь явленіемъ, ибо онъ не могъ освободиться отъ чрезмѣрной вѣры, вѣры въ чрезмѣрную истину,—то все же теперь мы знаемъ точно, что всякое различеніе, которое дѣлается, вертится вокругъ истиннаго универсальнаго единства. Какъ необходимо хлѣбъ и тортъ суть печеніе, такъ же необходимо небо и земли и все, что связано съ ними и въ нихъ, суть части единой, нераздѣльной истины, которая также называется природой, универсумомъ, божествомъ и опытомъ. Какъ счастливая мать называетъ свое драгоценное дитя то кошечкой, то сердечинкомъ, то ангелочкомъ, то тысячью другихъ именъ,—такъ и рѣчь трактуетъ о своемъ любимчикѣ, истинѣ, давая ей разнообразнѣйшія названія.

Правда, Фейербахъ аргументируетъ слѣдующимъ образомъ: „Разъ Богъ не представляетъ собою особой, личной, раздѣльно существующей отъ природы и людей, сущности, то онъ, такимъ образомъ, становится совершенно излишнимъ существомъ...“

Употребленіе слова: „Богъ, съ которымъ связывается всегда представленіе объ особенномъ, отличномъ существѣ, есть вредное и путанное злоупотребленіе. Почему хочешь ты, какъ натуралистъ, быть и теистомъ и, какъ теистъ, быть въ то же время и натуралистомъ? Долой съ этимъ противорѣчіемъ! Гдѣ Богъ отождествляется и смѣшивается съ природой или природа—съ Богомъ—тамъ нѣтъ ни Бога, ни природы, а мистическая, амѣбіозная, двуполая вещь“.

Фейербахъ правъ: именемъ Бога совершенно много злоупотребленій. Но мы клеветемъ на истину также и отрицаніемъ и фривольностью. Трезвое познаніе, что Богъ, истина и природа суть лишь разнообразныя имена для одной и той же вещи, даетъ возможность играть словами, не вводя въ заблужденіе относительно самой вещи. Игра словъ уясняетъ эту вещь.

Но одного желаетъ логика: ты долженъ познавать истину, какъ абсолютное, какъ „царство, силу и славу вовѣки“, которая (эта истина) охватываетъ всѣ логическія и нелогическія различія, вмѣстѣ съ различными вещами и, наконецъ, также и самую способность различія.

Такое познаніе абсолютнаго, такая міровая мудрость не сдѣлаетъ тебя высокоумѣннымъ оттого, что будешь сознавать, что твое познаніе познало истину, небесную, являющуюся въ то же время и земной, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Ты именно обладаешь только опредѣленіемъ истины. Не отрицая того, какъ важны и поучительны опредѣленія, я все же обращаю твое вниманіе на то, какъ мало ты, напримѣръ, знаешь объ астрономіи, если она извѣстна тебѣ, какъ наука о звѣздахъ. Если я и сдѣлалъ для тебя доступной и ясной истину, то все же для ея полного познанія нужны были бы детали, совокупность деталей всякой науки, что для меня и тебя да и для каждаго другого человѣка было бы не по силамъ.

Какъ наше зрѣніе никогда и нигдѣ не исчерпываетъ видимое, и глазъ, такимъ образомъ, видитъ свой объектъ, но не проникаетъ въ него, точно такъ же интеллектъ не въ состояніи узнать и исчерпать абсолютное все, истину или божество; но что мы узнаемъ и обосновываемъ—то суть живыя истины, части общей истины. То, что познаетъ познаніе, не является самой истиной и все же оно представляетъ собою истинное познаніе.

Десятое письмо.

Милый Евгеній! Мои предшествующія лекціи учили тебя очень тривиальному факту, что идея есть міровая часть. Если я здѣсь перешелъ отъ части къ цѣлому, то я логически и правомѣрно пришелъ отъ конечныхъ выводовъ къ ихъ источнику. Вселенная есть материнское гнѣздо, какъ всцей вообще, такъ и интеллекта въ частности.

Мнѣ приходитъ на умъ, что ты или какой-либо учитель обвинить мои логическія письма въ недостатокъ логики. Можетъ показаться, что этимъ изложеніямъ недостаетъ строгой диспозиціи въ распредѣленіи матеріала. Форма писемъ пусть отчасти смягчитъ это обвиненіе. Эта форма требуетъ, чтобы было упорядочено не

только все содержаніе, но чтобы и каждая часть была закончена вмѣстѣ съ каждымъ отдѣльнымъ письмомъ. Далѣе, извиненіемъ противъ укора въ приведенномъ недостаткѣ должно бы служить то, что моя тема не представляетъ собою чего-либо готоваго, въ опредѣленномъ видѣ перенедшаго ко мнѣ отъ другихъ; я здѣсь являюсь не только излагателемъ, но и изслѣдователемъ въ области, правда, очень много вентилированной, однако, всегда остающейся достаточно темной.

Заключеніе моего послѣдняго письма показало, какъ имя Бога является обозначеніемъ для вселенной, имѣющимъ свое за и противъ. Однако, легко узнать, что универсумъ со своими абсолютными свойствами близко родствененъ этому безконечному существу, о которомъ Яковъ Боеме, знаменитый философъ-сапожникъ, изъ Герлица, писалъ: „она (это существо)—ни свѣтъ, ни темнота, ни любовь, ни ненависть, а вѣчное единое... Тамъ всѣ силы составляютъ лишь единую силу“.

То положеніе, что внѣ вселенной ничто не существуетъ, или что во всемъ содержится все, всѣ реальныя и фантастическія существа, что вселенная есть все: но ни сладкое, ни кислое, ни великое, ни малое, а именно—все и каждое—это положеніе такъ же само собой понятно, какъ и такъ долго и такъ часто повторявшееся положеніе идентичности: $A = A$.

Вселенная—всемогуца, вездесуща и премудра. Послѣдній предикать можно было бы взять подъ сомнѣніе, ибо космосъ вѣдь не является пугаломъ, съ чудовищной головой и мозгомъ великана. Поэтому—то находили бы неподходящимъ придавать вселенной имя Бога, ибо это имя постоянно вызываетъ представленіе о личномъ властелинѣ. Вселенная вѣдь мыслить только посредствомъ человѣческой головы, и поэтому премудрость не можетъ быть ничѣмъ болѣе, какъ простымъ человѣческимъ знаніемъ. Безусловно, ты, я и всякій другой—мы всѣ очень ограничены въ своемъ знаніи; межъ тѣмъ, мы вѣдь питаемъ надежду, что то, чего не знаемъ мы, извѣстно другимъ и станетъ извѣстнымъ потомству—такъ что человѣчскій духъ знаетъ все, что можно знать. Все видимое мы не въ состояніи видѣть, ибо есть звѣри, имѣющіе лучшіе глаза. Но такъ какъ умнѣйшему животному совершенно отказано въ высшей степени интеллигенціи, въ разумъ и наукъ,—то кромѣ человечества нѣтъ никого, который бы что-нибудь зналъ; оно—всезнающее. Но

такъ какъ, однако, вся его наука черпается только изъ міра, то и само человѣчество является лишь формальнымъ носителемъ, само дѣло заключено въ источникѣ всѣхъ вещей, иначе сказать, въ вѣчной матери—природѣ.

Вся наша мудрость—это ея мудрость, это міровая мудрость, Если существуютъ обитатели луны и другихъ звѣздъ и они знаютъ о вещахъ, которыя намъ неизвѣстны, то это, во-первыхъ, до сихъ поръ еще только фантастическія идеи, о которыхъ не стоитъ и говорить, и, во-вторыхъ, ими ничуть не затрагивается универсальное всезнаніе или всезнающій универсумъ. Какъ, соотвѣтственно разумному разговору, естественная мокрая вода есть вода вообще, такъ и человѣческая мудрость есть единственная и вселенская мудрость. Я преклоняюсь передъ изреченіемъ Протагора: человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей. Кто гонится за другой мѣрой, тотъ гонится за псечеловѣческой, чрезмѣрной мѣрой.

Если я, такимъ образомъ, космическую совокупность всякаго бытія называю всемогущей, то ты не будешь представлять себѣ какое-то безсмысленное, чудесное могущество, которое куетъ ножи безъ рукоятки и клинка, и также мало, если я говорю о премудрости, ты придашь чрезмѣрный смыслъ такому способу выраженія.

Премудрость, очевидно, относится къ главѣ логики, ибо органъ знанія и мудрости является объектомъ, подлежащимъ изслѣдованію со стороны логики—и необходимо констатировать, что человѣческій духъ, насколько онъ превосходитъ духъ животный, настолько же онъ и — *non plus ultra* всѣхъ духовъ. Однако, я очень прошу принять во вниманіе, что этотъ духъ, все, чѣмъ онъ является, можетъ быть таковымъ лишь въ связи съ божественной вселенной, которую въ свою очередь да позволено будетъ назвать мірскимъ божествомъ. Это имя подходяще, ибо оно дастъ намъ пониманіе, что, во-первыхъ, никакой чудо-духъ не управляетъ міромъ, и, во-вторыхъ, естественная вселенная не представляетъ собою простой суммы всѣхъ вещей, а является истиной и жизнью.

Разумѣется, приравнваніе вселенной къ религіозному Богу Саваоу есть лишь сравненіе, а всѣ сравненія хромаютъ. Все же, можно солнце вполне удачно сравнивать съ вѣчной лампой или луну съ почвой свѣчей, или нѣмецкаго рейхсканцлера съ восточнымъ.

Логика должна учить тебя, что все, что различительная способность въ состояніи различать, относится къ одному и тому же роду, все—Петры и Иваны, но цѣлое неизмѣримо выше всякаго плебса. Недостаточно фривольнаго атеизма, развитаго представителями эпохи просвѣщенія. Сухое отрицаніе Бога всегда обнаруживаетъ опять какое-либо идолопоклонство. Для радикальнаго освобожденія себя отъ послѣдняго неизбѣжна необходимость позитивнаго познанія божественной міровой истины.

Логика должна начать съ возвышеннѣйшаго, безконечнаго или абсолютнаго. Всякое искусно направленное, т. е. связанное, мышленіе должно брать отсюда свое начало. Такъ называемое естественно научное изслѣдованіе о конечныхъ причинахъ, о яйцѣ, откуда вылутился цыпленокъ, о курицѣ, породившей яйцо, о родственныхъ организахъ, которые помощью подбора и приспособленія à la Дарвинъ развили курицу.—это безусловно цѣнные изслѣдованія, безъ которыхъ мы бы не были въ состояніи понять міровой процессъ; но все же такія познанія для мыслящаго человѣка недостаточны. Логика требуетъ, и требуетъ отъ каждаго, чтобы онъ изслѣдовалъ возвышеннѣйшее, причину всѣхъ причинъ. Кто имѣетъ потребность привести свое сознаніе въ логическій порядокъ, тотъ хочетъ и долженъ знать, какъ относятся и заключаются другъ въ другъ конечное и безконечное, относительное и абсолютное, спеціальныя истины и общая истина.

Логическое мышленіе въ той мѣрѣ, къ какой стремится наука, не означаетъ ничего болѣе, какъ познаніе послѣдней причины, абсолютной опоры на которую опирается всякая мысль. Эта опора есть вселенная, которая имѣетъ человѣческую голову, виѣшнюю и внутреннюю, какъ свою принадлежность. Тысячелѣтній споръ между матеріалистами и идеалистами ставитъ вопросъ: является ли духъ мірскимъ или, наоборотъ, міръ—духовнымъ. Нашъ отвѣтъ звучитъ твердо и ясно: оба связаны другъ съ другомъ, въ суммѣ составляютъ одну вещь и именно вещь всѣхъ вещей. Духъ и природа суть два атрибута одной субстанціи. Если ихъ раздѣляютъ, то они относятся другъ къ другу, какъ мясо и рыба, которая, по словамъ Лазаря Гейгера, африканскими народа называется вполне удачно „водянымъ мясомъ“. Итакъ, духъ и природа, мясо и рыба суть различнаго и въ то же время одного и того же рода.

Я вспоминаю изъ одного юмористическаго журнала слѣдующій

вопросъ: что такое рантьерь? Отвѣтъ: рантьеры—это жуиры съ деньгами, а жуиры—это рантьеры безъ денегъ. Какъ оба они по существу одинаковы и только различаются другъ отъ друга маленькимъ придаткомъ, деньгами,—такъ могъ бы я тебѣ объяснить, что и вообще не существуетъ никакихъ существенныхъ различій, но всякое различіе касается лишь атрибутовъ и одной абсолютной міровой субстанціи. Различіе именно является пунктомъ изъ пунктовъ, правильному употребленію котораго и должна обучать насъ логика. Различіе есть функція, для котораго познание, знаніе, пониманіе, постиженіе являются лишь разнообразными именами. Если ты примешь во вниманіе, что эта функція связана съ человѣкомъ, а человѣкъ вмѣстѣ со своей различительной способностью связанъ съ природой,—то ты познаешь всякое различіе и все различное, какъ придатки къ неразличающемуся единому, къ абсолютному, по отношенію къ которому всѣ вещи, напротивъ, являются лишь относительными вещами, иначе говоря, именно придатками.

Я стараюсь успѣть, что для правильнаго различенія прежде всего необходимо сознаніе о наивысочайшей общей природѣ. И объ этой суммѣ всего бытія ты не долженъ думать такъ туго механически, какъ думали до Дарвина о животномъ царствѣ, но долженъ міръ познавать, какъ живое органическое цѣлое, породившее на свѣтъ Божій все и вся, включая сюда и различительную способность. Но логикѣ философовъ, животные виды рѣзко раздѣлены между собою, безъ живой связи, межъ тѣмъ какъ Дарвиномъ научно показала единая сила и переходящая другъ въ друга жизнь въ многообразномъ твореніи. Открытіе великаго зоолога относительно измѣнчивости видовъ могло бы служить примѣромъ для логическаго міроваго теченія, въ которомъ всѣ различія суть лишь подвижныя волны. Въ основѣ всѣхъ нашихъ расчлененій должно всегда лежать нераздѣлимое единое.

Объ интеллектѣ доказано, что онъ высочайшую общую природу расчленяетъ, классифицируетъ или анализируетъ и объ общей природѣ, объ универсумѣ, мы узнали, что онъ доставляетъ интеллекту не только матеріаль для работы, но также и то, что міръ вмѣщаетъ дѣятельность интеллекта въ своей общей дѣятельности, какъ придатокъ, что такимъ образомъ, духовное движеніе является особымъ видомъ естественнаго движенія.

Міръ есть не только объектъ, но онъ также — и субъектъ познания, онъ познаетъ, онъ разлагаетъ помощью человѣческой головы свое собственное многообразіе. Наша мудрость является міровой мудростью въ двоякомъ смыслѣ: міръ есть то, что узнается, различается и анализируется, и міръ есть то, что вызываетъ помощью нашего интеллекта знаніе, различеніе etc. Если я, такимъ образомъ, человѣческій духъ называю мировымъ духомъ, духомъ высочайшаго, то я прошу замѣтить, какъ этимъ ровно ничего не мистифицируется, но должно лишь быть показано, что мышленіе или интеллектъ способенъ проявляться лишь въ общей міровой связи, что она не является вещью сверхъ нормальнаго, чрезмѣрнаго рода, а просто вещью, какъ и всякая другая вещь.

Ты не долженъ представлять собѣ духъ производителемъ истины, маленькимъ божкомъ, но лишь средствомъ. Истинный Богъ, божественная истина связана съ нашимъ интеллектомъ, какъ со своимъ предикатомъ. Интеллектъ производитъ не истину, а лишь познанія послѣдней; онъ производитъ лишь образы истины, которые лишь болѣе или менѣе точны. Безусловно, не одно и то же: получаемъ ли мы объ истинѣ болѣе или менѣе хорошій, истинный или ошибочный образъ, но это вѣдь, прежде всего, совершенно второстепенное обстоятельство. Главная суть для насъ здѣсь въ томъ, чтобы знать, что истина, естественная или природная истина, стоитъ неизмѣримо высоко надъ всѣми образами, и тѣмъ не менѣе состоитъ изъ частей, изъ отдѣльныхъ образовъ, въ суммѣ составляющихъ абсолютное цѣлое.

Одиннадцатое письмо.

Милый Евгений! Въ „Gartenlaube“ Юганъ Шерръ въ статьѣ „Магометъ и его дѣяніе“ рассказываетъ, что экзальтированные доктринеры пускались въ поиски за народомъ, абсолютно лишеннымъ всякой искры религіи. „Но это не удалось, хотя искра религіознаго чувства теплилась очень слабо у народныхъ племенъ, близко стоящихъ къ животному міру. А все таки — говорится далѣе — эти проявленія религіозной искры обозначаютъ предѣльную линію, гдѣ перестаетъ существовать животное и гдѣ начинается человѣкъ. Какъ на высокой ступени культуры, религія есть чувство единства конечнаго и безконечнаго — такъ вѣдь уже и на низкой и даже на

самой низкой культурной ступени она является темным стремлением человека приводить свою обособленность в связь и гармонию с общностью. Это идеализм, идеалистическая потребность. Очевидно, какъ день, что и почему народъ всюду и во все времена могъ искать и находить удовлетворение своей идеалистической потребности только в религии. При этомъ я долженъ, однако, замѣтить—остроумно замѣчаетъ этотъ хитрый наблюдатель—что я здѣсь подъ народомъ, само собой понятно, хочу разумѣть не такъ называемое неопредѣленное (измѣнчивое) народонаселение, которое—печально выговорить—совершенно освободилось отъ всякой связи съ природными отношеніями, а „осѣдлый, постоянный, настоящій народъ“.

Изъ этой цитаты явствуетъ, какъ защитникъ „настоящаго народа“ идетъ противъ настоящей логики. Гдѣ народонаселение расчленяютъ на осѣдлое и измѣнчивое, тамъ логическимъ образомъ въ основѣ лежитъ сознание, что все классы сливаются въ одинъ народный классъ; и далѣе, что человѣческій, обезьяній, муравьиный и другой народъ, снова, представляютъ собою части одного народа; пока, наконецъ, человѣкъ и животное, польза и вредъ, вмѣстѣ со всемъ религіознымъ и перелигіознымъ не сольются въ мировое единство и никогда не смогутъ стать свободными „отъ всякой связи съ природными отношеніями“.

Въ основѣ расчлененій должно логическимъ образомъ лежать сознание объ абсолютномъ универсальномъ единствѣ, объ общей связи всехъ вещей. Поэтому то благочестивые люди въ своемъ Богѣ, въ которомъ все живетъ, встаетъ и ползаетъ, имѣютъ больше логики, нежели извѣстные свободомыслящіе народы Юганна Шерра, которые не обладаютъ никакой связностью въ своемъ способѣ мышления. Вѣрующіе думаютъ логичнѣе, нежели вольнодумцы, они Богомъ начинаютъ и Богомъ кончаютъ. Но совершенно логично они не въ состояніи мыслить, ибо не могутъ привести въ истинную связь зло и чорта, болѣзнь, нищету и грѣхи, короче, печаль и тѣньность съ ихъ вѣчнымъ все—совершеннымъ Господомъ-Богомъ.

Единая природа, безконечное, является для логики квинтъ-эссенціей. Относительно этой вещи вещей не въ состояніи дать рѣшающаго заключенія ни естествознаніе (въ болѣе тѣсномъ смыслѣ) ни метафизика и формальная логика, а лишь ученіе о мышленіи,

познающее духъ и природу, всё противоположности и противорѣчія, какъ формальности все-единства.

Какъ могъ бы теперь себя чувствовать кто-либо, живущій въ натянутыхъ отношеніяхъ съ великой массой измѣнчиваго народонаселенія, также въ согласіи со всеобщимъ? Кто одинъ какой-либо классъ обращаетъ въ истинный народъ, не имѣетъ понятія ни о всеобщемъ народѣ, ни объ абсолютной всеобщности.

Пролетарская логика учитъ не только о равенствѣ всего того, что носитъ на себѣ человѣческой обликъ, но и объ универсальномъ равенствѣ, которое—я это подчеркиваю—такъ же мало противорѣчитъ различію, какъ разнообразные горшки и кувшины мало противорѣчатъ единству въ характерѣ сосуда, какъ разнообразные формы бределя и булки—единству характера печенія.

Если противники демократическаго развитія полемизируютъ противъ „свободы и равенства“, они ссылаются всегда на разнообразіе (неравенство) природы, на индивидуальность человѣка, на различіе между сильнымъ и слабымъ, мудрымъ и глупымъ, мужчинами и женщинами и видятъ тираннію въ уравненіи того, что природа сотворила разнообразнымъ (неравнымъ). Они не могутъ понять, что равное различно и различное—равно. Они застрѣваютъ въ классовой логикѣ, которая способна видѣть лишь разнообразіе (неравенство), но не единство (равенство), не взаимное претвореніе другъ въ друга всѣхъ классовъ.

Классовая логика учитъ, что то, что противорѣчитъ, не можетъ существовать; одна и та же вещь не можетъ быть въ одно и то же время настоящей (дѣйствительной) и не настоящей (недѣйствительной). Эта классовая логика имѣетъ ограниченное понятіе о бытіи, она только лишь замѣтила, что въ природѣ существуютъ многія вещи,—но, что, однако, во многихъ вещахъ также скрывается одна общая (родовая) природа—это ея острый взглядъ проглядѣлъ. Мы, напротивъ, познаемъ, что каждая вещь, каждая личность является частью безконечнаго міра и имѣетъ свое мѣсто въ его безконечной природѣ, что она вѣчна и преходяща, истинна и неистинна, велика и въ то же время ничтожна, не только одностороння, но и многообразна и, такимъ образомъ, значить—противорѣчива.

До и послѣ Сократа помощью философіи и религіи искали настоящаго, справедливаго, истиннаго, добраго и прекраснаго и долго не приходили къ согласованному результату. Однако, нельзя отри-

цать, что въ теченіе вѣковъ проблема изъ рода въ родъ становилась все яснѣе. Великіе имена Пифагора, Сократа, Платона, Аристотеля, Картерія, Спинозы, Лейбница, Канта, Гегеля составляютъ этапы на этомъ пути изслѣдованія.

Нельзя отрицать здѣсь развитія вообще, но очень плохо понимается связь между духовнымъ и тѣлеснымъ, особенно экономическимъ развитіемъ. Не умѣютъ найти моста между духомъ и тѣломъ— и до сихъ поръ еще философское развитіе разсматривается, какъ чистая духовная работа, которая совершалась какой-нибудь одной, двумя сотнями знаменитыхъ головъ. Тебѣ бы я могъ теперь пролетарскую логику представить, какъ продолженіе до сихъ поръ существовавшаго изслѣдованія настоящаго, истиннаго, добраго, прекраснаго; она учитъ, какъ эти идеалы должны быть мыслимы логически— и это ученіе возникло не изъ одной какой-либо данной головы, а создавалось общимъ міровымъ развитіемъ.

Философскія головы развили ученіе о логическомъ мышленіи лишь постольку, поскольку ихъ къ этому стимулировало (побуждало) матеріальное развитіе. Ты долженъ человѣчскія головы разсматривать лишь какъ второстепенные рычажки безконечнаго общаго рычага, который является не только настоящимъ, истиннымъ, добрымъ и прекраснымъ, но представляетъ собою самое истину, добро и красоту, міръ или абсолютное.

Познаніе абсолютнаго, которое называется то „господомъ-Богомъ“, то „безбожнымъ міромъ“, т. е. самосущимъ космосомъ— современная профессорская мудрость должна бы выбросить изъ логики и отвести ее въ особую дисциплину, которая носитъ названіе „метафизики“. Это раздѣленіе работы происходитъ не во имя большей продуктивности изслѣдованія, но имѣетъ цѣлью мистически затемнить метафизическую главу (изъ логики). Профессора, преподающіе учащемуся юношеству формальную логику, оставляютъ въ сторонѣ старое изслѣдованіе объ истинномъ, добромъ, прекрасномъ и хотятъ отстранить эти идеалы отъ свѣта науки, чтобы оставить ихъ неизмѣнными въ скиніи вѣры.

Такое обвиненіе кажется несправедливымъ, ибо ученые господа въ метафизическомъ отдѣлѣ оставляютъ мѣстечко истинному, доброму, прекрасному. Но тутъ имѣется загвоздка. Именно великій Кантъ прежде всего и довольно ясно поставилъ вопросъ: „возможна ли метафизика, какъ наука“? Отвѣтъ былъ: нѣтъ! Чрезмѣрная истина

etc., которую ищетъ метафизика и которая, по христіанскому обозначенію, называется Богомъ, свободой и безсмертіемъ—не можетъ быть найдена никакимъ разумомъ. Однако, какъ дитя времени, этотъ великій философъ сдѣлалъ чрезмѣрно маленькую уступку.

Онъ учитъ: Если и нельзя научно открыть чрезмѣрную истину, то этому можетъ помочь религіозная вѣра. Межъ тѣмъ, въ наши дни мы мыслимъ объ этомъ благовѣстїи освѣдомленнѣй и охотно соглашаемся съ выкидываніемъ изъ науки всякой чрезмѣрности. Въ то время, какъ глашатаи „настоящаго народа“ хотѣли бы спрятать истину, свободу и безсмертіе подъ церковный куполь, мы абсолютную истину, добро и красоту тѣлеснаго міра освѣщаемъ яркимъ дневнымъ свѣтомъ логики.

Логика, какъ ученіе о правильномъ мышленіи, не можетъ ограничиться однимъ, опредѣленнымъ объектомъ, она не можетъ исключить ни одного объекта, все равно: будетъ ли онъ по отношенію къ искусству мышленія надземнымъ или подземнымъ. Современныя величины нынѣшней учености стремятся не подчинить одинъ другому: интеллектъ, какъ объектъ логическаго и абсолютную истину, какъ объектъ метафизическаго изслѣдованія, а считаютъ ихъ самостоятельно существующими рядомъ другъ съ другомъ.

Однако, двѣ, рядомъ другъ съ другомъ стоящія вещи, которыя не подчинены высшему третьему—представляются нелогичными,—и голова, которая этимъ довольствуется, страдаетъ сумбуромъ. *Nolens volens* должна логическая истина быть частью абсолютнаго, истиной вообще,—и наша задача теперь вырвать послѣднюю изъ метафизики, изъ царства чрезмѣрности и ввести ее въ трезвый міръ, составляющій съ человѣческимъ духомъ нераздѣльное цѣлое.

Вотъ все, что я хотѣлъ сказать тебѣ о пролетарской задачѣ продолжать до- и послѣ-сократовское исканіе истиннаго, добраго и прекраснаго. Замѣть, однако, что, такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ объ истинно добромъ, прекрасномъ etc.,—то въ общей истинности содержатся всѣ истинныя спецификаціи. Вопросъ о нравственно-доброемъ, эстетически прекрасномъ и абсолютно совершенномъ такъ же необходимо содержится въ вопросѣ объ общей истинѣ, какъ красный, синій и зеленый цвѣта—въ радугѣ,—разумѣется, лишь въ абстракціи (*in abstracto*).

Наша логика, имѣющая своимъ объектомъ истину, міровую истину, есть ученіе о мышленіи, направленномъ на универсумъ, универ-

сальное ученіе о мышленіи или міровоззрѣніи. Она учитъ, что связь всѣхъ вещей и есть сама истина, жизнь, настоящее, справедливое, доброе и прекрасное. Все высокое, что возвышаетъ человѣческое сердце, все прелестное, что потрясаетъ человѣческую грудь—и есть міро-природа или вселенная. Но за всѣмъ тѣмъ всегда остается дразнящій вопросъ: что же дѣлать съ отрицательнымъ, низменнымъ, злымъ, куда отнести заблужденіе, обманчивость, неподвижность, болѣзнь, смерть и дьявола?

Да, міръ—преходящъ, полонъ зла и тщеты; но это вѣдь лишь акциденціальныя (случайныя) явленія, лишь формы и бахромы міра. Его вѣчность, истина, добро и красота субстанціальны, существенны и положительны. Его отрицательное—это темнота, которая служитъ для возвеличенія свѣта, покоряющаго эту темноту и тѣмъ, поэтому, ослѣпительнѣе блестящаго.

Такое высокое оптимистическое ученіе недоступно для защитниковъ господствующихъ классовъ, но у нихъ существуетъ какъ разъ обратная, пессимистическая, склонность увѣковѣчивать нищету и рабство.

Двѣнадцатое письмо.

Логика, ученіе о правильномъ мышленіи, стремится прежде всего мыслить сообразованное съ истиной, т. е. сообразованное съ разумомъ. Логика трактуетъ о разумѣ и истинѣ.

Обоимъ имъ приписали мистическую природу, между тѣмъ какъ они находятся въ ясномъ свѣтѣ общей связи съ совокупнымъ міромъ и его осязаемостью. Разумъ и истина не являются отдѣленными отъ остальныхъ вещами, они не суть вещи въ себѣ. Такой вещи (въ себѣ) вообще не существуетъ. Философы, которые искали ее съ закрытыми глазами, помощью копанія въ глубинахъ человѣческой головы, были на ошибочномъ пути. Пролетарская логика отличается отъ господствующей тѣмъ, что она истину и разумъ ищетъ и находитъ не подъ сводомъ храмовъ, также и не въ головахъ ученыхъ, а въ живой обще-міровой связи.

Пасторы, профессора, земскіе судьи и бургомистры суть главные столпы, и такъ какъ мы вмѣстѣ съ ними, подъ ихъ вліяніемъ, провели въ томъ или иномъ состояніи свою юность, то намъ очень трудно вырваться изъ подъ вліянія традиціонной логики этихъ господъ.

Нашимъ лучшимъ пониманіемъ мы во многомъ обязаны фило-софскимъ знаменитостямъ. Эти послѣдніе имѣли многія чрезмѣрныя понятія, но въ общемъ все же были разумными людьми, которые слѣдовали ученію объ обманчивости чувствъ и вѣрѣ въ скрытый разумъ и истину болѣе въ теоріи, нежели на дѣлѣ. Въ практикѣ они дѣйствовали съ открытыми глазами и ушами. Такимъ то образомъ правильная логика, хотя и смѣшанная съ закорючками, передавалась отъ поколѣнія къ поколѣнію и перешла къ намъ въ своемъ настоящемъ видѣ. Пасторъ, профессоръ, земскій судья, бургомистръ и филистеры все еще не могутъ отдѣлаться отъ этихъ странностей, между тѣмъ какъ мы въ состояніи совершенно освободиться отъ нихъ.

Мы познаемъ теперь не только то, что разумъ и истина связаны съ міромъ, а также и то, что міровое цѣлое есть высочайшій разумъ и высочайшая истина, или высочайшая сущность, которую такъ долго искали религія и философія,—всесовершеннѣйшая сущность; сущность, названная Платономъ истиннымъ, добрымъ и прекраснымъ, Кантомъ—Богомъ, свободой и безсмертіемъ, Гегелемъ—абсолютнымъ.

Если тотъ, кто отрицаетъ возможность найти совершенство въ единичномъ—есть атеистъ, то я—атеистъ, но если подъ вѣрованіемъ въ Бога разумѣется вѣра въ „всесовершеннѣйшую сущность“, которую занимались не только теологи, но также и Картезий и Спиноза—тогда я принадлежу къ благочестивѣйшимъ сынамъ Божиимъ.

Крикливость возвышенныхъ чувствъ и высокопарныхъ словъ наполнила многія сердца такимъ отвращеніемъ, что эти послѣднія не могутъ слышать болѣе елейныхъ рѣчей. Что пахнетъ религіей—уже вызываетъ отвращеніе. Между тѣмъ, я долженъ увѣрить тебя, что мы не перестаемъ поклоняться идоламъ, пока мы ясно не познаемъ въ себѣ, въ своей собственной личности—выражаясь фигурально—высочайшее, т. е. разумъ и истину.

„Познавать“—это мистическое слово. Стремленіе внести ясность въ мистику познанія, именно, ясную теорію познанія—совпадаетъ съ логикой, съ ученіемъ объ искусствѣ мышленія.

Позволь мнѣ сравнить познавательную способность съ фотографическимъ аппаратомъ, помощью котораго ты намѣреваешься получить отраженіе міровой истины. Здѣсь ты ясно видишь, какъ отъ

этого объекта можно воспринять лишь туманное отраженіе. Предметъ является слишкомъ безграничнымъ, слишкомъ бесконечно-великимъ и возвышеннымъ, чтобы онъ могъ быть скопированъ въ точности. А все-таки онъ доступенъ воспроизведенію. Если мы и не въ состояніи дать ясную картину міровой истины, то мы все же въ состояніи сдѣлать живыми истинно-міровыя картины, это значитъ, что мы можемъ воспроизводить (копировать) бесконечное частично. Своимъ интеллектомъ ты въ состояніи охватить бесконечность лишь помощью ограниченій.

Абсолютная истина дается намъ въ относительныхъ явленіяхъ. Совершенная сущность составлена изъ несовершенныхъ частей. Филистерамъ это положеніе можетъ показаться бессмысленнымъ противорѣчіемъ. Но вѣдь: руки и ноги, голова и туловище, взятая каждая отдѣльно, представляютъ собою мертвую часть тѣла и все же въ общей связи являются вполне живыми. Изъ мертвыхъ частей составлена жизнь; изъ несовершенныхъ частей — наилучшее существо. Въ міровой истинѣ содержится все; она есть совершенное бытіе, содержитъ въ себѣ въ совершенномъ видѣ совокупное бытіе, какъ и все несовершенное. Ложное, пустое, злое и низкое скрыто въ истинномъ, добромъ, прекрасномъ. Совокупное бытіе, являющееся абсолютной истиной, составлено изъ относительнаго, цѣлое—изъ частей, явленій или видимостей. И также наше познаніе или нашъ мыслительный аппаратъ представляетъ собою несовершенную часть совершенной сущности. Отъ этого абсолютнаго онъ снимаетъ лишь сумеречный, неполный портретъ, со всѣхъ частей міровой истины все же получаетъ вѣрныя отраженія, разумѣется, лишь отраженія, — но вѣрныя.

Существуютъ добрыя и злыя, точныя и неточныя, истинныя и ошибочныя идеи и познанія; но нѣтъ абсолютно точнаго. Всѣ понятія и представленія суть несовершенныя отраженія все совершеннѣйшей міровой сущности, которая неисчерпаема, какъ въ великомъ, такъ и въ маломъ, въ цѣломъ, какъ и во всѣхъ своихъ частяхъ. Каждая часть природы есть естественная часть неограниченнаго.

И повторяю: всѣ части или вещи міра обладаютъ, наряду съ несовершенной частичной природой, также и мировой природой абсолютной сущности; онѣ суть несовершенныя совершенства. Нашъ интеллектъ не составляетъ исключенія. Человѣческій духъ есть

единственный духъ, носящій названіе разума, и онъ является совершеннѣйшимъ разумомъ, который только можетъ существовать; совершенно въ такомъ же родѣ, какъ земная вода есть non plus ultra всякой воды. Вѣра въ какой-либо иначе организованный разумъ, въ чудо-духъ, относится какъ и вѣра въ какую-то небесную воду, которая, не обладая свойствомъ воды, должна омывать гору Сионъ — къ одной и той же превысшенной категоріи. И совершеннѣйшій духъ есть ничто и имѣетъ быть не чѣмъ инымъ, какъ несовершенной частью абсолютной міровой сущности.

Если изучающему искусство мышленія прежде всего предстоитъ научиться различать истинныя идеи отъ ошибочныхъ, то прежде всего онъ долженъ быть наученъ тому, чтобы не преувеличивать различій. Всѣ различія существуютъ лишь относительно. Самыя скверныя и самыя удачныя отраженія относятся къ одному роду, а всѣ роды, въ концѣ концовъ, сливаются въ одинъ абсолютный родъ и суть индивидуумы все-единого.

Чтобы различить между идеями истинными и ошибочными, прими во вниманіе слѣдующее: истинная идея есть лишь частица истины и именно частица, которая не возвышается надъ абсолютнымъ, а ему подчиняется. Къ уясненію сказаннаго можетъ послужить слѣдующій примѣръ.

Если астрономія учитъ, что земля ежедневно движется вокругъ своей оси, а солнце остается неподвижнымъ, то все же понятно, что неподвижное состояніе солнца есть лишь относительная истина, такъ что, рассматривая съ высшей точки зрѣнія, окажется, что солнце движется вмѣстѣ съ землей. Сознаніе ея (т. е. истины) относительнаго значенія впервые дѣлаетъ правдивымъ ученіе о неподвижномъ состояніи солнца. Наоборотъ, если крестьянинъ видитъ, что земля остается неподвижной, а солнце каждый день вращается съ востока на западъ — то онъ лишь постольку ошибается, поскольку онъ свой собственный кругозоръ считаетъ за цѣлую истину, свою крестьянскую точку зрѣнія принимаетъ за абсолютную точку зрѣнія. Лишь познаніе абсолютнаго даетъ тебѣ впервые возможность основательно различать и познавать различіе между истиной и заблужденіемъ. Кто видитъ, что солнце вращается вокругъ земли съ сознаніемъ, что это круго-вращеніе есть лишь часть истины, не дѣлаетъ никакой ошибки, а видитъ очень правдиво. Знаніе абсолютной истины знакомитъ насъ съ характеромъ заблу-

жденія и съ методомъ истиннаго образа мышленія; а послѣдній, благодаря такому знанію, становится въ своихъ сужденіяхъ опытнымъ, смиреннымъ и терпимымъ.

„Мудрѣйшій изъ людей“ считалъ въ своей скромности, что знаетъ только одно: а именно, что онъ ничего не знаетъ. Можно и теперь еще ставить его въ примѣръ. Хотя мы по настоящее время и научились очень многому, но въ отношеніи къ неисчерпаемому источнику всякой мудрости, въ отношеніи доброй матери-природы мы тоже знаемъ только то, что мы ничего не знаемъ. Мы изучаемъ каждый день и ничего въ этомъ изученіи не кончаемъ. Что дѣлало честь Сократу, такъ это его непоколебимая вѣра въ истину, его убѣжденіе въ ея бытіи, и его вѣра и его убѣжденіе въ призваніи человѣческаго интеллекта къ правдивому изслѣдованію.

Напротивъ, софисты спорили и оспаривали все и каждое; они фривольно ставили себя выше всякой истины и изслѣдованія. Эта же фривольность опирается нынѣ на Канта, который, плѣненный вліяніемъ своего времени, перенесъ истину въ недоступный познанію міръ и нашъ истинный міръ назвалъ „міромъ явленій“. Въ противоположность этому, наша логика учитъ, что мірскія явленія суть, безъ исключенія, части одной, настоящей истины и частичное изслѣдованіе есть истинный методъ познанія.

Ученіе софистовъ, что все подлежитъ сомнѣнію и оспариванію, имѣетъ нѣкоторое сходство съ нашимъ, которое говоритъ, что все-ленная есть истина и всѣ части суть истинныя части, такимъ образомъ, дымъ и туманъ, разсудокъ и фантазія, самое вздорное и реальное, субъектъ и объектъ суть истинныя расчлененія міра—суть не истина и все же они истины. Поэтому-то необходимо обратить вниманіе на различіе между софистическимъ и логическимъ методами мышленія. Современники Сократа живутъ еще и теперь; они учатъ о Богѣ и не вѣрятъ ни во что, межъ тѣмъ какъ для насъ истина, повседневная, обнаженная, трезвая — свята.

Тринадцатое письмо.

Въ своихъ „Трехъ книгахъ о душѣ“ Аристотель съ большими трудностями трактовалъ вопросъ, обладаетъ ли душа пятью чувствами, болѣе пяти или вовсе обладаетъ только однимъ

чувствомъ. Комментаторъ Г. Х. ф. Кирхманъ, издатель „философской библіотеки“, утверждаетъ въ одномъ примѣчаніи (№ 172), что человѣкъ обладаетъ шестью чувствами. Онъ разлагаетъ ощущеніе на чистое и дѣятельное (воспринимающее). Способъ выраженія пяти чувствъ относится, соотвѣтственно этому, къ той же самой рубрикѣ, къ которой относятся старыя четыре элемента. Но пусть ни тебя, ни меня, ни посторонняго читателя не заботитъ вопросъ: должна ли всякая чувственность объединяться въ одно чувство, или, по Аристотелю, существуетъ ли пять чувствъ или, по Кирхману, — шесть чувствъ, или вовсе недостаетъ седьмого чувства для недоступнаго изслѣдованію, и котораго органъ, какъ надѣются сангвиники, съ теченіемъ времени растетъ въ человѣческомъ родѣ по мѣрѣ его совершенствованія. Намъ здѣсь это дѣло интересуется лишь постольку, поскольку оно связано съ логическимъ кардинальнымъ вопросомъ: представляетъ ли весь міръ лишь одну вещь, или же собраніе безконечно многихъ вещей; являются ли такъ называемыя вещи независимыми субъектами и объектами или всѣ онѣ суть лишь предикаты одного міросубъекта.

Я вижу черезъ окно рѣку, улицу, мостъ, дома и деревья. Каждое является вещью для себя и все же нераздѣльно и связано между собой. Свойства міра трактуются интеллектомъ, какъ субъекты; но интеллигентный (интеллектуальный) субъектъ долженъ также знать, что его дѣятельность и побужденіе, его различеніе и познание является лишь формальностью, формальнымъ разрываніемъ на части абсолютнаго, которое, не смотря на всѣ расчлененія, остается постоянно нераздѣльнымъ цѣлымъ.

Чтобы стать опытнымъ въ искусствѣ мышленія, ты долженъ прежде всего понять, что вещи суть лишь такъ называемыя вещи, а на дѣлѣ же онѣ являются міровыми свойствами, иначе говоря, относительными вещами или предикатами абсолютнаго. Ты тогда поймешь, какъ наши мышленіе и рѣчь вправѣ изъ скамьи, ея спинки, ея сидѣнья и изъ четырехъ ея ножекъ сдѣлать одну вещь, какъ и шесть вещей. Ты познаешь, что пять чувствъ Аристотеля соотвѣтствуютъ не вѣчной истинѣ, но расчлененію, которое вѣчно измѣнчиво. Различать значитъ расчленять.

Я очень хорошо знаю, что я высказалъ здѣсь одно великое слово, болѣе точная мотивировка котораго—дѣло не столь легкое.

Ты поэтому не долженъ ожидать, чтобы я сейчасъ же объяснился на этотъ счетъ нѣсколькими фразами. Этому мѣшаетъ не только общераспространенный предрасудокъ, который функцію интеллекта (различенія, познаванія, пониманія, постиженія, — представляющія различныя наименованія для одной и той же интеллектуальной функціи) превращаетъ въ мистическую и чудодѣйственную вещь міра, — но и на самомъ дѣлѣ эта вещь, если и стала съ теченіемъ времени яснѣе, все же остается еще достаточно темной.

Свободомыслящій проповѣдникъ Иеронимъ пишетъ объ этомъ слѣдующее: „Извѣстнѣйшіе естествоиспытатели современности, какъ Дюбуа-Реймонъ, которые въ то же время являются и мыслителями, признали уже, что они не знаютъ, что такое оцущеніе, жизнь и самосознаніе и какимъ образомъ все это возникаетъ. И это познаніе является для истины и религіи безконечно цѣпнѣе, нежели ошибочное знаніе. Итакъ, мы можемъ сохранить и впредь свое благоговѣніе, съ которымъ мы до сихъ поръ дивились міру, разсматривали и постигали его...

Высшее бытіе, самосознаніе ее объяснено, такимъ образомъ, они остаются чудомъ, единственнымъ, пребывающимъ, абсолютнымъ чудомъ“.

Такъ говоритъ поэтъ, по отношенію къ природѣ являющійся невѣждой и превратившій удивленіе и вѣру въ чудеса въ свое ремесло, — межъ тѣмъ какъ у насъ рѣчь идетъ о пониманіи и знаніи. Мы хотимъ обмирщить мистику и поэтому — то и долженъ еще и еще писать письма о логикѣ, а тебѣ — придется еще болѣе и болѣе изучать ихъ.

Я попробую показать на одномъ тривіальномъ примѣрѣ, въ какой степени пониманіе или различеніе покоятся на расчлененіи.

Предположимъ, ты просыпаешься при занимающихся сумеркахъ и замѣчаешь въ углу твоей спальни что-то чужое — движущееся, не будучи въ состояніи различить, что именно движется. Знать, что явленіе является, недостаточно, ибо подъ понятіемъ „явленіе“ разумѣется именно все, всѣ естественныя и неестественныя вещи, всѣ добрыя и злыя духи. Также, если ты настолько просвѣщенъ, чтобы знать, что странное (вопросительное) можетъ быть лишь чѣмъ-нибудь естественнымъ — то этимъ также еще слишкомъ мало достигнуто, ибо „природа“ опять-таки есть лишь другое слово для всего. Напротивъ, дѣло становится болѣе объясненнымъ и узаннымъ, какъ

скоро ты открываешь: является ли это странное движеніе мертвымъ или живымъ, обоими или одеждой, человѣкомъ или животнымъ—и въ этомъ ты найдешь, что здѣсь при этомъ духовномъ объясненіи рѣчь идетъ лишь о классификаціи, о рубрикѣ, къ какой относится данная тайна. Распредѣлять явленія истины и жизни по рубрикамъ, значитъ: познавать, значитъ: употреблять интеллектъ и тѣмъ самымъ просвѣщать свою голову.

Однако, теперь остается оцѣнить, какъ далеко можемъ мы итти въ этой спецификаціи, чтобы находить рубрику, вносящую въ познаніе полную ясность и опредѣленность. Предположимъ, что ты бы въ данномъ случаѣ узналъ, что движеніе произведено кошкой — этимъ изслѣдующая способность объясненія все еще не достигла конца. Она спрашиваетъ, домашняя ли это кошка или сосѣдняя, черная, бѣлая или сѣрая, молодая или старая? И если тогда, наконецъ, навѣрное узнаешь, что это свой котъ Васька — то слѣдуетъ принять во вниманіе, что какъ субъектъ, который познаетъ, такъ и познанный объектъ, какъ части абсолютнаго, суть также абсолютныя безконечно детализированныя части, которыхъ никогда нельзя вполне познать, вполне исчерпать.

Замѣть, что, если рѣчь и идетъ о чуждомъ предметѣ, то все же не о Васькѣ или Пашкѣ, но объ интеллектѣ, который мы хотимъ познать, чтобы быть въ состояніи затѣмъ правильно его употреблять и котораго я долженъ назвать чуждымъ (страннымъ) потому, что онъ своему познанію противопоставляетъ такія затрудненія. Если я въ предыдущемъ письмѣ сравнилъ его съ фотографическимъ аппаратомъ, который стремится дать намъ отраженіе, а теперь представляю его въ видѣ инструмента, имѣющаго цѣлью помощью расчлененія различать вещи, — то это не должно вводить тебя въ заблужденіе. Классификація есть существеннѣйшее вспомогательное средство, помощью котораго и создаются интеллектуальныя свѣтвыя картины. Я еще разъ напираю на часто мною повторяемое указаніе, что, какъ и другія вещи, такъ и познавательная способность, не являются вещами въ себѣ и для себя, а чѣмъ то лишь въ общей міровой связи. Познаніе, что приведенное выше, какъ примѣръ, явленіе относится къ категоріи котовъ и къ рубрикѣ, спеціально обозначаемой именемъ Васьки — не было бы вовсе познаніемъ, если бы тебѣ изъ прошедшаго не была бы извѣстна по-

жирающая мышей порода и ея находящійся подъ разсмотрѣніемъ экземпляръ. Лишь въ связи съ твоимъ прежнимъ знакомствомъ твое разсмотрѣніе: представляется ли котъ и названное странное движеніе однимъ и тѣмъ же существомъ или относятся ли они къ одной и той же рубрикѣ—составляетъ истинное объясненіе, познание и пониманіе.

Людвигъ Фейербахъ говоритъ: одаренный писатель виденъ въ томъ, что онъ предполагаетъ умъ и въ читателѣ и не разжевываетъ свою тему до ничтожнаго, какъ педантичный школьный учитель. Однако, мнѣ кажется, можно здѣсь предположить черезчуръ ужъ много, — и на этотъ разъ я поступалъ магистерски съ предвзятой мыслью, что излагаемый мною предметъ тебѣ новъ и заставляетъ тебя много думать.

Въ своемъ повседнежномъ примѣрѣ я хотѣлъ показать тебѣ, что такое разсмотрѣніе и познание, какъ помощью нихъ чуждое, странное, становится извѣстнымъ, понятнымъ. Разумѣется, духовный лучъ зажигается на давно извѣстномъ, а ты ищешь новыхъ познаній; ты хочешь знать, какъ возникаетъ этотъ свѣтъ, чтобы добыть этимъ болѣе, добыть нѣчто новое. Однако, всякая новизна имѣетъ діалектической хвостъ, который представляетъ эту новизну, какъ нѣчто старое (извѣстное). Новыя познанія добываются лишь помощью старыхъ. Это значитъ, что старое и новое познание, которое я пытаюсь выдавать за классифицирующую способность—существуютъ лишь въ связи съ общимъ бытіемъ.

Ты долженъ отдѣлаться отъ общераспространеннаго предразсудка, что знанія собираются, какъ гроши. Хотя и это можетъ быть полезнымъ, однако, оно недостаточно для искусно направляемаго мышленія. Одно знаніе связано съ другимъ, а все вмѣстѣ въ свою очередь, вмѣстѣ съ общимъ бытіемъ составляютъ одинъ классъ. Тогда, вѣдь, станеть ясно, что въ твоей ранней юности, твои знанія возникли не сразу, но выросли изъ безсознательнаго. И это же самое относится не только къ тебѣ, но и ко всему человѣческому роду: въ своей колыбели этотъ послѣдній не обладалъ интеллектомъ. Но, разумѣется, онъ имѣлъ въ своей колыбели способность къ развитію интеллекта. Но не обладаютъ ли этой способностью также и животныя и черви и чувствующія растенія? Словомъ, свѣтъ знанія и познанія не представляетъ собою чего-либо новаго въ чрезмѣрномъ смыслѣ слова, а связанъ со старымъ

и всѣмъ міромъ и относится вмѣстѣ съ послѣдними къ одному и тому же роду. Всѣ наши знанія должны быть связаны вмѣстѣ—и составлять одно познаніе, одну систему, одно царство, а именно, царство дѣйствительности, истины и жизни.

Расчлененіе, правильное расчлененіе — вотъ предметъ логики или искусства мышленія. Сюда въ первой инстанціи относится пробужденное сознаніе о нераздѣлимомъ цѣломъ (вселенной), объ универсумѣ и его универсальномъ единствѣ. Это сознаніе, другимъ словомъ, означаетъ сознаніе о формальномъ лишь значеніи всякаго научнаго дѣленія.

Единство всего міра истинно, и это истина простая и единственная. Тотъ фактъ, что единственная и исключительная міровая истина полна различій, что она такъ же абсолютно различна, какъ и абсолютно одинакова—этотъ фактъ такъ же мало противорѣчитъ обыкновеннымъ образомъ понимаемому единству и равенству, какъ мало противорѣчитъ себѣ тотъ фактъ, что совы съ самыми различными фізіономіями все же обладаютъ одной и той же совиной фізіономіей.

Аристотель подраздѣлялъ чувство на пять частей, антропологи подраздѣляли человѣческой родъ на пять расъ и фізики пространство—на три протяженія. Теперь рѣчь идетъ о томъ, чтобы убѣдить тебя, что такое расчлененіе, какъ оно ни правильно и истинно, все же далеко еще—не истина и не правильность, а лишь именно расчлененіе. Въ логикѣ primo loco (прежде всего) рѣчь идетъ о томъ, чтобы принимать научныя расчлененія за то, чѣмъ они суть на дѣлѣ, а именно, за дѣло ума (интеллекта). Расчлененіе есть дѣло интеллекта, отличаетъ его этимъ и ничуть не противорѣчитъ нераздѣльной истинѣ.

Старые прозорливцы учатъ: разумный человѣкъ не долженъ противорѣчить себѣ—это очень мудрое, но все же и слишкомъ ограниченное ученіе. Гегель утверждаетъ: въ мірѣ все разумно, значитъ, разумны и самыя противорѣчія. Подъ консервативной оболочкой здѣсь скрывается очень революціонное познаніе, которымъ пользуются „разрушительные“ умы, чтобы основательно противорѣчить прозорливцамъ и ихъ неподвижному, неживому, неупорядоченному порядку (системѣ), не переносящему никакого противорѣчія.

Разумъ разрѣшаетъ всѣ противорѣчія и противоположности помощью правильнаго расчлененія въ одной гармоніи. „Все на своемъ

мѣстѣ и въ свое время“. Если онъ не хочетъ быть названъ неразумностью, то разумъ долженъ возвыситься до пониманія, что библейское „тѣло“, его противоположность, есть лишь формальная противоположность. Онъ долженъ знать, что Богъ и міръ, душа и тѣло, жизнь и смерть, движеніе и покой и, какъ ихъ иначе называютъ, дуалисты, всегда составляютъ въ одно и то же время и двѣ вещи и одну (единую)... Тогда, наконецъ, становится понятнѣй, что консерваторы суть истинные революціонеры, которые своимъ бессмысленнымъ цѣпляніемъ за „старый, добрый порядокъ“ приводятъ пролетаріатъ къ отчаянію, доходящему до того, что онъ готовъ ихъ старый міръ поставить вверхъ ногами. Такъ называемые же революціонеры суть истинные консерваторы, ибо они подчиняются, какъ преданнѣйшіе служители, движенію, которое вѣчно было, есть и будетъ.

Красною нитью, проходящей черезъ всѣ эти письма, является слѣдующій пунктъ: мыслительный аппаратъ есть вещь, какъ и всѣ простыя вещи. есть часть или акциденція мірового цѣлаго; онъ относится прежде всего къ наиболѣе общей категоріи бытія и представляетъ собою аппаратъ, который, помощью расчлененія и различенія по категоріямъ, воспроизводитъ детализированную картину человѣческаго опыта. Чтобы правильно употребить его, необходимо ясно познать, что міровое единство сплошь многообразно и все многообразіе составляетъ одно монистическое цѣлое.

Загадка старой элсатской философіи заключалась въ слѣдующемъ: какимъ образомъ единое заключается во многомъ, многое—въ единомъ?

Четырнадцатое письмо.

Сапожное ремесло и культура свекловицы суть такія же науки, какъ и физика, химія и астрономія; чтеніе, писаніе и счисленіе называются элементарными знаніями и, вовсе не думая преуменьшить ихъ заслугъ, что они предварительно нужны для культуры духа,— я все же вынужденъ, во имя истины, утверждать, что есть богатые знаніемъ люди, которые не умѣютъ ни читать, ни писать. — Я хочу этимъ сказать, что бываютъ знанія и науки и низшихъ и высшихъ ступеней, но что, однако, такія различія имѣютъ лишь временное или мѣстное, относительное, субъективное значеніе, и что въ абсолютномъ всѣ вещи одинаковы.

Та насмѣшка, которую ты, можетъ быть, часто слышишь относительно темноты абсолютнаго, въ которой, дескать, всѣ кошки сѣры и всѣ женщины кажутся прекрасными Еленами—эта насмѣшка не должна удерживать насъ много разъ здѣсь признанное за главную тему логики абсолютное снова и снова изучать. Однако, я прошу ничего не представлять себѣ въ данномъ случаѣ мистическаго. Абсолютное есть наличная сумма всего того, что было, есть и будетъ.

Субъекты, какъ и объекты всякой науки, связаны съ абсолютнымъ, что обозначается тривиальнымъ именемъ: „мѣръ“.

Всѣ другія науки имѣютъ своимъ предметомъ ограниченныя части, относительное, межъ тѣмъ какъ наука о духѣ трактуетъ о всѣхъ объектахъ, иначе говоря, о неограниченномъ. Это тотъ пунктъ, къ которому я часто возвращаюсь, ибо онъ угрожаетъ затемнить мой предметъ. Я хочу изложить ученіе объ интеллектѣ и говорю обо всемъ мѣрѣ, о вселенной, ибо мнѣ нужно показать, какъ проявляется духъ не только въ сапожномъ мастерствѣ или въ астрономіи, но какъ онъ проявляется вообще. Я долженъ сдѣлать яснымъ его общее содержаніе, которое необходимо вѣдетъ ко всеобщности вообще, къ абсолютному. Мы хотимъ изучать искусство мышленія не въ той или иной области, а общее, мировое искусство мышленія.

Интеллектъ такая же специальная часть, какъ и всякій другой научный или практическій объектъ. Но онъ въ то же время является той частью, которая не довольствуется своей частичностью, которая себя и все единичное знаетъ за атрибутъ или предметъ абсолютнаго субъекта, которая себя и весь мѣръ познаетъ въ общей мировой связи.

Духъ человѣческій еще иначе называютъ самосознаніемъ; однако, это имя слишкомъ ограничено для неограниченныхъ душъ, для искателей нити безконечнаго, для твоего, моего и всякаго другого сознанія мѣра и бытія вообще.

Цѣлыя столѣтія очень много трактовали о томъ: скрыты ли въ интеллектѣ прирожденныя идеи или онъ подобенъ неисписанному листу бумаги, на которомъ опытъ записываетъ свои знанія. Это вопросъ о происхожденіи источника познанія. Откуда происходитъ разумъ, откуда приобретаемъ мы наши понятія, сужденія и заключенія? Помощью ли выкапыванія ихъ извнутри головы, изъ откровенія ли или изъ опыта? Мнѣ кажется, что ты очень скоро разрѣшишь этотъ вопросъ, если я обращу твое вниманіе на то, что

все, что мы узнаемъ, вмѣстѣ съ интеллектомъ, который узнаютъ — суть откровенія (обнаруженія) абсолютнаго. Все, о чемъ только мы знаемъ, есть опытъ. Если духъ и есть только пустой листъ бумаги, то все же для исписанія этотъ внутренній листъ бумаги такъ же существененъ, какъ и внѣшній міръ, который для этого писанія доставляетъ руку, чернила и перо; это значить, что всякое познаніе происходитъ изъ общей міровой связи. Интеллекту прирождены не знанія, а лишь сознаніе, міросознаніе. Онъ имѣетъ сознаніе о томъ или другомъ не *per se*, но общее, бытіе вообще, абсолютное онъ знаетъ *per se*.

Наука объ интеллектѣ, начиная съ древности и до настоящаго времени, наталкивалась на удивительный фактъ. Она находила знанія *raphe*, пришедшія къ духу извнѣ, такъ называемыя опытные знанія; но она также находила и такія знанія, которыя прирождены, такъ называемыя знанія *à priori*. Что всегда долина находится между двумя горами, что золото — не жестъ, часть меньше цѣлаго, углы треугольника равны двумъ прямымъ, круги — круглы, вода — мокра, огонь — горячъ, etc., etc., — все это суть вещи, о которыхъ мы знаемъ, что онѣ таковы на небѣ и въ аду, всюду и вездѣ и во всякое время, хотя мы и не были тамъ со своимъ опытомъ. Отсюда очевидно, что въ нашихъ головахъ скрыта тайна, которую эксплуатируютъ торговцы тайнами, когда они заставляютъ вѣрить, что ихъ заинтересованная мудрость толкующая о Богѣ и высшей власти, въ то же время относится къ вѣчнымъ прирожденнымъ истинамъ. Поэтому для пролетаріата особенно важно раскрыть контрверсу (темноту) относительно происхожденія и источника познанія.

Наша логика спрашиваетъ: происходитъ ли мудрость таинственно извнутри человѣческой головы или она, какъ и всякій опытъ, является къ намъ изъ внѣшняго міра? Откровеніе свыше мы совершенно оставляемъ внѣ предѣловъ нашего вопроса.

Здѣсь является отвѣтъ: къ знанію, познаванію, пониманію, мышленію относится и внутреннее и внѣшнее, и субъектъ и объектъ, и голова, и міръ. Тамъ истина и здѣсь истина. Истина имѣетъ нѣчто божественное: она всюду и абсолютна.

Но какъ объясняются затѣмъ удивительныя, апріорныя знанія, которыя возвышаются надъ всякимъ опытомъ? Именно: интеллектъ обладаетъ не только способностью знать въ общемъ, но и способ-

ностью отдѣлять специальное отъ цѣлаго и точно опредѣлять. Онъ какъ бы разрѣзаетъ на части. Но не механически, какъ колбасникъ. Ты вѣдь вспоминаешь, какъ изъ своего собственнаго опыта, такъ и изъ моего часто повторяемаго слова: мѣръ представляетъ собою не однообразное, а многообразное единство. Этотъ путанный клубокъ разъясняется и распутывается помощью раздѣленія, классификаціи. Въ абсолютномъ все сходно и несходно. Интеллектъ, однако, абстрагируетъ отъ несходнаго. Когда мы, на примѣръ, образуемъ понятіе минерала, мы не замѣчаемъ (отвлекаемся отъ) различія между золотомъ и жестью. Если мы затѣмъ классифицируемъ далѣе, соподчиняя золотое и жестяное, какъ новые виды минерала, то мы тогда уже точно узнаемъ, что золото и жесьть суть различные виды одной и той же минеральной породы. Мы знаемъ, что означаютъ имена и, пока они сохраняютъ свой смыслъ, мы знаемъ, что и на небѣ и въ аду золото не есть жесьть, жесьть не есть золото. Вода и огонь суть отдѣленные отъ міроваго цѣлаго и рѣзко разграниченныя специальности. Что же удивительнаго, что имена имѣютъ свой специальный смыслъ и что мы имѣемъ аподиктическое убѣжденіе, что гдѣ господствуетъ смыслъ, а не безсмысліе, — такъ огонь горитъ, вода мочить, кругъ — кругль и три угла треугольника равны двумъ прямымъ.

Это въ извѣстной мѣрѣ вульгарные примѣры, которые, однако, думается мнѣ, ясно разъясняютъ, что различіе между природными и опытными званіями является лишь различіемъ формальнымъ. Ты познаешь, что эти два различныхъ вида все же суть одного и того же рода, что оба суть смѣсь внутренняго и внѣшняго. Познаніе à priori перестаетъ быть чудомъ, если познается, что оно вмѣстѣ съ знаніями à posteriori происходитъ изъ одного и того же источника опыта, которое, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ одинаково проявляется лишь помощью интеллекта. Соотвѣтственно этому, такимъ образомъ, связанный съ міромъ интеллектъ является источникомъ всякой мудрости, — и какъ внѣшняя природа, такъ и наша внутренняя понятіе — образовательная способность суть частицы одной общей природы, представляющей собою истину и абсолютное.

„Лишь развитіе постепенное, медленное, непрерывное“ — говорить Noiré, — „способно освободить мыслящій духъ отъ философской болѣзни изумленія“.

Діалектическое искусство или логика, которая учитъ, что міровое цѣлое (или, иначе: весь міръ) есть единая сущность—представляетъ собою абсолютное ученіе о развитіи. „Во всемъ характеръ всѣхъ существъ природы“—говорится у Лазаря Гейгера—„два ли есть что-либо болѣе удивительнаго, чѣмъ способъ, какимъ чудо, избѣгая нашихъ глазъ, непрестанно все болѣе и болѣе удаляется изъ сферъ нашего наблюденія. Разумъ на мѣсто рѣзкаго и страшнаго, которое порождается фантазіей, ставитъ со-размѣрность и непрерывность“.

И ученіе о разумѣ или логика, добавляемъ мы, въ свою очередь, на ряду съ понятіемъ едино-природы всего міра, учитъ также, что всѣ вещи одинаково чудесны или что есть лишь одно чудо, а именно: бытіе вообще, абсолютное, иначе говоря, чудесно все и ничто.

Когда я привожу доказательство, что самыя гетерогенныя (разнородныя) вещи, какъ холодъ и теплота, какъ и всѣ рѣзкія противоположности суть лишь простыя различія, формы единосущей природы,—то этимъ самымъ доказана естественная непрерывность и абсолютная постепенность, взаимодѣйствіе (взаимное превращеніе другъ въ друга) вещей.

Это я и хотѣлъ доказать въ этомъ письмѣ на разныхъ примѣрахъ нашихъ знаній и выбралъ для этого обыденные примѣры, ибо они популярны. Чтобы удовлетворить болѣе высокимъ требованіямъ, я въ ближайшемъ письмѣ возьму въ примѣръ чудо причинности. Безспорное положеніе: каждая вещь должна имѣть свою причину, особенно разсматривается, какъ самое удивительное прирожденное познаніе и много способствуетъ укорененію логической путаницы.

Пятнадцатое письмо.

Если бы я, мой сынъ, возвратился съ какого-либо путешествія и захотѣлъ рассказать тебѣ все то, чего я не видѣлъ, то ты былъ бы вправѣ сомнѣваться въ здоровомъ состояніи моего разсудка. Здравый человѣческій разсудокъ требуетъ, чтобы тамъ, гдѣ хотятъ описать чужія вещи, дѣлали это въ положительномъ, а не въ отрицательномъ видѣ. Такъ, не ошибочно ли, если я, при уясненіи интеллекта, отрицательнымъ образомъ тамъ и сямъ ищу доказательства, что интеллектъ не представляетъ собою ни чуда, ни чудодѣй-

ственного вмѣстилища мудрости? Я отвѣчаю: нѣтъ. До сихъ поръ еще интеллектъ является блуждающимъ огонькомъ, который болѣзненной фантазіи представляется свѣтящейся человѣческой фигурой. Чтобы познать этотъ блуждающій огонекъ, нужно отстранить эту свѣтящуюся фигуру, нужно показать помощью логики, что человѣческій разумъ не представляетъ собою ни чуда, ни чудодѣйственнаго вмѣстилища мудрости. Въ этомъ случаѣ отрицательный поступокъ становится положительнымъ дѣломъ. Гдѣ съ какою-либо вещью связаны предразсудки, тамъ ихъ необходимо равнше устранить, чтобы дать мѣсто возстановленію голаго факта.

Знаменитый Кантъ былъ именно тѣмъ, кто поставилъ вопросъ: „какъ возможно знаніе а priori?“ Какимъ образомъ приходимъ мы къ знанію о вещахъ, для которыхъ никакой опытъ недостаточенъ? Этого чуда не въ состояніи произвести интеллектъ — такъ гласить отвѣтъ, который онъ обосновываетъ всесторонне и съ удивительнымъ остроуміемъ. И все же онъ оставилъ въ супѣ одинъ злостный волосокъ.

Онъ нашель, что мы нашимъ разумомъ въ состояніи познавать лишь явленія. Смѣшеніе истины и явленія предстало передъ нимъ, какъ унаслѣдованный порокъ. Онъ усердно работалъ надъ разрѣшеніемъ этого смѣшенія, но онъ все же много работы оставилъ и своему потомству. Первоначально изслѣдованіе сверхъестественныхъ вещей было тѣсно смѣшано съ простымъ изслѣдованіемъ естественныхъ вещей. Только начиная съ проявленія осязательныхъ результатовъ естествознанія, люди все болѣе и болѣе вразумлялись предоставить сверхъестественное вѣрѣ, и ограничить науку обоснованіемъ (освѣщеніемъ) естественныхъ явленій. Отъ противоположности между явленіемъ и истиной люди скоро перешли къ практическимъ вопросамъ дня. Но логика, прирожденная человѣческому уму, не въ состояніи удовлетвориться несогласіемъ между вѣрой и знаніемъ, она ищетъ монистической системы и не оставляетъ этого спора до тѣхъ поръ, пока совершенно не культивируются первобытные лѣса вѣры.

Логическая культурная потребность побудила Канта продолжать то, что — если мы хотимъ останавливаться на именахъ — было начато Сократомъ. Досократическая философія искала истину во снѣ. Если наша логика учить, что все — истинно и истина есть все (вселенная) — то іоническіе натурфилософы въ то же время дѣлали изъ

этого положенія фетишь. Фаллесь обожествляль воду, какъ вещь всѣхъ вещей, другой—обожествляль огонь, третій—число. Такое фетишизирование было культомъ истины. Исканіе пониманія вытекаетъ изъ непониманія. Отъ религіозной культуры къ культурѣ научной существуетъ лишь шагъ, но не скачокъ. И когда Сократъ сосредоточился на самомъ себѣ и, начавъ съ положенія: „познай самого себя“, подвергнуль критикѣ диво человѣческой души,—то это былъ лишь второй важный шагъ.

Извѣстно, что этотъ „мудрѣйшій изъ людей“ интересовался не воздухомъ и водой, не узкимъ естествознаніемъ, а добрымъ, прекраснымъ и истиннымъ, человѣческимъ (въ болѣе тѣсномъ смыслѣ), царствомъ духа, душой. Что онъ интересовался этимъ до предѣловъ обожествленія, разумѣется, было перазумно; поскольку, благодаря такому частичному интересу, оставалась не затронутой другая, матеріальная, часть. По выраженію Гете, „что годится для одного, не годится для всѣхъ“—и въ этомъ смыслѣ Сократъ былъ правъ. Онъ и всѣ послѣдующіе философскіе корифеи изслѣдовали интеллектъ. То, чего имъ недоставало, заключалось въ существующемъ теперь запатіи, что мыслительная способность не представляетъ собою чудодѣйственнаго инструмента, а является спеціальной, но въ то же время и простой частью общей природы. Истину постоянно искали въ чемъ-то выдающемся, особенномъ, межъ тѣмъ какъ ее ты долженъ искать лишь въ общей связи всѣхъ вещей.

Наука съ самой древности и до сихъ поръ всегда стремилась отдѣлаться отъ чуда и вѣры въ чудеса. Но это могло удаваться лишь постепенно—и логики все же до сихъ поръ остались болѣе или менѣе связанными. Даже великій Кантъ не составляетъ исключенія. Онъ искалъ истину, высочайшую и во имъ ея онъ изслѣдовалъ интеллектъ. Онъ прославленъ, ибо онъ сумѣлъ такъ превосходно показать, что этотъ интеллектъ не имѣетъ никакого призванія къ чрезмѣрному, но въ состояніи лишь обосновывать естественныя явленія. И все же онъ допустилъ нѣкій чрезмѣрный остатокъ.

Кантъ думаетъ, что мы воспринимаемъ вещи, какъ онѣ намъ являются, но не такими, какими они являются „въ себѣ“; но въ то же время мы должны вѣрить, что въ основѣ явленія лежитъ скрытая истина, ибо, иначе—существовало бы противорѣчіе: явленія являлись бы безъ чего-то, что является. Интеллектъ—думаетъ онъ—

можетъ оперировать лишь въ области явленій; онъ долженъ поэтому оставить копаніе въ чрезмѣрномъ. Однако, въ жилищѣ интеллекта должна оставаться ячейка, ячейка вѣры, выходящая за предѣлы опыта вплоть до скрытой истины, заключающей въ себѣ Бога и его заповѣди.

Позднѣйшая, а именно гегельянская философія, воспротивилась такому расчлененію, отводящему интеллекту для изслѣдованія лишь видимое, а вѣрѣ предоставляющему освѣщать абсолютное, безконечное. Но ей, конечно, не удалось вполнѣ овладѣть этимъ предметомъ, не удалось вполнѣ разъ навсегда уяснить источникъ познанія и едино-природу истины, такъ что теперь реакція можетъ снова трубить отступленіе словами: „Назадъ, къ Канту“. Извѣстно, что Лессингъ жаловался относительно Спинозы, что къ его (Лессинга) времени о Спинозѣ думали, какъ о „мертвой собакѣ“ и объ этомъ же очень удачно выразился Марксъ: „Гегель теперь представляетъ собою еще болѣе мертвую собаку, нежели Спиноза ко времени Лессинга“. Противники народа суть также и противники развитія; они хотятъ сохранить *status quo* и доброе старое время, гдѣ они чувствуютъ себя такъ хорошо. Поэтому-то дѣломъ пролетаріата и является продолжать работу логики. Это наше дѣло: освѣтить солнечно—ясно и показать, что метафизическая истина, которую Кантъ противопоставлялъ естественному явленію и которую онъ не могъ вывести изъ интеллекта, является именно метафизичностью, иначе говоря, чрезмѣрностью.

По нашей логикѣ, истиной является вселенная и все и каждое соприкосновенно къ этой истинѣ. Что такая истина логична, такая логика истинна,—это обнаруживаетъ намъ связь вещей, такъ что это ученіе подходитъ ко всему и каждому, что въ наукѣ, иначе говоря, стоитъ подъ знакомъ разумнаго и истиннаго.

Чтобы научить тебя понимать общесе чудо абсолютнаго и освободить твой способъ мышленія отъ каждаго спеціальнаго чуда, я сошлюсь на кантовскую „критику разума“. Она учитъ, что нашъ интеллектъ дѣлается источникомъ познанія лишь въ связи съ внѣшними естественными явленіями. Но только его критика застряла въ причинности, какъ въ источникѣ чудесъ. Онъ этимъ самымъ показалъ, что онъ въ искусствѣ мышленія былъ лишь борцомъ, но не властелиномъ. Причинное заключеніе; что гдѣ являются явленія, должно быть нѣчто, что именно является—безусловно вѣрно; но то,

что Кантъ при этомъ думалъ, что это нѣчто чрезмѣрнаго или метафизическаго характера, что гдѣ являются явленія, тамъ также должно являться нѣчто совершенно отличное, особое, чудесное, таинственное, — это было въ корнѣ ошибочнымъ мнѣніемъ.

Кантовское заключеніе отъ явленія къ абсолютной истинѣ, которая отдѣлена отъ явленія, скрыта за послѣднимъ, — основывается на фетишизированной пониманіи истины. Познаніе, что общая сущность міра и есть истина — есть первое условіе для правильнаго проявленія способности заключенія.

Что въ основѣ явленія должна лежать сущность, въ основѣ дѣйствія — причина, — такое положеніе идентично съ поставленнымъ для дискуссіи еще въ прошломъ письмѣ вопросомъ о „причинности“. Другое слово даетъ тому же самому предмету слѣдующее выраженіе: гдѣ являются предикаты, тамъ долженъ быть и субъектъ, посащій въ себѣ эти предикаты. Чтобы вмѣстѣ съ этимъ утвержденіемъ не возникло недоразумѣніе, будь твердо увѣренъ, что я оспариваю не точность и правильность заключенія, а лишь метафизическое употребленіе à la Кантъ, который приблизительно также обращался съ этимъ заключеніемъ, какъ до него обращался съ этимъ послѣднимъ пасторъ, когда служитель Бога хотѣлъ показать, что его теологія прирождена разуму.

Наше ученіе о разумѣ должно показать, что всѣ причины и дѣйствія суть вещество одного и того же характера, и наша мыслительная способность есть естественная вещь, которая не терпитъ никакой тайны, никакой метафизичности.

Шестнадцатое письмо.

Теперь я возвращаюсь къ причинности. Мы знаемъ, что все имѣетъ свою причину, знаемъ, что эта истина дѣйствительна и на дунѣ и на Уранѣ, хотя мы и не могли этого познать непосредственно. Соответственно этому, кажется, какъ будто бы интеллектъ представляетъ собою секретный ящикъ, заключающій въ себѣ прирожденную мудрость. Въ этомъ ящикѣ, къ примѣру, также находится наука о томъ, что всѣ бѣлыя лошади — бѣлы, всѣ вороныя — черны. Въ неизвѣстныхъ намъ странахъ цвѣтъ лошадей намъ неизвѣстенъ, но бѣлыхъ и вороныхъ лошадей мы знаемъ за таковыхъ всюду, даже тамъ, куда не проникъ нашъ опытъ. Отсюда выте-

каетъ, что нашъ интеллектъ есть инструментъ, который превосходить опытъ. Поэтому нельзя усмотрѣть: гдѣ исчерпывается запасъ такихъ удивительныхъ откровеній и въ какой таинственный міръ поведетъ насъ возвышающійся надъ опытомъ интеллектъ.

Чтобы душевная способность не показалась какимъ-то воздушнымъ рѣятеlemъ, чтобы ввести ее въ общую категорію естественныхъ силъ, мы изслѣдуемъ, въ чемъ заключается причинность и въ чемъ знаніе à priori.

Прежде всего я прошу замѣтить, что какая-либо вещь послѣ своего объясненія, не перестаетъ отъ этого быть менѣе удивительной. Научное объясненіе можетъ и должно не столько уничтожать наше удивленіе, сколько привести его къ разумной мѣрѣ. Интеллектъ можетъ оставаться удивительной вещью или субъектомъ, но только эта удивительность должна быть сведена ко всеобщей мѣрѣ всѣхъ вещей, которыя всѣ одинаково удивительны. Если вода и „объяснена“, если ты и знаешь, что она состоитъ изъ двухъ химическихъ элементовъ и знаешь точно всѣ ея свойства—то все же она всегда остается удивительной божественной жидкостью.

„Всѣ вещи имѣютъ свою причину“. — Кто и что такое—„всѣ вещи?“ Это прибавки, привѣски все — одинаго. Интеллекту прирождено знать, что міръ есть единая вещь, что всѣ вещи относятся не къ какому-либо одному, но всѣ — къ одному (опредѣленному) субъекту. Интеллектъ прирожденнымъ образомъ является абсолютной способностью къ единству. Онъ знаетъ *per se*, что все связано вмѣстѣ, и сознаніе причинности является ничѣмъ инымъ, какъ сознаніемъ міровой связи. Теперь я хочу утверждать, что наука о связи всего міра, которая прирождена нашей головѣ, „объяснена“, если понять, что это такой же фактъ, какъ и всѣ другіе, такое же явленіе, имѣющее ту же самую природу, какую обладаетъ и всякое другое явленіе.

Фактъ, что нашему сознанію прирождены извѣстныя знанія или, скорѣе, извѣстное знаніе — этотъ фактъ неоспоримъ. Рѣчь идетъ лишь объ объясненіи этого факта. Ради этого я прошу замѣтить, что объ „объясненіи“, постиженіи, пониманіи *etc.* существуетъ чрезмѣрное представленіе. „Объясненіемъ“ вещи не растворяются, какъ сахаръ въ водѣ, но лишь классифицируются.

Высиживаніе яйца ты поймешь, когда тебѣ станетъ ясно, что оно относится къ цѣлому классу подобныхъ явленій. Какъ только ты

исправишь фантастическое представленіе, господствующее надъ понятіемъ: объясненія, — то тебѣ сейчасъ же станетъ яснымъ, что въ той же мѣрѣ, въ какой сознанию прирождено свойство вообще познавать связь вещей, въ такой же мѣрѣ такая вещь въ то же время и естественна и понятна и нуждается лишь въ такомъ же объясненіи, какъ и мокрота воды, тяжесть тѣлъ и чернота вороныхъ лошадей.

Также, если интеллектъ и понять и объяснить, онъ все же вмѣстѣ со своей логикой останется удивительнымъ субъектомъ. Какъ глиняныя прирождены ея свойства непрозрачности и эластичности, стеклу — его свойства прозрачности и хрупкости, какъ всѣмъ вообще вещамъ прирождены ихъ свойства, — точно такъ же и сознанию прирождена особая природа (свойство). Въ той же мѣрѣ и наука является интеллекту не только помощью одного лишь опыта, но онъ (интеллектъ) является въ то же время и ящичкомъ мудрости, однако, такимъ лишь, который безъ опыта такъ же много или мало дѣйствителенъ, какъ глазъ — безъ свѣта.

Чтобы распутать запутанный узелъ нашей темы, я переберу ея запутанности. Мы хотимъ научить употреблять съ сознаниемъ нашъ интеллектъ или наше сознание. Для этой цѣли мы изслѣдуемъ ея до сихъ поръ мистически скрытую природу. Это изысканіе недостаточно, если мы возвышаемъ эту природу въ небеса. Поэтому, первый параграфъ нашей логики гласитъ: интеллектъ, вмѣстѣ со всѣми вещами, относится къ одной и той же категоріи, къ рубрикѣ міровыхъ вещей.

Второй параграфъ: если мы распредѣляемъ идеи, производимыя человѣческимъ духомъ, на двѣ рубрики: на такія, которыя, какъ причинность, прирождены, и такія, которыя происходятъ изъ опыта, — то мы должны знать, что такое раздѣленіе правильно лишь въ томъ случаѣ, если мы твердо помнимъ, что идеи, природныя, поставлены въ двѣ рубрики вслѣдствіе чувственнаго противорѣчія, но что на дѣлѣ они находятся въ одной рубрикѣ. Прирожденная и приобретенная мудрость, хотя и сервированная на двухъ блюдахъ, все же происходитъ изъ одного, изъ общаго мірового горшка.

Отсюда слѣдуетъ понять, что наука о каузальности если и годна для всякаго міра, то все же недостаточна для всей вселенной. Если твердо установлено, что всякая мудрость есть міровая мудрость, то не слѣдуетъ вылетать за предѣлы міра и съ понятіемъ каузальности.

Это самый рѣшающій пунктъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь. Всѣ вещи составляютъ одну вещь, связаны вмѣстѣ, относятся другъ къ другу, какъ причина и дѣйствіе, какъ основаніе и слѣдствіе, какъ родъ и видъ. Всѣ вещи имѣютъ свою причину, это значитъ, что всѣ онѣ имѣютъ одну мать. Тотъ фактъ, что каждая мать имѣетъ свою мать, завершается въ міровой матери или материнскомъ мірѣ, въ абсолютномъ, которое само абсолютно лишено матери и все же вполне, безъ остатка, заключаетъ въ себѣ всѣхъ матерей.

Причины суть матери, дѣйствія суть дочери. Не только каждая дочь имѣетъ свою мать, бабушку и прабабушку, но и своего отца, дѣдушку и прадедушку. Первопричина или семейное сродство дочерей не только односторонне, но и всесторонне. Также и вещи имѣютъ не одну, а многія, безконечно многія причины, которыя всѣ сливаются въ одну общую причину.

Твой интеллектъ, которому прирождено знаніе, что все имѣетъ свою причину, долженъ тѣмъ не менѣе допустить, что всѣ причины міра черпаютъ свое начало изъ абсолютной міровой причины и въ ней же растворяются. Квинтъ-эссенція логики заключается не въ томъ, чтобы раскрыть истинное понятіе интеллекта, но и въ томъ, чтобы помощью интеллекта освѣтить понятіе міровой истины, мірового цѣлаго.

Всѣ вещи имѣютъ свою причину, но требуютъ отъ міровой матери, чтобы она, по логическому правилу, имѣла лишь одну мать, это значитъ слишкомъ преувеличивать значеніе логики и невѣрно понимать интеллектъ и его искусство мысленія.

Если ты признаешь познавательную способность за часть бытія, то тебя не должно удивить, что это удивительная часть. Бытіе удивительно; его части вытекаютъ одна изъ другой; они всѣ имѣютъ предшественниковъ и причины. Но что дѣйствительно для относительныхъ частей, то не годится для абсолютнаго.

Я сынъ своего отца и отецъ моего сына, я отецъ и сынъ въ одной личности. Такъ и всѣ вещи суть причины и въ то же время дѣйствія. Хотя отецъ и сынъ—двѣ персоны, все же отцовское и сыновнее состояніе—два отношенія одной личности, и хотя причина и дѣйствіе, какъ двѣ вещи, раздѣлены между собою, онѣ все же представляютъ два отношенія одной вещи. Личности и вещи, причины и дѣйствія представляютъ собою не самостоятельными отдѣль-

ности, а относительныя самостоятельности, иначе говоря, связности или отношенія абсолютнаго.

Интеллектъ намъ прирожденъ и помощью его и вмѣстѣ съ нимъ — сознание о бытіи вообще, прирождено въ такомъ же родѣ, въ какомъ прирождены дѣтямъ зубы, появляющіеся лишь послѣ ихъ рожденія. Каждая часть, которая дошла до нашего сознанія, сознается, какъ часть все-единого. Поскольку это удивительно, постольку же удивительно и сознание причинности. На дѣлѣ знаніе о причинной зависимости всѣхъ вещей является, вмѣстѣ съ знаніемъ цѣтовъ всѣхъ вороныхъ и бѣлыхъ лошадей, прирожденной мудростью. Однако, необходимо принять во вниманіе, что въ каждомъ приобретенномъ знаніи скрыто немного прирожденнаго, какъ въ каждомъ прирожденномъ знаніи — приобретенное, такъ что оба вида переходятъ другъ въ друга и составляютъ одну категорію.

Все развитіе моей темы сводится къ тому, чтобы убѣдить тебя, что всѣ вещи суть міровыя вещи, такъ что причинная зависимость есть лишь другое имя для того же самаго факта, какъ французское имя: *Rain* для нѣмецкаго: *Brot*, или для русскаго: хлѣбъ. Отсюда, та аподиктическая увѣренность, что если на небѣ существуетъ *Rain*, то тамъ же существуетъ и хлѣбъ, и если тамъ существуютъ вещи, то также существуютъ и причины и дѣйствія или связь съ минимомъ бытія.

Тайна причинности выражается еще и другими словами. А именно: мы обладаемъ неоспоримымъ, выходящимъ за предѣлы всякаго опыта, знаніемъ, что гдѣ слѣдуетъ измѣненіе, тамъ этому послѣднему предшествовало другое измѣненіе. Разумѣется, мы обладаемъ способностью узнавать въ безконечномъ разнообразіи единство, въ единствѣ — безконечное разнообразіе. Многообразіе, превращеніе, движеніе — не будемъ придирается къ буквѣ, — кто найдетъ здѣсь различіе? Интеллектъ является фотографическимъ аппаратомъ безконечнаго движенія и превращенія, называемыхъ въ совокупности „міромъ“. Онъ есть и обладаетъ знаніемъ міроваго превращенія. Что удивительнаго въ томъ, если онъ знаетъ, что въ его предметѣ (явленіяхъ міра) существуетъ связность, что никакая часть міра, никакая часть его движенія и превращенія не является самостоятельной, только для себя, что все связано вмѣстѣ, зависитъ одно отъ другого и отъ вселенной. Такъ какъ это пониманіе до извѣстной степени прирождено разсудку, то этотъ послѣдній понимаетъ,

что нѣтъ ничего, кромѣ превращенія, безконечно переходящаго другъ въ друга превращенія—и если онъ отсюда вырываетъ одну часть, то онъ знаетъ, что этой части предшествовало превращеніе и за нею превращеніе должно еще послѣдовать.

Коротко, мы должны удивляться не отдѣльнымъ частямъ природы, также не природной частицѣ—интеллекту, а разъ навсегда одному универсуму—только тогда, наконецъ, можетъ прекратиться идолопоклонство и начаться истинный культъ, культъ міровой истины.

Искусство, любезный Евгенийъ, искусство мышленія не такъ ужъ легко; поэтому я вынужденъ былъ постоянно предупреждать противъ непониманія (недоразумѣнія). Всѣмъ предшествовавшимъ я не хотѣлъ отсвѣтовать тебѣ удивляться передъ какою либо частью природы или искусства, передъ ландшафтомъ или статуей, нѣтъ. Мое ученіе стремится лишь къ тому, чтобы умѣрить диво и удивленіе при помощи соображенія, какъ весь міръ настолько чудесенъ, какъ все прекрасно, что не остается ничего низменнаго. Различіе между красивымъ и безобразнымъ лишь относительно. Даже, когда я говорю, что истинное богопочитаніе, культъ истины можетъ начаться только тогда, когда исчезнетъ идолопоклонство, ты съумѣешь оцѣнить эту фразу, ты не заподозришь меня, что я могъ бы недостаточно оцѣнить культъ, который до сихъ поръ былъ посвященъ наукѣ, или что я настолько безмѣрно презираю идолопоклонство, что могу забыть то, что я нѣсколько разъ подчеркивалъ: и идолопоклонство есть тоже богопоклоненіе и заблужденіе также составляетъ часть пути къ истинѣ. Самое ничтожное является тоже величиной. Все истинно, хорошо, красиво, ибо вселенная, міровое цѣлое есть абсолютная истина, красота и добро. Я заканчиваю словами Pr. von Sallet:

Eine heitere Weltanschauung
 Das ist die höchste Kunst,
 Die schafft uns zur Erbauung
 Das höchste in der Kunst,
 Nur glaub nicht jeder Lämmel
 Sie fall' ihm so vom Himmel.
 Wie erst nach Frühlingsstürmen
 Der goldnen Früchte segnen
 Dem Somner reift entgegen,
 So kommt nach Kampf und Spaltung
 Sie langsam zur Entfaltung.

Быть бодрымъ, радостнымъ душой,
 Не знать и въ старческіе годы
 Унынья съ мертвою тоской,—
 Вотъ благо высшее природы!
 Оно даетъ намъ въ назиданье
 Въ искусствѣ высшія созданья.
 Но, знайте, легкомыслень тотъ,
 Кто ждетъ, что блага небо сѣетъ.
 Какъ послѣ бурь весеннихъ плодъ
 Въ саду подъ солнцемъ лѣта зрѣетъ,
 Такъ свѣтлое міровоззрѣнье
 Въ борьбѣ беретъ свое рожденье *).

Семнадцатое письмо.

Моя тема, милый Евгеній, наипростѣйшая, кака я только можетъ быть, но которая, для всесторонняго познанія, нуждается въ всестороннемъ изложеніи. И поэтому-то каждое письмо является собственно, лишь повтореніемъ одного и того же сюжета. „Достойно замѣчанія“, говоритъ Шопенгауэръ, „что мы все такъ легко перечисленные главныя ученія досократической философіи находимъ затѣмъ повторенными неисчислимо число разъ... Мы находимъ также въ произведеніяхъ новѣйшихъ философовъ, напримѣръ, у Картезія, Спинозы, Лейбница и даже у самого Канта немногія фундаментальныя положенія сихъ философскихъ системъ, повторенныя безчисленное число разъ“.

Теперь я прошу извѣстить, о чемъ уже трактовалось въ моихъ первыхъ письмахъ, что заглавія главныхъ философскихъ произведеній показываютъ, какъ задача философіи разрѣшается въ изслѣдованіи логики, разрѣшается въ изслѣдованіи интеллекта и его мыслительнаго искусства. Ты затѣмъ также узнаешь,—что вытекаетъ изъ самого предмета—что моему изложенію недостасть извѣстной систематичности; мое изложеніе не имѣетъ ни начала, ни конца, ибо его объектъ, интеллектъ, связанъ съ міровымъ цѣлымъ, являющимся именно безначальнымъ и безконечнымъ, не имѣющимъ ни до, ни послѣ, ни надъ, ни подъ.

Ты можешь возразить, что связь интеллекта со всемъ миромъ

*) Стихотворный переводъ сдѣланъ поэтомъ В. Смирновымъ.

не является дѣломъ, специально относящимся къ интеллекту, а всеміровой вещью—это было бы справедливо.

Однако, легко замѣтить, что мыслительное искусство и мировая мудрость идентичны. Если общая связь дѣйствительна по отношенію ко всѣмъ вещамъ и темамъ—то ея оцѣнка все же относится лишь къ логикѣ, которая суммарно трактуетъ обо всѣхъ мыслительныхъ объектахъ.

Мой предметъ, такимъ образомъ, возникаетъ всегда и всюду, хотя онъ и является лишь спеціальностью. Поэтому-то я и позволяю себѣ почаще связывать свою мысль съ какой-либо книгой, которая меня случайно занимаетъ. Теперь я говорю о „логиче-скихъ изысканіяхъ“ знаменитаго профессора Тренделенбурга. Это обширнѣйшее произведеніе, по ты не долженъ бояться, что я захочу просвѣтить тебя всѣми тонкостями этого произведенія. Я знакомлюсь обыкновенно съ философскими произведеніями второго и третьяго ранга, лишь пробѣгая предисловіе, вступленіе и, пожалуй, еще первую главу, послѣ чего я немного ориентируюсь и узнаю по крайней мѣрѣ, о чемъ рѣчь будетъ дальше. Такъ часто находишь замѣчанія, которыя, если и не бросаютъ совершенно новый свѣтъ, то все же проливаютъ концентрированный свѣтъ на завоснанія, добытыя исторической работой и въ нашей области. Дабы сынъ не совсѣмъ основывался на довѣрїи къ отцу и, значитъ, совсѣмъ не довѣрялъ, я приведу теперь нѣкоторыя положенія Тренделенбурга.

Я беру изъ „Предисловія ко второму изданію, послѣ того, какъ авторъ жаловался на „тяжелую головную боль“, оставленную въ Германіи оныяненіемъ гегелевской философіей.

„Философія не ранѣе достигнетъ бывшаго могущества, пока она не придетъ въ устойчивое положеніе, и она не ранѣе достигнетъ этой устойчивости, пока она не начнетъ развиваться, какъ и всѣ другія науки, пока она не начнетъ постоянно развиваться, когда она, наконецъ, перестанетъ быть произведеніемъ отдѣльныхъ головъ, создающихъ свое новое и отвергающихъ все предыдущее, но начнетъ исторически воспринимать проблемы и вести ихъ дальше...

„Нужно отдѣлаться отъ предразсудка пѣмцевъ, что для философіи будущаго необходимо найти ново-формированный принципъ. Принципъ найденъ; онъ заложенъ въ органическомъ міровоззрѣніи, основывающемся на Платонѣ и Аристотелѣ“.

Профессоръ правъ, но упускаетъ изъ виду, что философы, даже новѣйшаго времени, не „начинаютъ каждый сызнова“, не выдвигаютъ „каждый свой новый принципъ“, а если и дѣлаютъ это, то такая „фальшивая оригинальность“ является лишь ничтожнымъ придаткомъ къ историческому развитію, которое все яснѣе и яснѣе передавало отъ поколѣнія къ поколѣнію объектъ логики, истинное мыслительное искусство.

Я говорю объ этомъ высокопарно и, повторяясь, ибо считаю педагогически принятымъ доказывать тебѣ и дорогому читателю, что кажущіеся парадоксы, которые я привожу, являются не личными продуктами, по проблеммами, о которыхъ спорить цѣлыя тысячелѣтія. Я хотѣлъ бы также возбудить въ тебѣ охоту къ чтенію главныхъ произведеній философіи, дающихъ назидательное зрѣлище прекраснаго экземпляра человѣческаго духа: какъ онъ изъ темноты стремится къ свѣту.

Чтобы выдѣлить изъ этого ящика (интеллекта) пшеницу, смѣшанную съ плевелами, я постараюсь разъяснить тебѣ результатъ философскаго историческаго развитія и далѣе уяснить ея объектъ, на этотъ разъ опираясь на нѣкоторыя дальнѣйшія положенія Тренделсбурга.

„Особенностью философскаго метода разсмотрѣнія является познаваніе единичнаго изъ цѣлаго, и при этомъ молчаливо предполагается, что цѣлое происходитъ изъ одной идеи, опредѣляющей всѣ части. Напротивъ, особенностью эмпирическаго метода разсмотрѣнія является изслѣдованіе единичнаго въ его раздѣльномъ существованіи и, самое большее, это—собирать это единичное и соединять его вмѣстѣ и при этомъ молчаливо предполагается, что каждый пунктъ для самого себя представляетъ собою нѣчто особенное и поэтому также пуждается въ особенномъ изслѣдованіи“.

„Стремленіе человѣческаго познаванія вѣчно направлено на то, чтобы чудо божественнаго созданія разрѣшить помощью завершающаго это созданіе мышленія. Если эта задача начинаетъ разрѣшаться помощью единичнаго, то это послѣднее само побуждаетъ идти отъ него далѣе; съ той же силой, съ какой все возникаетъ изъ одного начала,—съ той же силой оно обратно идетъ къ этому началу“.

Эти цитаты выдвигаютъ всю проблему, подлежащую рѣшенію: должны ли мы употреблять интеллектъ философски или эмпири-

чески? Люди стремятся стать разумными посредством отдѣльнаго и многого, что идентично съ стремленіемъ къ систематическому міровоззрѣнію или діалектическому искусству.

Здѣсь слѣдуетъ прежде всего констатировать, что мышленіе того или иного способа: философскаго или эмпирическаго—все же одного и того же характера, что въ общихъ формахъ кроется одна и та же вещь. Розы—другіе цвѣты, нежели гвоздика, все же природа цвѣтовъ кроется какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ и также одинаково и мыслительная природа кроется равномерно и въ философскомъ и въ эмпирическомъ методахъ разсмотрѣнія. Расчлененіе—довольно правильно, если только не забывать единства.

„Философы—говорится—хотятъ изъ цѣлаго познать единичное; эмпиристы же изслѣдуютъ единичное въ его раздѣльномъ существованіи“. Оба метода изслѣдованія суть различные виды одного рода, оба односторонніе, если они не признають своей связи. Эмпиристы, изслѣдующій въ раздѣльномъ существованіи единичное, познаетъ философы, если онъ свое единичное изслѣдованіе обращаетъ въ вспомогательную часть цѣлаго—и философъ, стремящійся изъ цѣлаго познавать единичное, познаетъ эмпирически, если онъ,—воплнѣ справедливо—все единичное разсматриваетъ, какъ принадлежность цѣлаго.

Тренделенбургъ, однако, высказался объ этомъ предметѣ крайне туманно. Оба метода разсмотрѣнія, тамъ, гдѣ они выступаютъ односторонне, очень плохо понимаютъ интеллектуальное искусство. Философы ошибаются, если они интеллектъ считаютъ единственнымъ источникомъ познанія и истины; онъ является лишь частью этого источника и нуждается для своего дополненія во внѣшнемъ мірѣ. Эмпиристы ошибаются, если они истину и познаніе ищутъ единственно во внѣшнемъ мірѣ, не считаясь съ духовнымъ инструментомъ, посредствомъ котораго они добываютъ свои научныя блага. На самомъ же дѣлѣ такіе односторонніе философы—эмпиристы существуютъ лишь въ теоріи, иначе говоря, существуютъ такіе, которые думаютъ, что истина можетъ быть односторонней; практически же всѣ *volens-volens* наталкиваются на связь духа и тѣла, внутренняго и внѣшняго. Въ фактическомъ употребленіи интеллекта весь міръ говоритъ о томъ, что единичное дѣйствуетъ въ цѣломъ и цѣлое проявляется въ единичномъ.

Люди знаютъ *a priori*: міровое цѣлое есть цѣлостное. Общее

бытіе мыслимо лишь однороднымъ. Уже та идея, которая могла бы быть чѣмъ то, что не обладало бы общей природой всякаго бытія,—уже такая идея—не идея, идея безъ смысла, или бессмыслица. Міровое цѣлое есть être suprême (высшее бытіе), о которой мы, конечно, имѣемъ лишь самое смутное понятіе. Мы не имѣемъ о немъ детальнаго, „правильнаго“ понятія; но это послѣднее, однако, возникаетъ вмѣстѣ съ развитіемъ науки; и все же оно не можетъ быть совершеннымъ, ибо деталь простирается до крайности и абсолютное бытіе представляетъ собою безконечное становленіе.

А единичнос! Мы знаемъ его точнѣе и все же не точно, ибо даже ничтожнѣйшая часть безконечнаго безконечно. Атомы и до сихъ поръ изслѣдуются всякой наукой безрезультатно. Что доступно нашему познанію—такъ это предикаты или явленія истины: по истинныя явленія, о которыхъ мы приобретаемъ истинное знаніе.

Я подчеркиваю недостаточность всякаго метода мышленія и всякаго познанія по отношенію къ тѣмъ, кто дѣлаетъ изъ науки фетишь. Я подчеркиваю истину всякихъ знаній противъ невѣждъ, которые говорятъ, что истину нельзя изслѣдовать, можно только удивляться, преклоняться передъ ней. Для теоріи познанія, для ученія объ интеллектѣ теперь очевидно слѣдующее: разсудокъ и разумъ и мыслительное искусство не представляютъ собою мѣшковъ мудрости, сыпающихъ намъ откровеніями. Это суть теоретическія расчлененія, которыя въ практикѣ дѣйствительны лишь въ общей связи всѣхъ вещей. Познаніе, пониманіе, сужденіе или различеніе и заключительныя выведенія etc. не въ состояніи произвести истину, а лишь дѣлаютъ, помощью логическаго дѣленія и расчлененія, опытъ яснымъ и точнымъ. Такъ какъ человекъ создаетъ продукты, которымъ предшествуетъ планоуѣрная идея, то философскій методъ разсмотрѣнія „предположилъ, что цѣлое вытекаетъ изъ одной идеи“—антропоморфическое предположеніе, которое, при ближайшемъ разсмотрѣніи, представляется въ данномъ положеніи вещей въ совершенно превратномъ видѣ. Планоуѣрныя идеи нашихъ продуктовъ суть копіи естественныхъ оригиналовъ, и „свободныя созданія духа“ лишь въ ограниченномъ смыслѣ. Художники лучше всѣхъ сознаютъ естественное происхожденіе своихъ идей и фантазій. Считать міръ порожденіемъ идеи является превратной логикой; познавать интеллектъ и его продукты, какъ атрибуты міроваго субъекта—это первое условіе раціональнаго, демократическаго искусства мышленія.

Восемнадцатое письмо.

Какъ въ политической исторіи андіа и реакція мѣняются періодически, послѣ періодовъ экономическаго процвѣтанія слѣдуютъ періоды угнетенія, — точно такъ же и въ литературѣ находимъ мы періодическія смѣны философскихъ и нефилософскихъ тенденцій.

Послѣ того, какъ Гегель сильно возбудилъ умы, послѣдовала эпоха апатій, такъ что еще недавно такъ обоготворяемый герой мыслитель былъ обруганъ и осмѣянъ. Спустя приблизительно десятилѣтіе, снова поднялась философская волна. Тема логики, теоріи познанія была притянута со всѣхъ сторонъ. Важныя открытія въ естественно-научной области, тепловой эквивалентъ — Робертомъ Мейеромъ, происхожденіе видовъ — Дарвиномъ двигали дѣло впередъ, такъ что естествознаніе и философію можно было бы сравнить съ двумя горнорабочими, съ двухъ сторонъ прорывающими одинъ туннель и настолько близкими къ свѣтлому прорыву, что настороженные уши тамъ и сямъ слышатъ стукъ молота и грохотъ горныхъ глыбъ.

Эта картина имѣетъ много истиннаго, но и очень легко ведетъ также къ недоразумѣніямъ. Физиологія не будетъ изслѣдовать духъ посредствомъ вивисекціи лягушекъ и кроликовъ, посредствомъ сверленія мозговъ. Никакой микроскопъ и телескопъ не откроетъ сущности разума и истины или освѣтитъ искусство различенія.

Такъ же мало удалось въ ученіи о языкѣ Лазарю Гейгеру, Максу Миллеру, Штейнталу и Нуарэ разрѣшить посредствомъ какого-либо коренного (первоначальнаго) языка „последніе вопросы всякаго знанія“.

Однако, вовсе не слѣдуетъ оспаривать цѣнное сотрудничество этихъ господъ, нужно лишь показать, что сравненіе съ туннелемъ сильно хромаетъ. И къ логическимъ формамъ относится то, что говорилъ Марксъ по поводу формъ экономическихъ: „при ихъ анализѣ не годятся ни микроскопъ, ни химическіе реагенты. Ихъ обонхъ должна замѣнить сила абстракціи“.

Дѣло приближается къ просвѣту; но не тогда, когда каждая сторона копаетъ односторонне, не считаясь съ другой, а потому, что горнорабочіе, внѣ рабочаго времени, общаются другъ съ другомъ и дѣлятся своимъ опытомъ. Также и философы остаются рѣшающей стороной, такъ какъ они являются спеціалистами въ ло-

гикѣ и, какъ таковыя, готовы использовать все, что служить ихъ дѣлу: съ какой стороны только это возможно. Другая партія, напротивъ, имѣеть своихъ особыхъ специалистовъ и способствуетъ логикѣ болѣе попутно и произвольно.

Въ естествознаніи существуетъ свой собственный „монизмъ“, существенно отличающійся отъ такового же философско-демократическаго тѣмъ, что онъ не въ состояніи оцѣнить историческіе результаты философскаго изслѣдованія. Однимъ изъ его главныхъ представителей является Нуарэ. Онъ назвалъ одно изъ своихъ произведеній: „монистическая мысль“ и показалъ себя въ этомъ путаннымъ дуалистомъ. Онъ пишетъ о „двойкой природѣ причинности“ и рассказываетъ, что духъ оперируетъ еще и другой причинностью, кромѣ „механической“; онъ называетъ ее „причинностью воспріятія“.

По его мнѣнію, міръ имѣеть лишь два атрибута: „движеніе и ощущеніе являются единственными истинными, объективными свойствами міра“... „Движеніе представляетъ собою истинно объективное... оно, разумѣется, даетъ намъ лишь явленіе“. „Воспріятіе создастъ внутреннюю сущность вещей“. „Каждый субъектъ: человекъ ли, атомъ ли — имѣеть непосредственно оба свойства, присутія всякому бытію, именно: движеніе и ощущеніе“.

Въ произведеніяхъ Нуарэ я внимательно искалъ, почему сущность вещей раздвоена на виѣшнюю и внутреннюю и почему само воспріятіе не можетъ считаться видомъ движенія, но для этого я не могъ найти никакого другого основанія, какъ двойственное мыслительное искусство „монистическаго“ естественно-научнаго изслѣдованія.

Какъ Шопенгауэръ весь міръ уложилъ въ „волю“, такъ Нуарэ уложилъ его въ „воспріятіе“.

Кантъ и „критическая философія“ думали въ свое время, что нашъ интеллектъ познаетъ лишь естественныя явленія, но что мистическій законъ причинности свидѣтельствуетъ о скрытой сущности, которую нельзя познать, но въ которую необходимо вѣрить, которую мы должны чтить, но оставить въ сторонѣ отъ научнаго изслѣдованія. Шопенгауэръ, даровитый послѣдователь, который, однако, немного подвинулъ впередъ духъ философіи, мистифицировалъ проблему причинности открытіемъ, что воля есть сущность міра. Эти ученія Канта и Шопенгауэра въ наши дни

снова воскрешены именно Нуарэ и смѣшаны съ самыми послѣдними естественно-научными открытіями. Межъ тѣмъ, однако, работы Шеллинга и Гегеля, которыя рѣшительно критикуютъ нелогичность Кантовскаго дѣленія на явленіе и сущность, на дѣйствіе и причину—совершенно оставлены безъ вниманія.

Тебѣ вѣдь знакома глупость, спрашивающая: кто является болѣе великимъ поэтомъ: Гёте, Шиллеръ, Шекспиръ или Байронъ, и ты не потребуешьъ отъ меня, чтобы я возвысилъ Гегеля надъ Кантомъ или Канта надъ Гегелемъ. Это именно два зубца у вертящагося колеса исторіи; если второй размалываетъ то, что первый разбиваетъ—то это естественно объясняется лишь порядкомъ очереди.

И естествознаніе является цѣннымъ сотрудникомъ въ рѣшеніи міровой проблемы, однако, не тѣмъ, что оно непосредственно копаетъ въ логическомъ туннелѣ или совершаетъ діалектическія экскурсіи въ область философіи и метафизики,—а потому, что оно такими всеобъемлющими объектами, какъ единство силъ природы или животныхъ видовъ, бросаетъ свѣтъ на духъ, специальный объектъ логики, и дѣлаетъ его постижимымъ. Однако, для пониманія научнаго изложенія этого предмета логики необходима(о) вооруженная всею силою знанія исторіи философіи голова.

Тебѣ не нужно думать, что я хотѣлъ тщеславно свое личное ничтожество выставить за истиннаго претендента. Для этого я слишкомъ сознаю свою недостаточность, какъ самоучки. Но такъ какъ я, однако, съ самой юности самымъ серьезнымъ образомъ и свободнымъ отъ всякихъ предразсудковъ работалъ надъ этимъ объектомъ—то я въ своей груди нахожу извѣстное ручательство за мою способность къ этому предмету. Но съ другой стороны я сознаю свою недостаточную ученость, необходимую для того, чтобы сумѣть научно такъ много пѣстующую природу человѣческаго духа представить въ такой формѣ и въ такихъ выраженіяхъ, какія подобаютъ этой высокой задачѣ. Такъ какъ я тѣмъ не менѣе выступаю публично съ повторенными опытами, то да послужитъ мнѣ извиненіемъ тотъ фактъ, что до сихъ поръ еще не явился мессія, который имѣетъ явиться послѣ меня и по отношенію къ которому я хотѣлъ бы быть Іоанномъ Крестителемъ и предтечей.

Если я, милый Евгеній, гдѣ-либо снова въ упоеніи воодушевленія перелью черезъ край, то ты отнесешься къ этому трезво и

громкія слова, помощью разумнаго пониманія, приведешь къ должной мѣрѣ. Ты знаешь, что я не сторонникъ культа личности. Если всякое изслѣдованіе является лишь продуктомъ личнаго духа, то все же духъ для каждой личности, въ свою очередь, является лишь частью общаго духа, созидающаго науку. Отсюда вытекаетъ то, о чемъ толкуешь каждое мое письмо: созидающій науку интеллектъ, хотя и является частью человѣка, но въ еще большей мѣрѣ представляется міровою частью, универсальнымъ міровымъ духомъ, разумомъ абсолютнаго и абсолютнымъ разумомъ.

Изучать духъ, какъ онъ живетъ и дѣйствуетъ не въ саможномъ мастерствѣ, не въ анатоміи или астрономіи, а во всѣхъ областяхъ, въ безконечномъ, въ абсолютномъ — является для тебя средствомъ приобрести искусство мышленія. Разумѣется, неограниченное существуетъ лишь при помощи ограниченныхъ частей и тебѣ не пужно составлять себѣ объ этомъ неограниченномъ прямое представленіе, а пужно всегда лишь представить себѣ то или иное. Тѣмъ не менѣе, у тебя всегда должно быть сознаніе, что каждая часть есть безконечная часть безконечнаго, универсума.

Во „Вступленіи и обоснованіи монистической теоріи познанія“, послѣ того, какъ онъ (Нуарэ) рассказалъ о тѣхъ новыхъ идеяхъ, которыя будутъ приведены въ этомъ произведеніи, онъ замѣчаетъ съ насмѣшливымъ оттѣнкомъ, „что онъ не въ состояніи дать новаго рѣшенія вопроса объ абсолютномъ“. Какъ разъ по этому-то самому я хотѣлъ бы тебѣ указать на его „монизмъ“, какъ на бездѣйственную поверхностность, дающую, вмѣсто понятія вещи, лишь ея пустое имя.

Знаменитый Геккель понималъ тему гораздо лучше. Въ своемъ докладѣ на пятьдесятъ пятomъ съѣздѣ естествоиспытателей въ Эйснахѣ онъ называетъ монистическое возрѣніе на природу „возвышенно-пантеистическимъ“ возрѣніемъ. Ядро всякой религіи, говоритъ онъ, покоится „на убѣжденіи въ существованіи послѣдней несомнѣнно общей пересновы всѣхъ вещей“. „Своимъ представленіемъ, — говорится дальше, — что послѣдняя первооснова всѣхъ явленій, при настоящей организаціи нашего мозга, для насъ не познаваема, — критическая натуръ-философія сходится съ догматической религіей“. Принадлежитъ ли господинъ профессоръ къ натуръ-философамъ, считающимъ человѣческую душу слишкомъ ограниченнымъ, чтобы заниматься „несомнѣнно (такимъ образомъ, все же

немного познанной) общей первоосновой всѣхъ вещей“, — остается для насъ, какъ, можетъ быть и для самого знаменитаго естествоиспытателя, неяснымъ. Ибо онъ прибавляетъ еще: „тѣмъ большіе успѣхи мы дѣлаемъ въ естествознаніи, тѣмъ все ближе мы подходимъ къ этой недостигаемой первоосновѣ“. И далѣе: монистическая чистѣйшая форма вѣры находитъ свое завершеніе въ убѣжденіи о единствѣ Бога и природы.

Я спрашиваю: „если природа, „Господь Богъ“ и абсолютная истина суть одно и то же, — то развѣ этимъ самымъ уже не познано кое-что о „первоосновѣ“? Тогда зачѣмъ же толковать такъ безмѣрно смиренно о человѣческомъ познаніи и ограничивать ее, по выраженію Гегеля, плевелами и мѣсивомъ.

Ты видишь, что Геккель имѣлъ болѣе возвышенное понятіе объ абсолютной природѣ, нежели Нуарэ, который ничего и слышать не хотѣлъ о природѣ абсолютнаго. Мнѣ необходимо поэтому убѣдить тебя, что ни тотъ, ни другой, что и вообще „естествознаніе“ не роетъ туннель, непосредственно, тотъ туннель, который освѣтитъ намъ границы познанія и первооснову. Наша логика, напротивъ, разсматривающая интеллектъ, какъ часть природы, культивируетъ естествознаніе, включающее въ себѣ и естествознаніе въ кавычкахъ, на подобіе того, какъ двадцатичетырехчасовой абсолютный день включаетъ въ себѣ двѣнадцатичасовой день вмѣстѣ съ ночью.

Послѣднее, такъ называемое „естествознаніе“ имѣетъ своимъ предметомъ преимущественно осязаемое. Вмѣстѣ съ послѣднимъ въ его область входитъ также свѣтъ и звукъ, объекты глаза и уха. Предметы обонянія и вкуса стоятъ, подобно амѣбіямъ, на самой границѣ. Но совершенно исключены отсюда такъ называемыя науки о духѣ: грамматика и политика, политическая экономія и исторія, мораль и правовѣдѣніе и особенно логика.

Такое ограниченіе понятно и разумно лишь подъ условіемъ, что это лишь формальное ограниченіе. Оно не должно отрицать моста, ведущаго отъ известной намъ „природы“ къ универсальному, неограниченному.

Естественно-научный монизмъ имѣетъ объ универсумѣ слишкомъ ужъ ограниченное представленіе. Своимъ: „все есть движеніе“ такъ же мало и такъ же много сказано, какъ и Соломоновымъ изрѣченіемъ: „все есть суета суетъ“. Все — криво и прямо, все — велико и ничтожно, все — временно и вѣчно, все — истина и жизнь. Но

какимъ образомъ возникаетъ въ мірѣ различіе, покой въ движеніи, разумъ изъ безсмыслія—объ этомъ не сказано ровно ничего.

Чтобы логически употреблять различіе, необходимо сознать, что все равно всему, что вселенная, универсумъ или абсолютное есть первопричина для самого себя и первооснова всѣхъ вещей, заключающая въ себѣ „вполнѣ, безъ остатка“, всѣ различія, какъ различіе причинности, такъ и различіе между духомъ и природой.

Девятнадцатое письмо.

„Философія должна остерегаться отъ стремленія поучать“ — говоритъ Гегель. Это должно означать, что религіозныя чувства стоятъ далеко ниже научныхъ идей. Однако, это положеніе имѣетъ и свою обратную сторону: идеи, не возвышающіяся до поучающей связи всѣхъ вещей—все равно: остаются ли онѣ въ какой-либо спеціальности (частности) изъ-за фривольности или ограниченности—такія идеи стоятъ далеко ниже въ общеміровой мудрости философіи.

Уже въ предыдущемъ письмѣ я достаточно ясно показалъ и надѣюсь еще убѣдительно показать, что понятіе Бога, —извиняюсь за это непопулярное выраженіе — или что понятіе абсолютнаго крайне важно для логическаго міровоззрѣнія.

Ты знаешь, что въ моей рѣчи боги и божества всѣхъ религій и вѣроисповѣданій называются „идолами“. И вполнѣ справедливо, ибо всѣ они суть „сотворенные кумиры“. Въместо міроваго цѣлаго тамъ всюду почитается болѣе или менѣе ничтожная часть (его).

Религій своимъ идолопоклонствомъ, часто науки своимъ непоучающимъ индифферентизмомъ свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что онѣ не имѣютъ никакого понятія ни о логикѣ, ни объ интеллектѣ и его искусствѣ различенія.

Міровое цѣлое есть обыденное понятіе, которое знакомо каждому и о которомъ, повидимому, очень мало остается что сказать. На дѣлѣ же—это понятіе всѣхъ понятій, сущность всѣхъ сущностей, самопричина, не допускающая рядомъ съ собою никакой другой причины и никакой другой сущности. Тотъ фактъ, что въ міровомъ цѣломъ заключенъ весь міръ, настолько очевиденъ, что тебя, пожалуй, удивить: почему я такъ много трачу словъ при изложеніи этой самоочевидной вещи. Но взвѣшивая, однако, тотъ фактъ, что человечество непрестанно искало міровую причину, міровое начало

и абсолютную истину внѣ міра, ты поймешь, что оно не составило себѣ истиннаго понятія о міровомъ цѣломъ, не поняло универсума — и въ этомъ заключается доказательство, что исканіе причины всѣхъ причинъ, начала всѣхъ началъ и истины всѣхъ истинъ не является излишней работой.

Ты могъ бы теперь бросить упрекъ, что слишкомъ смѣло желать однимъ разомъ постичь универсумъ, безконечное. Если при- дать этому слову (универсуму) его истинный смыслъ, то упрекъ является справедливымъ. И все же я, съ своей стороны, правъ, объясняя, что здѣсь рѣчь идетъ о томъ, чтобы постигнуть вселенную не специально, но вообще, постигнуть все и каждое не въ ихъ различіи, но—всю вселенную суммарно. И только назидательное понятіе мірового цѣлага въ состояніи раскрыть тебѣ человѣческой духъ, идею и его искусство.

Мы стремимся научиться изучать понятіе, не то или иное, по понятіе въ цѣломъ, иначе говори, понятіе цѣлаго. Ты ужъ болѣе не будешь высказывать то суевѣріе, что понятіе-образовательная или мыслительная способность есть вещь для себя, что она стоитъ внѣ общеміровой связи; ты настолько уже — я предполагало — постигъ искусство мышленія, что болѣе не думаешь о какой-либо вещи внѣ общей связи. Ибо тотъ, кто здѣсь представляетъ себѣ, что кусокъ дерева или камень есть вещь для себя, безъ связи со свѣтомъ и воздухомъ, землей, луной и солнцемъ—тотъ имѣетъ очень варварское представленіе о вѣщахъ этого міра.

Я утверждаю, что знаніе человѣческой понятіе-образовательной способности и искусство его употребленія неотдѣлимы отъ мірового понятія. Дѣло вовсе не въ томъ, чтобы совсѣмъ не различать внутрешній духъ отъ внѣшняго міра, но ихъ обоихъ необходимо представлять себѣ, лишь какъ формальные различія одного, въ своей сущности, неразличимаго, абсолютнаго мірового цѣлаго.

Понятіе этого истиннаго божества или божественной, иначе говоря, универсальной истины показываетъ при своемъ анализѣ, что оно включаетъ въ себѣ специальную истину искусства мышленія, какъ и всѣ другія спеціальныя истины. И особенно искусство мышленія, ибо оно, по самой своей сущности и по своимъ стремленіямъ, не можетъ ограничиваться, какъ какая-либо другая дисциплина, спеціальнымъ, но должна быть міровой мудростью.

Понять универсумъ—значить уяснить себѣ, что эта сущность

всѣхъ сущностей не имѣеть внѣ себя и рядомъ съ собою ни начала, ни причины, ни истины, ни разума, а все это она заключаетъ въ себѣ и у себя. Понять универсумъ—значить познать, что такъ называемыя логико-метафизическія категоріи, какъ начало и конецъ, причина и дѣйствіе, бытіе и не бытіе etc. мы употребляемъ нелогически, злоупотребляемъ интеллектомъ и сплошь заблуждаемся, если мы при этомъ выходимъ за предѣлы міровой безконечности и устремляемся въ область чрезмѣрнаго.

Такое злоупотребленіе категоріей мыслительной способности удачно отмѣчаетъ поэтъ своимъ вопросомъ и отвѣтомъ:

„И если-бъ умеръ я—
 Что случилось бы со мною тамъ?
 Глушець! нѣтъ смысла въ этомъ „тамъ“:
 „Тамъ“—только вѣдь земля!“...

Чтобы установить, такимъ образомъ, этотъ смыслъ, универсальный смыслъ, ты долженъ работать надъ познаніемъ, что универсумъ содержитъ въ себѣ все относительное, межъ тѣмъ въ цѣломъ воплощено абсолютное или назидательное божество.

Чтобы проникнуться міровою мудростью, ты долженъ усвоить, что съ такими вещами, которыя называются противоположностями и противорѣчіями, дѣло обстоитъ совершенно иначе, нежели объ этомъ думаетъ и учитъ логика идолослужителей. А именно: по мнѣнію послѣднихъ, Богъ и міръ, душа и тѣло, истина и заблужденіе, жизнь и смерть etc. суть несоединимыя антиподы, другъ другу противоположны, не могутъ быть покрыты однимъ понятіемъ, но должны, соотвѣтственно законамъ вѣчнаго разума, находиться внѣ другъ друга. Это ученіе о законѣ противорѣчія является совершенно ограниченной приходской мудростью, приносящее, вмѣсто уясненія головъ, лишь ихъ затемненіе. Безъ сомнѣнія, мертвое противоположно и отлично отъ живого, преходящее—отъ вѣчнаго, черное—отъ бѣлаго, кривое—отъ прямого, великое—отъ малаго. Кто же настолько тупъ, чтобы не признавать этой тривиальности? Но даже и наипротивоположнѣйшее и наипротиворѣчивѣйшее такъ же легко объединяются въ одномъ отдѣлѣ, семействѣ или родѣ, какъ и близнецы—въ материнскомъ нѣдрѣ. Что позволяетъ самцу и самкѣ ютиться въ одномъ гнѣздѣ, то же самое не препятствуетъ самому рѣзкому различію, несмотря на свое раздвоеніе, быть въ то же время единымъ и

однимъ и тѣмъ же, иначе говоря, быть двумя кусками одного калибра. Ты вѣдь, безъ сомнѣнія, и теперь, тотъ самый Евгеній, которымъ ты былъ въ дѣтствѣ—и все же ты, однако, являешься теперь совсѣмъ другимъ. Физиологи хотятъ даже вычислить, какъ часто, скажемъ, въ шестидесятилѣтнемъ человѣкѣ мѣнялись его мясо, вмѣстѣ съ костями, кожей и волосами его живого тѣла. Такимъ образомъ, не смотря на то, что сѣдой старикъ—тотъ же самый, какимъ онъ былъ въ дѣтствѣ, онъ тѣмъ не менѣе никогда не оставался тѣмъ же самымъ.

По этому примѣру ты можешь судить о томъ, какъ всякое различіе обладаетъ одной сущностью, всеобщей, наивозвышеннѣйшей, универсальной, абсолютной, божественной,—и эта абсолютная міровая сущность въ высшей степени назидательна, ибо она заключаетъ въ себѣ всѣ остальные сущности и является альфой и омегой всѣхъ вещей.

Но не представляетъ-ли собою этотъ міръ-богъ голое понятіе? Нѣтъ, онъ есть истина и жизнь! и крайне интересно отмѣтить тотъ фактъ, что такъ называемое „онтологическое доказательство бытія Божія“ вполнѣ подходит къ міровой истинѣ, которую я позволяю себѣ поставить въ skinii логики. Первоначально это доказательство приписывалось Ансельму Кентерберійскому. Какъ бы тамъ ни было, но одно извѣстно, что Декартъ и Спиноза являются главными защитниками этого доказательства. Они доказывали, что „совершеннѣйшей сущности“ необходимо присуще бытіе, иначе она именно и не могла бы быть совершеннѣйшей сущностью.

„Такимъ образомъ, я ясно увидѣлъ“—говоритъ Декартъ въ четвертой главѣ: „о методѣ правильнаго мышленія“—„что при предположеніи какого-либо треугольника, его три угла должны быть равны двумъ прямымъ; но ничто не свидѣтельствовало мнѣ о бытіи такого треугольника, межъ тѣмъ какъ при представленіи, которое я имѣлъ о совершенной сущности, я нашелъ, что бытіе съ этой сущностью такъ же связано, какъ связано съ представленіемъ треугольника равенство трехъ его угловъ двумъ прямымъ. Слѣдовательно, по меньшей мѣрѣ, настолько же достовѣрно, насколько только можетъ быть достовѣрно геометрическое доказательство, что Богъ есть или обладаетъ совершенной сущностью“.

Эта аргументація является для меня такой же ясной, какъ солнечный свѣтъ, и должна вполнѣ убѣдить тебя не въ бытіи абсо-

лотныхъ (чрезмѣрныхъ) идоловъ, но въ истинѣ абсолютно совершеннаго мірового существа.

Если бы ты противъ этого возразилъ, что съ этимъ совершенствомъ далеко не уйдешь, въ виду связанныхъ съ нимъ многихъ очевидныхъ несовершенствъ, то я просилъ бы тебя не мудрствовать лукаво, а внять голосу здраваго смысла, показывающаго, что міровые недостатки такъ же логически относятся къ совершенствамъ, какъ дурныя страсти къ добродѣтели, становящейся таковой лишь послѣ испытанія борьбы. Понятіе совершенства, не преодолевшаго несовершенное, было бы нелѣпнымъ понятіемъ.

Въ заключеніе, позволяю себѣ сказать нѣсколько словъ въ извиненіе за то, что я непрестанно смѣшивалъ міровое цѣлое съ понятіемъ мірового цѣлаго. Я часто говорилъ о понятіи вещи, какъ, равнымъ образомъ, и о самой вещи. Но посмотри! Развѣ ты не спрашивася, стоя у портрета неизвѣстнаго тебѣ человѣка: кто это? и ты, такимъ образомъ, замѣляешь изображеніе персоны самой персоной, безъ затрудненія и недоразумѣнія? Отношеніе между понятіемъ и вещью такое же, какъ и отношеніе портрета къ изображенной персонѣ. Это замѣчаніе направлено затѣмъ также противъ другой стороны, противъ скверной логики, которая умѣетъ лишь отдѣлять понятіе отъ вещи, разумъ отъ его предметовъ, не понимая формальнаго характера такого раздѣленія, не оцѣнивая единства всего міра, назидательной, наивысочайшей истины и истины наивысочайшаго.

Это письмо, милый Евгеній, защищаетъ назидательное, однако, лишь такое назидательное, которое включаетъ въ себѣ свою противоположность, неназидательное, помощью котораго проясняется это назидательное. Если захотятъ такому міровоззрѣнію дать имя пантеизма, то я совѣтую помнить, что это пантеизмъ не сантиментальный, не экзальтированный, а пантеизмъ здраваго человѣческаго разсудка, обожествленіе, имѣющее безбожный привкусъ или привкусъ безбожности.

Двадцатое письмо.

Милый Евгеній! Я хотѣлъ бы попробовать теперь изложить тебѣ свой предметъ со школьной точностью.

Понятіе бѣлой капусты охватываетъ всѣ бѣлые качаны, которые были или будутъ.

Понятіе капусты охватываетъ бѣлые, красные и многіе другіе сорта. Понятіе зелени еще шире; понятіе растенія идетъ еще дальше; еще распространеннѣй область органическая, пока, наконецъ, понятіе міра не охватываетъ все, о чемъ мы знаемъ и не знаемъ, конца чего мы не видимъ и что мы, поэтому, обозначаемъ, какъ безконечное.

Если пойдемъ обратнымъ путемъ, то становится сейчасъ же замѣтно, что всеобъемлющее понятіе прежде всего раздваивается на міръ и на понятіе. Мы находимъ затѣмъ міръ постижимымъ и понятіе—мірскимъ, находимъ, какъ обѣ части связаны такимъ образомъ, что каждая является для другой части субъектомъ въ такой же мѣрѣ, какъ и предикатомъ, мы находимъ — все равно: будемъ ли мы вещь разсматривать слѣва или справа — понятіе въ мірѣ и міръ въ понятіи.

Разумѣется, объектомъ нашего изслѣдованія является понятіе или, точнѣ говоря, понятіе—образовательная способность, а не внѣшній міръ. Понятіе—образовательная способность — да будетъ мимоходомъ замѣчено—является ни чѣмъ инымъ, какъ собирательнымъ именемъ различныхъ понятій, или, инымъ словомъ, для обозначенія понятія вообще. Но что я постоянно повторяю — такъ это слѣдующее: мы не можемъ взять предметомъ нашего изслѣдованія понятіе, отдѣленное отъ всякаго иного міра, ибо такое понятіе есть пустая абстракція, получающая содержаніе только помощью міровой связи, какъ, напримѣръ, помощью конкретнаго растенія (скажемъ брюквы) или иного спеціальнаго понятія.

Понятіе бѣлой капусты и капусты вообще, понятіе зелени и понятіе растенія etc. являются, хотя и спеціальными, но въ то же время и родовыми понятіями; какъ тѣ, такъ и другія относительны. Понятіе капусты по отношенію къ различнымъ видамъ, которое оно охватываетъ, есть понятіе родовое или абстрактное; по отношенію же къ понятію зелени оно является понятіемъ спеціальнымъ и конкретнымъ. И такъ же дѣло обстоитъ со всѣми понятіями: они одновременно конкретны и абстрактны; только послѣднее, міровое понятіе не абстрактно, но абсолютно; это понятіе абсолютнаго, которое неизбѣжно является предметомъ логическаго познанія.

Раньше мы нашли, что абсолютное міровое понятіе состояло изъ двухъ частей: изъ міра и понятія о немъ. Такъ, вода, какъ учатъ насъ химики, состоитъ изъ двухъ веществъ, изъ которыхъ

каждое обладает совершенно другими особенностями и не есть вода, межъ тѣмъ, какъ составленное изъ этихъ двухъ веществъ третье, вода, обладаетъ ей лишь свойственной особенностью чистой воды. Но мы вовсе не нуждаемся въ такомъ отдаленномъ примѣрѣ: мой столъ въ его настоящемъ составномъ видѣ представляетъ собою пѣчто совсѣмъ другое, какъ если бы мы иначе и бессмысленно сложили его составныя части.

Слѣдовательно, міровое понятіе является гораздо болѣе возвышеннымъ субъектомъ, нежели всѣ части, изъ которыхъ оно состоитъ. Чтобы особенно подчеркнуть этотъ пунктъ, я позволяю себѣ составленнаго изъ міра и понятія о немъ субъекта назвать особымъ именемъ, „универсумомъ“, чтобы этимъ существенно отдѣлить его отъ его элементовъ.

Я объясняю далѣе — безъ чего какой-нибудь софистъ могъ бы запутать это слово, — что всеобъемлющая идея или универсумъ есть абсолютное, заключающее въ себѣ все и вся, межъ тѣмъ какъ міръ и понятіе, какъ отдѣльныя части представляютъ собою лишь подраздѣленія или части относительныя.

Мы хотимъ познать идею, но не пустую, а универсальную міробъемлющую идею, идею въ философскомъ смыслѣ, гдѣ мы имѣемъ не голую идею, но живую истину, универсумъ, абсолютное или наивысочайшее.

Съ универсумомъ и его частями дѣло обстоитъ такъ же, какъ съ телескопомъ, въ которомъ круги вставлены другъ въ друга и гдѣ нашъ мыслительный инструментъ составляетъ кругъ, особенный кругъ, дающій намъ картину всей коробки (телескопа).

Этого творца образовъ, котораго я уже раньше сравнилъ съ фотографомъ, мы имѣемъ на примѣтѣ не во имя его самого, даже не во имя образовъ, но во имя оригинала, универсальнаго міра, являющагося цѣлью нашего изслѣдованія. Дѣло обстоитъ точно такъ же, какъ если бы кто-либо купилъ портретъ стараго Фрица: какъ бы тамъ ни шла рѣчь о самомъ портретѣ, въ концѣ концовъ, дѣло все же идетъ о старомъ забіякѣ. Такъ и въ мыслительномъ искусствѣ, рѣчь идетъ объ абсолютномъ, о міровой мудрости, не ради мудрости, но ради міра, включающаго въ себѣ и мудрость.

Это длинное изложеніе можно было сдѣлать короче, если бы я, вмѣсто того, чтобы такъ непрестанно трактовать о міровомъ понятіи, говорилъ бы просто о мірѣ. Но это, однако, было бы въ ущербъ

моей цѣли, стремящейся уяснить, что человѣческій духъ есть часть міра,—и расчлененіе въ понятіяхъ, противопоставляющее этотъ духъ, какъ особую часть, вѣшнему міру, требуетъ также все объ- емлющаго имени и для объединеннаго или абсолютнаго.

Абсолютное понятіе есть понятіе абсолютнаго или высочайшаго; съ этимъ послѣднимъ связано не только истинное, прекрасное и доброе, что приписывается Богу—оно является также и той сущ- ностью, которая всякому мышленію даетъ необходимую логику, проч- ность и истинный видъ.

Платонъ является однимъ изъ философовъ, который, если и не прояснилъ искусства мышленія, то все же удивительно ярео освѣ- тилъ его. Въ своемъ діалогѣ „Горгіалъ“ онъ заставляеть говорить Сократа слѣдующимъ образомъ:

„Кажется ли тебѣ, что люди хотять того, чѣмъ они занимаются, или того, во имя чего они занимаются тѣмъ, что ихъ занимаетъ? Кажется ли тебѣ, напримѣръ, что тѣ, кто принимаетъ предписа- нное докторами лекарство, хотять именно того, что они дѣлають (т. е. принимать лекарства), или они хотять того, во имя чего они принимаютъ эти лекарства, т. е. здоровья?“

„Такъ же и идущіе на суда и отправляющіеся ради торговыхъ дѣлъ хотять не того, чтобы идти на суда и отправляться за тор- говыми дѣлами; ибо кто же хочеть идти на суда, чтобы подвер- гаться опасности, тяготамъ? Но только то, во имя чего они идутъ на суда, и заставляеть ихъ идти на нихъ, а именно—изъ стремленія обогатиться, ибо только во имя богатства идутъ они на суда“.

Платонъ этимъ говоритъ, что ближайшія цѣли человѣка вовсе не являются цѣлями, но лишь средствами для конечной цѣли, для благоденствія или для „добра“. Поэтому онъ продолжаетъ далѣе: „Если мы идемъ, то идемъ только во имя стремленія къ добру и, если, напротивъ, стоимъ, то также во имя того же добра“.

Сдѣлаемъ теперь шагъ впередъ, въ сравненіи съ Сократомъ и Платономъ. Какъ человѣческіе поступки получаютъ свое истинное обоснованіе не въ ближайшей цѣли, но во всеобщей, въ благоденствіи, и какъ нравственные поступки создаютъ свое право, лишь исходя изъ общечеловѣческихъ интересовъ,—такъ и всѣ мі- ровыя вещи находятъ свое обоснованіе не въ ближайшей средѣ, но въ безконечно-далекомъ универсумѣ. Не брошенное въ землю

сѣмя, какъ думаетъ крестьянинъ, является причиной того, что появляется, растетъ и зеленѣетъ растеньице, — но земля, солнце, вѣтеръ и климатъ, короче, вся природа составляютъ именно то, что включаетъ въ себѣ сѣмянное зерно со всѣми его произрастаніями.

Если мы примѣнимъ это воззрѣніе къ нашему спеціальному объекту, къ мыслительной способности, то эта послѣдняя представить собою не человѣчески ограниченную, разумѣется, и не чрезмѣрную, но космическую, универсальную способность. По Гомеру, безсмертные боги называютъ вещи другими именами, нежели смертные люди. Если ты теперь понялъ понятіе абсолютнаго, ты поймешь тогда божественную рѣчь и поймешь, что интеллектъ самъ по себѣ хотя и важная частица, но въ общей связи съ универсумомъ является лишь универсальной, абсолютно неизмѣнной частицей, лишь неизмѣнной частицей абсолютнаго.

Всѣ вещи обладаютъ двойкой природой, всѣ — суть ограниченныя части неограниченнаго, неисчерпаемаго, непознаваемаго. Какъ всѣ вещи малы или велики, временны и вѣчны, такъ всѣ они доступны человѣческому духу, для пониманія понятны и непонятны, въ одно и то же время. Мы не хотимъ обожествить понятіе — образовательную способность, по все же мы не можемъ не признать его божественной природы. Человѣкъ долженъ быть смиренъ, по все же онъ не долженъ и облаять по-собачьи внѣміровой духъ, по прокинуться высокимъ сознаніемъ, что его духъ есть истинный духъ, духъ универсальной истины.

Глазами, включая сюда и соколиные глаза, можно видѣть все. Какъ глазъ является орудіемъ зрѣнія, такъ интеллектъ является орудіемъ для образованія понятій. Какъ очки и стекла суть вспомогательныя средства для зрѣнія, такъ чувства, опыты воспріятія, опыты суть средства образованія понятій для интеллекта. Вооруженный такими орудіями, послѣдній можетъ охватить въ своемъ понятіи все и вся. Онъ охватываетъ все „все“, по даже и „все“ лишь въ относительномъ смыслѣ слова. Мы охватываемъ все, какъ мы за деньги покупаемъ все. Разумѣется, мы покупаемъ лишь то, что вообще можно купить. Разсудокъ и солнечный свѣтъ нельзя купить за деньги. Такимъ же образомъ мы можемъ глазами все видѣть и все же не видѣть всего. Звуки и запахи невидимы. Какъ все бываетъ мало и велико, такъ все бываетъ познаваемо и постижимо и въ то же время непознаваемо и непостижимо, — понимается не

„все“ въ смыслѣ божественной или человѣческой рѣчи. Слово имѣеть двоякій смыслъ: обозначать каждую частицу, и въ то же время весь универсумъ. Человѣскій духъ универсаленъ, но лишь какъ универсальная частность.

Посмотри на прелестную своимъ цвѣтомъ гвоздику. Ты видишь весь цвѣтокъ и все же ты видишь не всего его. Ты не видишь ни запаха его, ни вѣса его. Въ человѣческой рѣчи „все“ означаетъ лишь относительное все, которое является въ то же время лишь частицей. Каждая частица универсума представляетъ собою подобную двоякую вещь. Однако, въ божественной рѣчи, которою говорить философія, цвѣлоствъ лишь абсолютный универсумъ.

Гдѣ рѣчь идетъ не объ интеллектѣ, а о какой-либо другой части міра, какъ, напримѣръ, глаза,—тамъ универсальное понятіе абсолютнаго не такъ важно, ибо зрительная способность, подобно денежной силѣ, мало страдаетъ отъ того, что съ нею могутъ въ метафизическомъ смыслѣ обращаться дурно.

Мы знаемъ, что глаза, стремящіеся видѣть уголь сквозь доску или гвоздичный аромать, такъ же непонятны, какъ вороныя-пѣгїя лошади. Тотъ фактъ, что мы не въ состоянїи видѣть невидимое, не мѣшаетъ нашимъ глазамъ быть универсальнымъ инструментомъ, который можетъ видѣть все (все видимое).

Поскольку тебѣ ясно это, постольку же ясна для тебя жалкая профессорская мудрость, которая, сокрушенная, какъ методисты, лежитъ навзничъ на своемъ животѣ и, какъ они: О, лордъ! О, лордъ!—взываетъ à la Дюбуа-Реймонъ: „Ignorabimus“ (не знаемъ)! Разумѣется, человѣскій духъ невѣжественъ, но въ томъ смыслѣ, что онъ постоянно учится, такъ какъ въ природѣ данъ для него неисчерпаемый матеріалъ. Даже въ каждой природной частицѣ заключается нѣчто непостижимое, какъ въ каждой гвоздикѣ—нѣчто невидимое. Но непостижимое въ смыслѣ невѣждъ, которымъ слишкомъ не по силамъ постичь человѣскій духъ, ибо въ ихъ головѣ застряло представленіе о внѣ-міровомъ чудо-духѣ—такимъ образомъ, значитъ, чудовищная непостижимость вещей или какой-либо одной вещи существуетъ лишь для служителей Ваала, которымъ истинный духъ такъ же мало доступенъ, какъ и духъ истины.

Какъ аподиктически мы знаемъ, что и на небѣ нѣтъ пожа безъ рукоятки и клинка, нѣтъ пѣгихъ - вороныхъ лошадей—такъ же аподиктически мы знаемъ, что теоретикопознавательная способность

никогда и нигдѣ не въ состояніи быть абсолютной, но всегда должна быть лишь частной способностью. Какъ понятіе ножа, такъ и понятіе познанія ограничено, какъ опредѣленное орудіе. Могутъ быть различные ножи и различные интеллекты, но нѣтъ ничего, что въ состояніи было бы выйти изъ своей собственной кожи или за предѣлы ограниченія своего спеціальнаго понятія.

Отсюда ты поймешь, насколько путанны мысли тѣхъ, кто чрезмѣрно толкуетъ о неограниченной мыслительной способности. У нихъ нѣтъ правильной идеи ни о духѣ, ни объ универсумѣ, ни о понятіи, ни о непостижимомъ, иначе они не толковали бы въ такомъ бессмысленномъ смыслѣ о „границахъ познанія“. Ты видишь также, какъ относительная ограниченность и неограниченность разума становится понятнымъ лишь помощью понятія абсолютнаго.

Двадцать первое письмо.

Демократическая пролетарская народная логика изслѣдуетъ наивысочайшее. Народъ знаетъ, что нужно поклоняться, но попрось: кому? Ваалу или Навуходоносору? Гдѣ, кто, что является наивысочайшимъ, которому все подчиняется, которое надѣляетъ наше мышленіе и наши поступки системой, выводами, логикой? Прежде всего, еще спрашивается: какимъ путемъ приходимъ мы къ его познанію? Такъ какъ здѣсь нѣтъ мѣста преклоненію передъ откровеніемъ, то остаются лишь два вопроса: Разумъ и Опытъ.

Лишь недостатокъ обыденнаго способа мышленія заставляетъ насъ изъ этого пути дѣлать два пути, межъ тѣмъ какъ на дѣлѣ существуетъ лишь одинъ путь, общая улица, которая помощью сообразованнаго съ опытомъ разума или сообразованнаго съ разумомъ опыта ведетъ туда, гдѣ мы познаемъ, что наивысочайшее, которому поклоняется все, есть не нѣчто частное, часть или частица, а самъ универсумъ со всѣми его частями.

Мы принимаемъ лѣкарство ради цѣли здоровья, беремъ на себя тяготы, чтобы разбогатѣть. Но ни здоровье, ни богатство не являются самоцѣлью. Къ чему здоровье, если нечего ѣсть? Къ чему всѣ сокровища Креза, если нѣтъ здоровья? Значить, здоровье должно быть связано съ богатствомъ. Но даже и этого недостаточно. Въ насъ сидитъ духъ, который гонитъ насъ дальше; существуютъ еще и другія сокровища и потребности, довольство

(удовлетворенность) относится бесспорно сюда же. Но вѣдь возбуждающій духъ міра такой недовольный, неограниченный, что онъ не остается покойнымъ, пока онъ не достигаетъ „всего“. Все, весь міръ въ цѣломъ—вотъ гдѣ главная суть.

Сократъ и его школа, на которую я—въ силу предшествующаго письма—здѣсь намекаю, избрали особый путь разума, чтобы найти, какъ они называли, наивысочайшее, истинное, доброе, прекрасное. Платоновскіе діалоги великолѣпнымъ образомъ освѣтили тотъ фактъ, что дѣло не въ здоровьѣ, не въ богатствѣ, не въ храбрости, не въ благочестіи, ставящемъ себѣ цѣлью „высшее благо“, но, какъ и при всѣхъ вещахъ, лишь во взглядѣ, лишь въ способѣ употребленія, которое дѣлаетъ изъ нихъ человѣкъ. И соотвѣтственно тому, какъ они являются то благими, то дурными,—они являются лишь относительными благами. Любовь и вѣрность, честность и правдивость очень благи, но они не являются благомъ самимъ по себѣ; они лишь принимаютъ участіе въ этомъ благѣ. Мы стремимся къ тому, что является при всѣхъ обстоятельствахъ абсолютно благимъ, истиннымъ и прекраснымъ.

Если Сократъ спрашивалъ о добромъ или разумномъ, тогда его ученики обыкновенно перечисляли цѣлый рядъ добрыхъ и разумныхъ отдѣльностей, межъ тѣмъ какъ учитель долженъ былъ постоянно учить ихъ тому, что его изслѣдованіе стремится къ совсѣмъ иной цѣли. Они называютъ извѣстныхъ добродѣтели, а онъ желаетъ знать, что такое добродѣтель вообще; они называютъ добрыя вещи, а онъ ищетъ добраго самого по себѣ, чистаго добра, межъ тѣмъ какъ добрыя вещи обладаютъ сквернымъ свойствомъ быть добрыми лишь при извѣстныхъ обстоятельствахъ.

Такимъ образомъ, сократисты нашли, что лишь возрѣніе или интеллектъ въ состояніи открыть условія, ведущія къ абсолютному. Возрѣніе, человѣческій духъ, философія является для нихъ чѣмъ-то божественнымъ. Такимъ образомъ, они пришли къ своему знаменитому: „познай самого себя“, что въ ихъ пониманіи означаетъ: взгляни внутрь себя и раскрывай въ себѣ. Межъ тѣмъ они вовсе не стремились употреблять интеллектъ въ родѣ оракула, какъ не стремились къ тому и послѣ, когда христіанскіе философы перемѣнили названіе для объекта этого изслѣдованія и, вмѣсто добраго, истиннаго и прекраснаго, назвали его Богомъ, свободой и безсмертіемъ.

Чтобы преодолѣть ту путаницу, которая создавалась многими именами, данными логическому объекту въ процессѣ историческаго развитія, необходимо твердо помнить, что языческое, какъ и христіанское изслѣдованіе, поскольку оно стремится къ абсолютному, покоится на прирожденной потребности знать наивысочайшее, которое должно служить опорой для всякаго мысленія и всякихъ поступковъ. Многобожіе должно было имѣть одного принципала (главнаго бога), все равно: назывался ли онъ Зевсомъ или Юпитеромъ. Въ ходѣ развитія этой потребности въ единствѣ было очень естественно вмѣсто многихъ божественныхъ поставить одного вѣчнаго вседержителя. Философы отличаются отъ теологовъ лишь постольку, поскольку они опорный пунктъ міра ищутъ болѣе за реальной, нежели фантастической почвѣ.

Изъ древней философіи помощью двухтысячелѣтняго посредничества, помощью промежуточныхъ членовъ, выросла демократически-пролетарская логика, которая познаетъ, что разумъ есть орудіе, ведущее къ наивысочайшему, подъ условіемъ, что онъ не копается въ самомъ себѣ, а выходя за свои предѣлы, связываетъ себя со всѣмъ міромъ. Такая связь именно и есть наивысочайшая, непреходящая, вѣчная истина, добро и красота и разумъ. Всѣ остальные вещи, выражаясь по-платоновски, припимаютъ „лишь участіе“.

Если сократисты и были еще связаны фантастическими привѣсками, то все же они находились на лучшемъ пути къ истинной логикѣ, при которомъ ихъ не удовлетворяло ни здоровье, ни богатство, ни какое-либо другое добро или добродѣтель, такъ какъ они искали познанія не истинныхъ явленій, но истины самой по себѣ. Она, эта истина, есть универсумъ, — и человѣкъ долженъ знать ее, какъ таковую, какъ единственную, чтобы быть въ состояніи разумно употреблять свой разумъ, разумно въ высшемъ, классическомъ смыслѣ слова.

О логикѣ и о томъ, что нужно мыслить логически, толкуетъ все и вся. Но если ты, мой сынъ, какъ разумный человѣкъ, имѣешь потребность жить не только фразеологіей, но и точнѣе знать, что необходимо разумѣть подъ словомъ, — то ты съ трудомъ найдешь такую книгу, которая дала бы удовлетворительное разрѣшеніе темы о логикѣ. Лучшей книгой, пожалуй, была бы библія, въ слѣдующемъ смыслѣ: если ты спрашиваешь ее о началѣ и концѣ, о цѣли

и назначеніи, о томъ, что даетъ тебѣ, какъ и всѣмъ вещамъ, существованіе, если ты спрашиваешь ее о центральномъ пунктѣ, вокругъ котораго все вращается,—тогда она рассказываетъ тебѣ не что нибудь: гдѣ начинается та или другая исторія, но говорить объ абсолютномъ началѣ и концѣ всякой исторіи, о всеобщей цѣли и всеобщемъ назначеніи всякаго бытія. Именно это я и называю логикой.

Свободные умы не довольствовались религіозной мифологіей и стремились помощью собственнаго изслѣдованія установить въ своей головѣ связь или логику. Платонъ и Аристотель превосходно успѣвали въ этомъ. Также и новѣйшіе философы, Картезий, Спиноза, Кантъ. Главнымъ камнемъ преткновенія для всѣхъ служилъ упорный предрасудокъ, что человѣкъ несетъ разумъ въ своей собственной головѣ. Если онъ и имѣетъ нѣчто подобное, то это все же не разумный разумъ. Заключенный въ мозговой коробкѣ интеллектъ не обладаетъ, какъ объ этомъ думали древніе, мудростью въ себѣ; поэтому послѣдняя не можетъ быть также черпаема копаніемъ въ самомъ себѣ. Гегель правъ: разумъ въ головѣ, онъ,—и во всемъ мірѣ, „все разумно“. Я повторяю: Вселенная—вотъ гдѣ главная суть.

Выраженіе: „копаться въ себѣ“ ты не поймешь превратно. Я вовсе не противникъ разумнаго размысленія, но я хочу лишь подчеркнуть, что мы находимся на превратномъ пути, если мы отдѣляемъ мышленіе отъ зрѣнія, слуха, осязанія, духъ—отъ тѣла. Какъ христіане искали блаженства внѣ плоти, такъ философы искали разумъ или познаніе внѣ общей связи съ внѣшнимъ міромъ, внѣ опыта. Особенно изслѣдованіе свойствъ интеллекта считало, что оно должно копаться въ самомъ себѣ.

Кто желаетъ знать что-нибудь о звѣздахъ, наблюдаетъ небо; кто желаетъ обогатить свои знанія въ растительномъ царствѣ, идетъ собирать растенія; но кто стремится изслѣдовать духъ, долженъ не копаться въ самомъ себѣ, также и не анатомировать пожомъ свою голову. Здѣсь онъ найдетъ мозгъ, но не духъ, не разумъ.

Да и самый мозгъ не такъ легко и просто вырѣзать, какъ объ этомъ думаетъ не въ мѣру усердный матеріалистъ. Когда анатомъ изслѣдуетъ мозговую субстанцію, то онъ хорошо знаетъ, что она не находится ни у Петра, ни у Павла, но сидитъ въ безконечно многихъ головахъ, что онъ долженъ совершить слишкомъ много раскопокъ раньше, чѣмъ онъ найдетъ то, что онъ ищетъ, мозгъ

вообще, достаточно различающійся отъ Петрова или Павлова мозга. Здѣсь ты поймешь, что твой мозгъ—не только твой, но „принимаетъ участіе“ въ всеміровомъ мозгу, и ты узнаешь здѣсь, насколько мало твой разумъ является только твоимъ. Гегель правъ: „не только люди, но и все—разумно“.

Разумѣтся, такими максимами можно защищать и самыя скверныя дѣла. Такимъ-то образомъ, даже этотъ великій логикъ получилъ злую кличку, не народнаго философа, а королевско-прусскаго государственнаго логика. Я не хочу ни чернить, ни обѣлить его, не хочу также отрицать, что онъ великое дѣло оставилъ въ туманной мистической крючковатости. Однако, необходимо признать, что даже злѣйшіе предрасудки, бессмысленнѣйшіе нравы, права и институты находятъ свое оправданіе во времени и обстоятельствахъ, въ которыхъ они возникли. Такое познаніе тогда сопровождается и другимъ, что и, наоборотъ, наиразумнѣйшія вещи стираются колесомъ времени и становятся слабыми, гнилыми и неразумными. „Добро“ именно и не есть какой-либо особый институтъ, но его необходимо искать въ общей связи всего міра. Именно, только абсолютное—абсолютно добро. И такимъ-то образомъ, не только консервативные редакторы „Berliner Kreuzzeitung“, Шталь, Лео, Герлахъ, но и революціонные творцы „коммунистическаго манифеста“ являются перекрашенными гегельянцами.

Двадцать второе письмо.

Милый Евгеній! Сократъ учить: когда мы ходимъ, когда мы стоимъ—нашей цѣлью является не ходьба, не стоянье; мы всегда имѣемъ въ виду нѣчто большее, пока, наконецъ, нашей истинной цѣлью не является всеобщее благополучіе, именно, „добро“. Если ты присмотришься ближе, то ты также найдешь, что твое личное добро или благополучіе, такъ называемое эгоистическое, далеко недостаточно.

Ты связанъ не только съ отцомъ и матерью, братьями и сестрами, родственниками и друзьями, но и съ обществомъ и государствомъ, да космополитически со всѣмъ человѣчествомъ. Только благополучіе послѣдняго и полное благополучіе есть твое благополучіе.

Я хорошо знаю, что горизонтъ филистеровъ не идетъ дальше своей приходской колокольни. Они мыслятъ по очень скверной мак-

симѣ: моя рубашка ближе къ тѣлу (и потому дороже, нежели сюртукъ). Если-бъ мнѣ предложили на выборъ: носить сюртукъ безъ рубашки или рубашку безъ сюртука, я отдалъ бы преимущество сюртуку и не бѣгалъ бы, на посмѣшище всему міру, въ одной рубашкѣ.—Тотъ старикъ, который садилъ деревья, не надѣясь при своей жизни вкусить отъ ихъ плодовъ, не былъ филистеромъ, иначе онъ сѣялъ бы сѣмена, которыя могли бы созрѣть въ то же лѣто.

Здѣсь необходимо принять въ соображеніе, что сократисты, которые искали абсолютное подъ именемъ добра, были постольку ограничены, поскольку они это добро разсматривали лишь съ моральной, специфически человѣческой точки зрѣнія, а не, равнымъ образомъ, и съ космической. Какъ здоровье и богатство связаны другъ съ другомъ, и все же, даже это слишкомъ недостаточно для человѣческаго благополучія, какъ для этого послѣдняго необходимы всѣ соціальныя и политическія добродѣтели,—такъ и добро еще не кроется всецѣло въ связи всѣхъ людей, но выходитъ за ея предѣлы и связывается со всѣмъ міромъ. Безъ послѣдняго человѣкъ ничтоженъ. У него нѣтъ глазъ безъ свѣта, ушей—безъ шума, морали—безъ физики.

Не столько человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, сколько скорѣе его большая или меньшая и интимная связь со всѣми вещами есть мѣра всякой человѣчности. Не ограниченная моральность, но универсумъ, наивысочайшее есть добро въ наивысочайшемъ смыслѣ слова, есть абсолютное добро, право, истина, красота и разумъ.

Въ предыдущемъ письмѣ я говорилъ по поводу всеобщей разумности, что не только человѣческая голова, что даже горы и долины, лѣса и поля, даже дураки и прохвосты разумны. Тебѣ хорошо извѣстна пѣсенка: „кто нисходитъ съ высоты?“ *) и ты знаешь, какъ тамъ всѣ лица и предметы называются кожаными. Здѣсь есть кожаная высота, кожаный почталонъ, кожаное письмо, даже самъ почтенный папа, почтенная мама и госпожа сестра сдѣланы изъ кожи. Я вспоминаю это для того, чтобы этимъ самымъ сказать, какъ прекрасно я вижу, что нельзя кожу называть разумной и разумъ кожанымъ, не вызывая вмѣстѣ съ тѣмъ такого слово-

*) Извѣстная нѣмецк. студенч. пѣсня, состоящая изъ вопросовъ и отвѣтовъ, причемъ каждый отвѣтъ сводится къ надѣленію cadaго предмета эпитетомъ: кожаный.

употребленія, которому какъ разъ недостаетъ того, что всякая рѣчь различаетъ отъ неразумной болтовни, хныканья и шума. Рѣчь разумна только тогда, когда она расчленяетъ міръ и различаетъ вещи помощью ихъ различныхъ наименованій.

Это легко понятно. Но труднѣе усвоить воззрѣніе, что тѣ, кто управляетъ своимъ разумомъ безъ логической школы, настолько преувеличиваютъ различіе, что перестаютъ понимать и находить общую связь. Всѣ вещи не только раздѣлены, но и объединены. Но это надо поставить въ вину самой логикѣ, что она до сихъ поръ не въ состояніи подняться до этой связи всего бытія. Наука о разумѣ все еще трактуетъ о разумѣ и опытѣ, какъ о двухъ различныхъ вещахъ, совершенно не имѣющихъ какой-либо общей природы. Поэтому мнѣ необходимо особенно подчеркнуть, какъ безъ опыта нѣтъ разума, безъ разума нѣтъ опыта.

Ученые языковѣды, которые здѣсь много спорятъ о томъ, возникъ ли разумъ послѣ рѣчи или рѣчь послѣ разума, — сходятся въ томъ, что оба связаны вмѣстѣ. Нельзя говорить безъ того, чтобы не говорить разумно, нельзя говорить безъ смысла, ибо иначе необходимо все это назвать болтовней, переливаніемъ, или какъ хотите называйте, но ни въ коемъ случаѣ не рѣчью. Съ другой стороны, никакой разумъ не можетъ существовать безъ того, чтобы не раздѣлять вещей міра помощью именъ, чтобы не отдѣлять кожи отъ дѣвицы, разума отъ опыта.

Кожаная дѣвица есть, разумѣется, лишь преувеличеніе юношеской фалгази и все же является подходящимъ примѣромъ для того, чтобы показать діалектическое взаимодѣйствіе всѣхъ именъ и вещей, всѣхъ субъектовъ и предикатовъ, что, сообразно съ здравымъ разсудкомъ, разумъ имѣетъ свое пребываніе лишь въ человѣческой головѣ и все же этотъ разсудокъ не здравъ, если онъ не знаетъ и не помнитъ твердо, что человѣческая голова связана со всѣми головами, разумъ — со всѣмъ міромъ, — такъ что все бытіе и лишь только все бытіе разумно въ высшемъ смыслѣ слова.

Чтобы быть въ состояніи разумно употреблять разумъ при всѣхъ изслѣдованіяхъ и при всѣхъ объектахъ, ты долженъ знать, что весь міръ обладаетъ одной природой, даже кожа и госпожа сестра. Очевидно, что между ними обѣими существуетъ громаднѣя разница, и все же въ нихъ обѣихъ господствуютъ однѣ и тѣ же силы и вещества, въ такомъ же родѣ, какъ въ пѣрой и вороной лошади —

одна и та же лошадиная природа, такъ что поистинѣ можно вос-
пѣвать сестеръ кожаными, а кожу сестрицей.

Это, разумѣется, звучитъ парадоксально, но я считаю, что
долженъ именно выражаться такъ эксцессивно, чтобы въ достаточ-
ной мѣрѣ представить едино-природу всего бытія, которая здѣсь
является безусловной основой для разумнаго употребленія разума.

Возьмемъ для иллюстраціи какой-нибудь вопросъ, стоящій на
очереди дня. Въ политическомъ народномъ движеніи рѣзко выдѣля-
ются въ настоящее время два теченія. Одно называется пропагандой
дѣломъ. Оно работаетъ въ Россіи и Ирландіи динамитомъ, порохомъ
и свинцомъ. Другое рекомендуетъ пропаганду словомъ, выборами и
законной агитаціей. И здѣсь не спорятъ разумно о томъ, для кого,
какимъ образомъ и гдѣ то или это является оппортунистичнымъ,
а съ сектантскимъ фанатизмомъ каждый стремится свою относитель-
ную истину выдать за абсолютную. Если ты что-нибудь воспринялъ
о методѣ, какимъ образомъ необходимо мыслить истину, объ истин-
номъ методѣ мышленія, то ты сегодня или въ одномъ мѣстѣ прим-
кнешь къ однимъ, завтра или въ другомъ мѣстѣ — къ другимъ, не
забывая, что всѣ дороги ведутъ въ Римъ. И если товарищи слу-
чайно возьмутъ надъ тобою верхъ, то въ противникѣ ты все же
долженъ цѣнить и друга, и твой споръ, вплоть даже до ножей,
всегда лишь будетъ относительнымъ споромъ, споромъ на ножахъ,
но съ разумомъ.

Наша народная логика толерантна (терпима), а не фанатична.
Народная логика не стремится быть разумной безъ всякой страсти,
но и не страстной безъ всякаго разума. Она не уничтожаетъ раз-
личія между другомъ и недругомъ, между истиной и ложью, между
разсудкомъ и безразсудствомъ, но смягчаетъ фанатизмъ, доводящій
различіе до чрезмѣрности. Во главѣ своего ученія она ставитъ
слѣдующій законъ: существуетъ лишь одно абсолютное, міровое
цѣлое (вселенная).

Твердо помни, что понятіе мірового цѣлага, допускающее ря-
домъ съ собою или внѣ себя что-нибудь еще другое—есть еще
болѣе—если только это возможно—безмысленное понятіе, нежели
деревянное желѣзо. Отсюда тебѣ сейчасъ же станетъ ясно, какъ
всякое различіе имѣетъ одну общую природу, не допускающую,
чтобы различіе между двумя вещами или мнѣніями стало чрезмѣрно
великимъ. Именно потому, что универсумъ есть единственная вы-

сочайшая сущность, — всѣ различія поэтому, даже всѣ различія во мнѣніяхъ въ высокой степени не важны.

Я прошу тебя, для цѣли изученія логики, рѣзко и часто брать предметомъ своего размышленія какое-нибудь существенное различіе и брать на помощь твоей собственной, ежедневной, опытъ.

Помощью нашей логики мы научаемся божественной рѣчи, а въ этой послѣдней существуетъ лишь одна сущность, а именно универсальная или генеральная (общая) сущность. Напротивъ, рѣчь смертныхъ всякую частичку этой сущности называетъ тоже „сущностью“, которая конечно, можетъ быть лишь относительной сущностью.

Каждый колосъ на хлѣбномъ полѣ и каждый волосъ на бычачьей шкурѣ и даже каждая частица ихъ представляетъ собою именно такую сущность. Но эти относительныя сущности суть въ то же время и не сущности или незначительныя, неважныя прибавки. Такимъ же образомъ и всѣ различія между міровыми частицами существенны и не существенны, въ одно и то же время, это значить, что они имѣютъ относительную сущность, они лишь участвуютъ въ наивысочайшемъ, по отношенію къ которому онѣ абсолютно несущественны. Добръ ли ты или золь, счастливо ли твое отечество или несчастливо, свободно ли оно или порабощено—это для тебя и для меня очень важно и все же для великаго абсолютнаго цѣлаго совершенно не играетъ роли. Въ универсальной исторіи судьба отдѣльнаго народа имѣетъ не большее значеніе, нежели отдѣльный волосъ на моей головѣ, которымъ пѣсть числа и которые все же всѣ до одинаго сочтены. Сообразно съ этимъ, все въ своей частичной изоляціи является пустякомъ и тѣмъ не менѣе каждое въ общей связи снова становится необходимой, разумной, значущей, божественной частицей.

Отсюда, изъ этой исторіи, вытекаетъ слѣдующая мораль. Человѣчскій разумъ, спеціальнй объектъ логическаго изслѣдованія, причастенъ къ общей (генеральной) сущности; онъ не является сущностью въ себѣ; какъ изолированная сущность, она сплошь ничтожна и бессильна добыть какое бы то ни было познаніе. Лишь въ общей связи не только съ матеріальнымъ міромъ, но и съ универсумомъ вообще интеллектъ становится жизнедѣтельнымъ и работо-способнымъ. Не мозгъ мыслить, но весь человѣкъ; и для мыш-

ленія не только нуженъ человѣкъ, но и универсальная общая связь. Разумъ не открываетъ никакой истины. Истины, открывающіяся намъ помощью разума, суть откровенія общей (генеральной) сущности, абсолютнаго.

Если ты такимъ именно образомъ будешь мыслить о разумѣ, тогда мой сынъ, ты будешь мыслить о мірѣ разумно, всеумдро, логично и правильно.

Двадцать третье письмо.

А.

Если мы даже и знаемъ, что не существуетъ настоящаго начала, такъ какъ мы живемъ въ безначально-безконечномъ универсумѣ, то мы, смертные, все-таки должны приступать къ нашему дѣлу съ извѣстнаго пункта. Такимъ образомъ, я начинаю обзоръ исторіи моей темы Платономъ и кончаю другой разъ Гегелемъ, хотя и до и послѣ мы много говорили о философіи. Эти два имени—двѣ блестящихъ точки, которыя распространяютъ свой свѣтъ на все остальное. Для поученія заблужденія предшественниковъ также полезны, какъ и ихъ положительныя дѣянія. Еще болѣе: заблужденія образуютъ ступени лѣстницы, которая ведетъ къ универсальному міросозерцанію. Мы по ней взбираемся и съ нея спускаемся, можетъ быть, недостаточно правильно, но въ настоящее время кривыя дороги англійскихъ парковъ предпочитаютъ совершенно прямымъ французскимъ аллеямъ. Заслуга Сократа и Платона состояла въ томъ, что они стремились видѣть хорошее не въ хорошихъ частностяхъ, но въ хорошей совокупности, въ „чистомъ“ или абсолютномъ видѣ, вмѣсто того, чтобы спрашивать о многихъ добродѣтеляхъ, спрашивать о добродѣтели вообще. Ихъ заблужденіе, не достигшее успѣха, заключалось въ стремленіи преувеличить раздѣленіе между частностью и совокупностью.

По ученію Платона, пѣгія и вороныя лошади мчались по земной мостовой, но лошадь вообще, ни коричневая, ни черная, ни бѣлая, не такая тонкая (стройная), какъ бѣговая, не такая коренастая, какъ ломовая,—мчалась въ „Идеѣ“, въ платоническомъ, идеальномъ туманѣ. Платоническому познанію не доставало того, чему тебя должна научить современная или, если хочешь, грядущая народная логика: общее прозрѣніе въ связь всѣхъ вещей,

какъ онѣ, несмотря на разнообразіе и разновидность, совершенно точно связаны, какъ экземпляры одной совокупности (одного рода). Логичное отношеніе между экземпляромъ и родомъ понималось благороднымъ Платономъ превратно или религіозно.

Онѣ жилъ именно въ такое время, которое имѣетъ большое сходство съ нашимъ временемъ въ томъ, что его міръ боговъ находился въ состояніи того же распаденія и разложенія, какъ теперь христіанство.

Платонъ также мало довольствовался греческой мифологіей для разумнаго разъясненія міровоззрѣнія, какъ мы христіанской. Онѣ хотѣлъ, не посредствомъ традиціонныхъ преданій, но научно, какъ каждая философія, возвыситься до всеобщей истины. Намѣреніе было хорошее, но слабая плоть боролась съ задачей, которая требовала тысячелѣтнихъ усилій.

Раньше я говорилъ о томъ, что то неправильное воззрѣніе, посредствомъ котораго религія смотритъ на отношеніе между экземпляромъ и родомъ, имѣло вліяніе на философа Платона. Позволь поэтому, изобразить темного обстоятельнѣе, въ чемъ состоитъ религіозная превратность.

Вотъ, передъ нами вѣтеръ, морскіе приливы, солнечные лучи, химическія, физическія, словомъ, самыя разнообразныя силы природы. Это суть экземпляры всеобщей силы природы. На экземпляровъ эллины смотрѣли довольно трезвыми глазами, родъ же возсѣдалъ высоко на Олимпѣ въ лицѣ Зевеса. Грекамъ также были извѣстны прекрасныя вещи, однако, красота была воплощена въ неприступной богинѣ Афродитѣ.

Безусловно, философъ стоялъ выше міра боговъ, но всетаки былъ до того связанъ, что мистифицировалъ родъ, выдавая его за „Идею“. Платоновскіа „идеи“, какъ языческіе боги, суть мистификаціи всеобщаго или рода. И въ этомъ Платонъ показываетъ себя, безсознательнымъ сторонникомъ многобожества и именно въ томъ, что онѣ, такъ хорошо умѣвшій отличать добродѣтель отъ добродѣтельнаго, красоту отъ прекраснаго, правду отъ правдивыхъ деталей, при всемъ томъ не въ достаточной мѣрѣ могъ дойти до сознанія, что всѣ роды разрѣшаются во всеобщемъ неограниченномъ родѣ все-единого — и, такимъ образомъ, все хорошее, прекрасное и правдивое идентичны между собою. Только при посредствѣ христіанской вѣры въ единого Бога стало возникать монистичное изслѣдованіе объ абсолютномъ.

Изъ этого ты можешь вывести, что религія и философія образуютъ общую главу, которая имѣетъ своимъ предметомъ родъ всѣхъ родовъ. Вѣра отличается отъ науки тѣмъ, что наука не допускаетъ предписывать ей законы со стороны фантазіи и ея служителей, священниковъ, а точно изслѣдуетъ ихъ посредствомъ точнаго процесса мышленія и посредствомъ интеллекта. Частичное сліяніе обоихъ, судя по этому, вполне естественно.

„Если женщина сильна, развѣ не сильна она по тому же понятію о силѣ?“ „Подъ понятіемъ „той же“ я именно понимаю то,—поясняетъ платоническій Сократъ,—что нѣтъ разницы въ силѣ, будь она въ мужчинѣ или въ женщинѣ“.

Изъ этого изреченія, взятаго изъ Менон'а Платона, ты замѣтишь, какъ въ изслѣдованіяхъ Платона рѣчь идетъ о родѣ, въ данномъ случаѣ о родѣ-силы, которая является той же силой, какъ у мужчины, такъ и у женщины, у быка и осла, у Васьки и Пашки. Это и есть родъ, посредствомъ котораго вороныя и пѣгія суть лошади, собаки и обезьяны—животныя, животныя вмѣстѣ съ растеніями—организмы, наконецъ, разновидности всего міра находятся въ связи или суть „одно и то же“. Одно и то же въ ограниченной степени Платонъ понималъ въ силѣ, въ разумномъ, въ добродѣтельномъ и др.

Но что безграничное все есть „одно и то же“, что каждый экземпляръ есть особый родъ, и что каждый отдѣльный родъ есть относительно лишь одинъ экземпляръ, что вещи, какъ и идеи, какъ тѣло и душа, составляютъ одно и то же—это предоставлено раскрыть радикальной логикѣ народа.

Съ ограниченнымъ платоновскимъ понятіемъ совокупности была связана ограниченная теорія познанія или теорія наукъ, неправильное пониманіе интеллекта и его функцій. Сократовскій Платонъ и платоновскій Сократъ называютъ, какъ извѣстно, узнаваніе „воспоминаніемъ“.

Восхваляя узнаваніе, они насъ учатъ, что мы не должны вѣрить вмѣстѣ съ жрецами, но изслѣдовать разсудкомъ. Но все-таки они учатъ еще неправильному изслѣдованію, ограниченному искусству мышленія.

Въ упомянутомъ „Менонѣ“ изслѣдуется добродѣтель. Сократъ здѣсь хочетъ быть прямо учителемъ. Онъ вполне знаетъ, что его называютъ мудрѣйшимъ изъ людей, но объясняетъ это тѣмъ, что

другіе мнятъ много о своихъ познаніяхъ, въ то время, какъ его мудрость склоняется къ тому, что онъ смиренно знаетъ, что онъ ничего не знаетъ. Онъ не столько хочетъ учить, что такое добродѣтель, какъ ободрить своихъ учениковъ, изслѣдовать ее вмѣстѣ съ нимъ. Все-таки у него объ изслѣдованіи существуетъ путанное понятіе. Къ безсмертнымъ—предметамъ,—которые онъ чрезмѣрно отдѣляетъ отъ смертныхъ, преходящихъ, онъ причисляетъ и душу. „Безсмертная душа“, которая умираетъ и снова живетъ, и всегда жила, знаетъ все, но должна „вспомнить“. Итакъ для него изслѣдованіе, задумчивость есть размышленіе, воспоминаніе или спекуляція. Онъ ищетъ узаваніе не на пути естественныхъ наукъ, въ связяхъ міра, но умозрительно, внутри, въ головѣ человѣка.

Чтобы совершенно ясно разъяснить свою теорію о воспоминаніи, Сократъ призываетъ въ Менон'ѣ необразованнаго раба и начинаетъ обучать послѣдняго элементарнымъ основамъ геометріи. Невѣжеству, которое вначалѣ отвѣчаетъ неправильно, онъ умѣетъ врѣзатъ въ память, посредствомъ ловко поставленныхъ вопросовъ суть дѣла. Этимъ доказывается, что мудрость у человѣка въ головѣ находится а priori, но то, что къ этому принадлежатъ понятія, которыя запечатлѣваются въ памяти, только изъ связи внутренняго съ внѣшнимъ, сократо-платоническое искусство мышленія совершенно упустило изъ виду. Безсмертная душа съ врожденной мудростью долга затѣмъ причипила міру много заботъ. Изъ того, что я такъ критикую Платона, ты не долженъ думать, что я его мало уважаю. Напротивъ, я высоко очарованъ его божественнымъ, безсмертнымъ писаніемъ. „Слава Сократу, слава Платону, слава Аристотелю, но еще большіе славы истинѣ“. Итакъ, я убѣждаю тебя до извѣстной степени быть ярымъ поклонникомъ естественной науки, но все же я хотѣлъ бы привести тебя къ познанію, какъ она поклоняется ограниченному образу мышленія.

Робертъ Майеръ, гениально открывшій тепловой эквивалентъ, далъ доказательство, что сила тяжести, электричества, пара, теплоты и др. суть только виды одной силы, силы природы вообще. И все же, не совѣмъ такъ! Онъ установилъ математическую мѣру чиселъ или количество, гдѣ различныя силы замѣняютъ другъ друга. Этимъ же самымъ опредѣляется логическое сознаніе, какъ частичныя силы и общая сила природы раздѣляются по формѣ и составляютъ „одно и то же“ по

существо. Подобное сдѣлалъ Дарвинъ своимъ „Происхожденіемъ видовъ“. Все-таки, ни Дарвинъ, ни Майеръ не дали единству міра всеобщее выраженіе, котораго требуетъ наука мышленія. Чтобы принять участіе въ вышеупомянутомъ искусствѣ (мышленія) требуется, чтобы ты поднялся до сознанія, что не только всѣ силы суть модусы силы, что не только всѣ отдѣльныя животныя и породы суть разновидности животнаго міра, но что также несомнѣнно, какъ для тебя несомнѣнно твое существованіе, такъ же убѣдительно, какъ ты знаешь, что на лунѣ часть меньше цѣлаго, горящее—горячо, съ абсолютнымъ убѣжденіемъ, ты долженъ и можешь знать, что есть только одно бытіе, безконечное, божественное, которое не имѣетъ боговъ возлѣ себя, но содержитъ всѣ силы, матеріи и измѣненія при себѣ и въ себѣ.

Это—врожденная наука, всякое другое врожденное знаніе которой представляетъ собою лишь выводъ, врожденная наука, которую, конечно, ты сначала долженъ въ себѣ пробудить, „вызвать въ воспоминаніи“.

Сообразно этому, наша народная логика или демократическое ученіе о наукѣ учить тебя, не копаться въ себѣ, какъ это дѣлали древніе философы, не бранить чувства обманщиками и желать изслѣдовать правду безъ глазъ, носа и ушей, а также не, какъ многіе естество-испытатели, руководствоваться вѣрой, что можно видѣть, слышать и обонять познанія и что для этого не требуется духа.

Ошибка, которая дѣлается при неправильномъ употребленіи интеллекта, есть „грѣхъ противъ святаго духа“. Въ этомъ грѣхѣ Сократо—платоновское ученіе о воспоминаніи образуетъ одну крайность; другая крайность связана съ нашей современной наукой, поскольку она думаетъ найти истину съ чисто внѣшней стороны, и считаетъ лишь истиной все вѣсомое и осязательное. Такъ какъ предыдущее письмо находится въ болѣе тѣсной связи съ слѣдующимъ, чѣмъ обыкновенно, я себѣ позволю соединить эти оба подъ однимъ померомъ и раздѣлить ихъ буквами А и В.

В.

Мы пока еще, мой сынъ, гостимъ у Платона и я желалъ бы тебѣ показать, какъ философъ, ко времени котораго, естественная наука еле покрывалась первымъ пушкомъ, уже почувалъ ея грубую

ограниченность. Безусловно, въ извѣстной степени умъ Платона былъ не менѣе ограниченъ, чѣмъ разумъ такъ называемыхъ точныхъ наукъ еще и по настоящее время. Все же, полетъ его разума поднимался надо всѣмъ, межъ тѣмъ какъ ограниченный натурализмъ застрѣвалъ въ области частныхъ. Поэтому я надѣюсь, что ты найдешь какъ и я, интереснымъ въ послѣдующемъ ближе присмотрѣться, какъ истина, универсальная, проглядываетъ изъ подъ крыльевъ платоновской спекуляціи.

„Итакъ, слушай, что я скажу—говорить Сократъ въ „Phaedon’ѣ“, (§ 45),—въ моей молодости, о Кебесъ, у меня было большое стремленіе къ той наукѣ, которую называютъ естественной наукой; ибо мнѣ казалось величественнымъ знать причины всего, откуда всякое явленіе въ отдѣльности происходитъ, уничтожается и существуетъ, и сотни разъ я обращался то туда, то сюда, причѣмъ я раньше размышлялъ объ этомъ съ самимъ собой. Такимъ образомъ, когда теплое и холодное подвергается гніенію, какъ утверждали нѣкоторые, развѣ тогда образуются животныя? Мыслимъ ли мы посредствомъ крови, воздуха или огня? Или же ни одно, ни другое, но лишь мозгъ вызываетъ всѣ эти ощущенія, какъ то: зрѣніе, слухъ и обонаніе, и образуются ли затѣмъ изъ нихъ воспоминаніе и представленіе, а изъ воспоминанія и представленія, когда они отдыхаютъ—познаніе? И если я затѣмъ снова присматриваюсь къ исчезновенію всего этого и къ измѣненіямъ на небѣ и на землѣ, то я себѣ кажусь въ концѣ концовъ, безконечно неуклюжимъ во всемъ этомъ изслѣдованіи. Пусть достаточнымъ доказательствомъ тебѣ послужитъ слѣдующее: именно въ томъ, что я раньше зналъ вполнѣ точно, я настолько сильно ослѣпъ при этомъ изслѣдованіи, что я даже разучился тому, что я прежде считалъ, что знаю: о другихъ вещахъ и даже, напримѣръ, вопросъ о томъ, какимъ образомъ растеть человѣкъ. Ибо какъ я раньше думалъ, извѣстно всякому, что это происходитъ отъ ѣды и питья. Ибо, когда изъ ѣды къ мясу прибавляется мясо, а къ костямъ кости, и въ той же самой пропорціи, ко всему остальному родственное, тогда масса, которой раньше было мало, конечно, станеть затѣмъ больше и, такимъ образомъ, маленькій человѣкъ становится большимъ. Не кажется ли это тебѣ довольно понятнымъ?

„Подумай и о слѣдующемъ. Мнѣ кажется достаточнымъ, если человѣкъ, стоя возлѣ другого маленькаго, кажется большимъ, будь

онъ головой выше, также и лошадь возлѣ другой, а что еще яснѣе этого, мнѣ казалось, что десять больше восьми, ибо еще два прибавлены, а двуногое больше, чѣмъ одноногое, потому что оно на половину превосходить первое“.

Затѣмъ Кебесъ спрашиваетъ: „Ну, а теперь, что ты думаешь на этотъ счетъ?“ — „Что я, клянусь Зевесомъ, очень далеко отъ того, чтобы думать, что я знаю причину чего-либо, ибо я себѣ даже не представляю, что если кто либо прибавляетъ одно къ одному, чтобы тогда образовалось два, потому что одно прибавлено къ другому. Ибо я удивляюсь, какъ все таки, когда каждое было само по себѣ, каждое изъ нихъ было какъ будто бы однимъ, и они тогда не были двумя, но когда они приблизились другъ къ другу, то это было причиной того, что они стали двумя. И также мало я могу себя уговорить, что если кто-либо раздѣляетъ одно, на двѣ части, то это раздѣленіе служить причиной того, что образовались двѣ части. Ибо это было бы противоположной причиной раздвѣиванія.“

„Когда же я (§ 46) слышала, какъ нѣкто, читалъ вслухъ изъ книги, какъ онъ сказалъ про Анаксагора, что только разсудокъ, который все распредѣляетъ, служить причиной всего, то я этому обрадовался. Если-бы кто пибудь хотѣлъ найти причину каждаго, какъ оно образуется, исчезаетъ и существуетъ, онъ его долженъ былъ бы найти въ томъ, какъ именно ему лучше всего существовать... И вслѣдствіе этого, человѣку не подобаетъ, спрашивать о чемъ либо другомъ, чѣмъ о превосходнѣйшемъ и лучшемъ, также по отношенію къ себѣ, какъ и ко всему другому, и онъ тогда безусловно будетъ знать и худое, ибо познаніе обоихъ одинаково. Соображая все это, я радовался, что я могъ думать относительно причины вещей, что я нашелъ учителя, который былъ мнѣ по душѣ, именно въ Анаксагорѣ, который мнѣ также и скажетъ сначала: кругла или плоска земля, а послѣ этого объяснить мнѣ необходимость предмета (вещи) и его причину, ссылаясь на лучшее, и показывая мнѣ, что ему именно лучше быть такимъ. И если бы онъ утверждалъ, что онъ стоитъ посрединѣ, онъ мнѣ при этомъ объяснить, что ему лучше стоять на срединѣ, и если бы онъ мнѣ это ясно доказалъ, я бы вполне рѣшилъ, что никогда не буду желать другого рода причины. Также я рѣшилъ одинаково освѣδο-миться о солнцѣ, также о лунѣ и о всѣхъ остальныхъ созвѣздіяхъ и т. д. Ибо я думалъ, послѣ того какъ онъ разъ утверждалъ, что

все это распределено разумомъ, что онъ вовлечетъ какую-нибудь другую причину, чѣмъ ту, что съ каждымъ лучше всего обстоитъ такъ, какъ оно обстоитъ.

(§ 47). И эту чудную надежду, друзья мои, я совсѣмъ потерялъ, когда я продолжалъ читать и увидѣлъ, какъ этотъ человѣкъ ничего не начинаетъ съ разумомъ и также не приводитъ иныхъ причинъ, относящихся къ порядку вещей (міровому порядку), а, напротивъ того, приводитъ всевозможный воздухъ, эфиръ и воду и много другого удивительнаго.

И мнѣ казалось, что съ нимъ случилось такъ, какъ будто бы кто-нибудь сначала говорилъ, что Сократъ все, что онъ дѣлаетъ, дѣлаетъ съ разумомъ, затѣмъ, когда онъ начинаетъ приводить причины каждаго, что я дѣлаю,—хотѣлъ сказать, сначала, что я сижу здѣсь погому, что мое тѣло состоитъ изъ костей и жилъ, что кости плотныя и отдѣляются другъ отъ друга суставами, жилы (вены) же такъ устроены, что могутъ быть натянуты и расслаблены и проч. и проч. Также, еслибы онъ хотѣлъ приводить другія подобныя причины изъ нашего разговора, а именно, звуки и воздухъ, и слухъ и тысячи подобныхъ вещей, совершенно пренебрегая тѣмъ, чтобы приводить истинныя причины, того, что именно, потому что афиціянамъ лучше правилось меня сослать (осудить)—именно погому мнѣ казалось лучшимъ остаться здѣсь, и болѣе справедливымъ, терпѣливо вынести наказаніе, которое они назначили. Ибо, клянусь собакой, уже давно,—я по крайней мѣрѣ думаю—мои кости и жилы очутились бы въ Мегарѣ или у Беотійцевъ, еслибы я не считалъ это болѣе справедливымъ и болѣе прекраснымъ, чѣмъ спастись бѣгствомъ, лучше понести наказаніе передъ государствомъ. Итакъ, слишкомъ несообразно называть подобныя причины, но если бы кто-либо сказалъ, что безъ оныхъ (жилъ и костей и всего другого, что у меня есть) я бы не былъ въ состояніи привести въ исполненіе то, что мнѣ нравится, то онъ былъ бы правъ. Но, что я бы по этому дѣлалъ то, что я дѣлаю, а не по свободному выбору лучшаго,—это было бы во всѣхъ отношеніяхъ легкомысленнымъ утвержденіемъ. Это значило бы: не быть въ состояніи различить, что у всякой вещи что-либо другое служить причиной, и что-либо такое другое, безъ котораго причина не могла бы быть причиной. И именно это, мнѣ кажется, большинство людей, какъ бы щупая въ темнотѣ, называютъ неподходящимъ именемъ, какъ будто бы это было при-

чиной. Поэтому одинъ прокладываетъ вихрь отъ неба къ землѣ, и заставляетъ посредствомъ этого остановиться, другой же подставляетъ ей, какъ табуретку для широкаго корыта, воздухъ“.

Вотъ слова мірового мудреца, которыя прошу нѣсколько разъ и внимательно прочесть, если они даже и выглядятъ немножко старомодно. Хотя цитата эта очень длинна и обширна, но я счелъ нужнымъ привести ее цѣликомъ.

Въ общемъ, въ этой цитатѣ говорится то же самое, о чемъ говорилось уже въ предыдущихъ письмахъ. По Сократу, всѣ наши дѣйствія и поступки имѣютъ болѣе обширную общую цѣль, которую онъ называетъ „добромъ“, такъ что мы даже самое зло творимъ во имя добра. Преступленіе имѣетъ цѣлью частное (личное) благо. Зло есть не познанное и искаженное добро. Въ примѣненіи къ естественной наукѣ, это значитъ, что она не понимаетъ связи всѣхъ ея прекрасныхъ открытій. И еще и теперь этотъ упрекъ умѣстенъ. Хотя естественно-научныя связи узнаются изо дня въ день все шире и шире, все-таки, еще недостаетъ познанія абсолютной связи, именно, разума съ матеріальными вещами, или идеальнаго и реального. Естественная наука учитъ приблизительно, какъ Евангеліе Іоанна: Авраамъ произвелъ Исаака, Исаакъ произвелъ Іакова. Но что всѣ эти производители—не производители въ послѣдней инстанціи, а производныя отъ стараго Іеговы существа,—этому она забываетъ учить. Некультивированное состояніе греческой естественной науки, могло быть для Сократа достаточнымъ поводомъ для того, чтобы быть о ней низкаго мнѣнія. Мы, наоборотъ, имѣемъ основаніе цѣнить естественную науку очень высоко, и именно поэтому я ставлю себѣ задачей, показать тебѣ на ея благородномъ примѣрѣ, какъ пренебреженіе универсальной мыслью необходимо заключаетъ въ себѣ ограниченное міросозерцаніе. Мы можемъ продолжительнѣе радоваться, чѣмъ старый Сократъ, когда насъ естественно-научнымъ путемъ поучаютъ, „какъ каждое образуется, проходитъ и существуетъ“, ибо съ помощью сдѣланныхъ за это время болѣе обширныхъ опытовъ, естественно-научныя познанія гораздо правильнѣе теперь, чѣмъ во времена Анаксагора. Но все-таки, ты поэтому не долженъ отказываться еще дальше изучать логику, а именно, какъ всякій ростъ, образованіе, происхожденіе, исчезновеніе и существованіе лишь составляетъ измѣненіе формы. Естественно-научныя причины, на самомъ дѣлѣ не причины,

но дѣйствія универсума. Это разумныя дѣйствія разума, поскольку послѣдній не есть частичная, но связанная съ міромъ универсальная часть. Я повторяю часто поясненное: нашъ интеллектъ не нашъ, онъ не принадлежитъ человѣку, но вмѣстѣ съ человекомъ онъ принадлежитъ универсуму. Разумъ и міръ, истинное, прекрасное и доброе, вмѣстѣ съ божествомъ, которому ты не долженъ идолопоклонничать, но которое ты долженъ познавать въ духѣ и въ мірѣ,—все это одна вещь, одно существо, и вездѣ, вѣчно и всегда „одно и то же“.

Сократъ показываетъ, что онъ имѣетъ еще лишь ограниченное, антропоморфическое, а не космическое понятіе о „лучшемъ и добромъ“ и о разумѣ. Онъ былъ одержимъ предразсудкомъ, присутимъ всѣмъ некультурнымъ, вѣрующимъ въ Бога людямъ, что разумъ старше, чѣмъ остальной міръ, что онъ господствующій и предшествовавшій начертатель плановъ. Наше ученіе о разумѣ, напротивъ, знаетъ духъ, который мы имѣемъ въ головѣ, лишь какъ проявленіе мірового духа. Послѣдняго ты все-таки не долженъ признавать чудовищемъ (чудодухомъ), но тѣлеснымъ универсумомъ, который, не смотря на всѣ перемѣны и измѣненія, является вѣчно единымъ, истиннымъ, добрымъ, разумнымъ, найдѣйствительнѣйшимъ, наивысшимъ.

Двадцать четвертое письмо.

Искусство мышленія, сынъ мой, къ которому мы стремимся, есть искусство не чистое, открытое, но связанное съ практикой, практическая теорія, теоретическая практика. Она не отдѣльная, отдѣленная вещь, не вещь „въ себѣ“, но въ связи со всѣмъ; она имѣетъ универсальную связь. Наша логика, слѣдовательно, какъ многократно объ этомъ повторялось, есть философія, міровая мудрость и метафизика. Послѣдней она является настолько, насколько она не исключаетъ ничего и ровно ничего, и также не чрезмѣрное. Она учитъ, что какъ все, такъ также и чрезмѣрность, если она примѣняется съ сознаниемъ, и съ необходимымъ ограниченіемъ, въ подходящее время и на подходящемъ мѣстѣ, какъ, на примѣръ, въ Кельнѣ во время карнавала, составляетъ очень разумное и чрезмѣрное удовольствіе.

Всѣ знаменитые великіе философы были изобрѣтателями и прак-

тикантами того же самаго искусства мышленія жизни и міра, несмотря на то, что они многократно искали уединеніе и воздержаніе. Развѣ можно познакомиться съ міромъ въ затворничествѣ? Да и нѣтъ: если ты раньше путешествовалъ и многократно исколесилъ страны, то потомъ очень полезно уединиться въ свою комнату, привести въ порядокъ воспринятія впечатлѣнія и поразмыслить о должномъ пути жизни. Такимъ образомъ, законченное мышленіе, въ относительномъ смыслѣ слова, т. е. въ соединеніи, въ связи съ наблюденіемъ и опытомъ, съ наслажденіемъ и жизнью является, настоящимъ блаженствомъ. Тѣло и душа связаны вмѣстѣ и если ихъ отдѣляютъ, то необходимо знать, что такое отдѣленіе, разлученіе и различеніе—только форма, что они составляютъ всетаки одну вещь, случайности одного существа, которое безконечно велико, такъ велико, что всѣ остальные присоединяются къ нему, какъ бахрома. Искусство различенія безконечно различаетъ безконечное, съ тѣмъ сознаніемъ, что въ дѣйствительности все связано безъ различія и составляетъ единое. Не только непосвященными, но также философскими величинами эта истина также и истина вообще не познана. Внѣдрившіяся тысячелѣтіями дуализмъ между душой и тѣломъ особенно помѣшалъ проникновенію въ міровую связь. Вся исторія философіи есть только борьба съ дуализмомъ духа и тѣла. Только шагъ за шагомъ она приблизилась къ монистической цѣли.

Послѣ того, какъ погасло блестящее трехзвѣздіе—Сократъ, Платонъ, Аристотель,—философское небо покрылось темными тучами. Язычники ушли съ горизонта, и христіанство и догматы его церкви властвовали надъ логикой людей, пока, наконецъ, въ началѣ новѣйшаго времени тамъ и сямъ восходитъ научное свѣтило. Въ особенности Картезіи и Спиноза, съ особымъ блескомъ выдѣляющіеся между первыми, которые, конечно, могутъ лишь съ трудомъ и относительно эманципировать свой духъ. Спиноза, еврейскаго происхожденія, особенно интересенъ въ своей борьбѣ противъ ограниченнаго духа и за универсальный духъ. Онъ пишетъ „Трактатъ объ улучшеніи разума и о пути, по которому онъ лучше всего можетъ быть приведенъ къ истинному познанію вещей“. Онъ, какъ и мы, ищетъ лучшей путь, истинный путь и путь истины. Онъ, какъ и мы, хочетъ изслѣдовать лучшее искусство мышленія и примѣнять его.

Онъ начинается:

„Послѣ того, какъ опытъ меня научилъ, что все, что даетъ обыкновенная жизнь, тщеславно и ничтожно, я увидѣлъ, что все, кого и чего я боялся, содержитъ въ себѣ хорошаго и дурного лишь настолько, насколько душа отъ этого приходитъ въ эмоцію, я, наконецъ, рѣшился изслѣдовать, существуетъ ли истинное добро... существуетъ-ли нѣчто, посредствомъ находженія и достиженія котораго можно навсегда заручиться безпрестанной и чрезвычайной веселостью. Что больше всего встрѣчается въ жизни и что люди считаютъ въ сш имъ добромъ, можно охватить троякимъ образомъ, именно: богатствомъ, честью и чувственностью“.

Послѣ того, какъ Спиноза затѣмъ открылъ тѣневныя стороны и недолговѣчность этихъ популярныхъ благъ, онъ ихъ называетъ „неувѣренными по своей натурѣ“, въ то время, какъ онъ ищетъ „постояннаго блага“, „которое только неувѣренно по отношенію къ его достиженію, но не по его натурѣ“.

Но какъ найти это?

„Здѣсь я хочу лишь вкратцѣ сказать, что я подразумѣваю подъ истиннымъ добромъ и что одновременно есть высшее благо. Чтобы хорошенько вникнуть въ это, нужно помнить, что хорошее и дурное высказывается лишь относительно, поэтому одинъ и тотъ же предметъ, смотря по разницѣ отношеній, можетъ быть названъ хорошимъ и дурнымъ и также совершеннымъ и несовершеннымъ“.

Истинное, высшее и постоянное благо Спиноза открываетъ сейчасъ же, забѣгая впередъ проектированнаго изслѣдованія, въ „Познаніи единства“, въ которомъ находится душа вмѣстѣ со всей природой. „Это и есть“, говоритъ онъ дальше, „цѣль, къ которой я стремлюсь“...

„Для этой цѣли нужно освоиться съ моралью, философіей и ученіемъ о воспитаніи дѣтей и связать съ этимъ всю медицинскую науку, ибо здоровье существенно способствуетъ достиженію этой цѣли. Также нельзя пройти и мимо механики, ибо многое трудное дѣлается легкимъ съ помощью искусства. Раньше всего нужно отыскать путь для улучшенія разума“.

Теперь, мой милый воспитанникъ, мы снова пришли къ центру нашей темы. Кто, что такое интеллектъ, откуда онъ приходитъ, куда онъ ведетъ? Отвѣтъ: Онъ есть свѣтъ, который свѣтитъ не внутрь себя, а изъ себя и освѣщаетъ міръ. Поэтому наука, которая

имѣетъ своимъ предметомъ мыслительную способность, есть, хотя и ограниченная, но всетаки универсальная дисциплина, или универсальная міровая мудрость. Но развѣ это не противорѣчіе, если какая-нибудь специальная дисциплина хочетъ быть всеобщимъ міровымъ познаніемъ? Развѣ всеобщая премудрость не есть та, которая охватываетъ все знаніе, всю особенную науку? Не долженъ ли я, чтобы быть въ дѣйствительности міровымъ мудрецомъ, все знать? И какъ можетъ единичная голова быть настолько дерзкой, чтобы приобрѣсть всѣ познанія и хотѣть все знать? Рѣшеніе: Невозможно, чтобы ты все зналъ; но ты очень легко можешь подняться до взгляда, что твоя и каждая другая специальная мудрость суть части общей мудрости, которыя образуютъ относительное цѣлое, которое въ связи со всѣмъ міромъ изображаетъ абсолютное существо. Такой взглядъ тогда является чисто логическимъ, который одновременно представляется общимъ взглядомъ, прозрѣніемъ въ общую сущность. Если Сократъ ищетъ добродѣтели и „лучшее“, а Спиноза безпрестанную и высшую веселость, если такая мудрость рассчитана только на болѣе тѣсный кругъ человѣческой жизни, еще не возвысившись поэтому до космическаго міра, то пусть это тебя не смущаетъ. Средство и инструментъ, которымъ они стремятся къ цѣли, есть интеллектъ. Ясно, что интеллектуальное изслѣдованіе должно было привести къ разслѣдованію интеллекта, къ „улучшенію разума“, къ „критикѣ разсудка“, къ „логикѣ“ и такимъ образомъ, наконецъ, къ познанію, что способъ мышленія есть неотдѣлимая часть монистическаго міра, абсолютнаго, которое даетъ всему мышленію поддержку, смыслъ и разумъ.

На своемъ пути изслѣдованія къ улучшенію разума, Спиноза по пути поднимаетъ замѣчаніе, которое мнѣ кажется особенно достойнымъ близкаго вниманія. Тамъ значитъ такъ: Если мы ищемъ пути къ улучшенію разума, мы не должны, чтобы быть въ состояніи найти такой путь, уже раньше улучшить разумъ, чтобы лишь быть въ состояніи отыскать путь, который ведетъ къ улучшенію разума, и такъ далѣе безъ конца? „Нужно имѣть молотокъ, чтобы ковать желѣзо, а чтобы имѣть молотокъ, онъ долженъ быть сдѣланъ; но для этого нужны—другой молотокъ и другіе инструменты, а для ихъ доставанія нужны опять другіе инструменты и такъ далѣе, безъ конца. Такимъ образомъ нельзя доказывать, что люди не обладаютъ могуществомъ ко-

вать желѣзо. Гораздо больше люди могли сначала производить со своими природными инструментами лишь самое легкое и то съ большимъ трудомъ и несовершенно; судя по этому, они дѣлали тяжелое съ меньшей работой и лучше; и такъ они помаленьку добрались отъ самыхъ простыхъ работъ до инструментовъ“. Въ этомъ ходѣ мыслей я восторгаюсь гениальнымъ познаніемъ, что молотокъ не такой ограниченный инструментъ, какимъ его считаетъ необразованный человѣческій разумъ. Онъ думаетъ, что молотокъ — не щипцы. Спиноза, напротивъ, говоритъ, что голый кулакъ, когда мы его употребляемъ для удара, есть молотокъ, еще больше камень или палка. Клещи, которыми я вбиваю гвоздь, превращаются въ молотокъ, молотокъ, которымъ я вырываю гвоздь, становится клещами, кулакъ или палка, разумъ или безразсудство, все одно, это значить, что вещи лежатъ врозь, но никогда и нигдѣ, не такъ неограниченно далеко, какъ думаютъ фантасты. Какъ молотокъ и клещи, и пила и напильники являются частями или членами одного рода, т. е. инструментовъ, такъ всѣ вещи міра суть члены единого, абсолютнаго. Познай въ этомъ, милый Евгеній, какъ относительное и абсолютное не такъ неограниченны, не лежатъ такъ непроходимо раздѣльно другъ отъ друга, что можно одно возвысить до небесъ, а другое оклеветать. Познай, какъ все такъ діалектично связано, что безконечное, божественное можетъ жить лишь въ недолговѣчномъ, частномъ, и, наоборотъ, — части міра — лишь въ цѣломъ, абсолютномъ. Словомъ: Возвись твое понятіе до универсальнаго понятія, но не вознося до небесъ наивысочайшее, а познавая его во всѣхъ частяхъ.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	СТРАН.
Евгеній Дицгенъ. Нѣсколько словъ къ русскому переводу „Аквизитъ философіи“ Иосифа Дицгена	III
Предисловіе	IX
I. Познаніе, какъ спеціальный объектъ	1
II. Познательная способность роственно связана съ универсумомъ	4
III. Въ какой мѣрѣ интеллектъ ограниченъ или неограниченъ	8
IV. О всеобщности природы	13
V. Познательная способность есть часть человѣческой души	18
VI. Сознанію прирождены не только возможность или способность знать вообще, но и сознаніе объ универсальности общей природы	25
VII. О родствѣ, или такъ называемой идентичности, между духомъ и природой	30
VIII. Познаніе матеріально	36
IX. О четырехъ основныхъ логическихъ законахъ	39
X. Функція познанія въ религіозной области	49
XI. Категория причины и дѣйствія, какъ познательное средство познанія	56
XII. Духъ и матерія—что является первичнымъ и что—вторичнымъ?	63
XIII. Въ какой мѣрѣ преодолѣно сомнѣніе въ возможности яснаго и точнаго познанія	70
XIV. Продолженіе темы о различіи между спорными и очевидными познаніями	78
Въ заключеніе	85

Письма о логикѣ, спеціально пролетарски-демократической логикѣ

Письмо первое	93
Письмо второе	96
Письмо третье	100
Письмо четвертое	104
Письмо пятое	109
Письмо шестое	114

	СТРАН.
Письмо седьмое	120
Письмо восьмое . .	124
Письмо девятое .	130
Письмо десятое . . .	134
Письмо одиннадцатое	139
Письмо двѣнадцатое .	144
Письмо тринадцатое . .	148
Письмо четырнадцатое	154
Письмо пятнадцатое . . .	158
Письмо шестнадцатое	162
Письмо семнадцатое . .	168
Письмо восемнадцатое	173
Письмо девятнадцатое	178
Письмо двадцатое . . .	182
Письмо двадцать первое .	188
Письмо двадцать второе .	192
Письмо двадцать третье .	197
Письмо двадцать четвертое . .	206

Изданія П. Дауге.

Готовятся къ печати:

I. Дицгенъ: Экскурси соціалиста въ область теоріи познанія.

Унтерманкъ: Антоніо Лабріола и Іосифъ Дицгенъ. (Историческій матеріализмъ и монистическій матеріализмъ).

Цѣна 1 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ: Коломенская ул., д. № 3, кв. 32. 11-18

Для книгопродавцевъ 25% скидки.

Выписывающіе изъ склада на сумму 20 рублей пользуются бесплатной пересылкой.